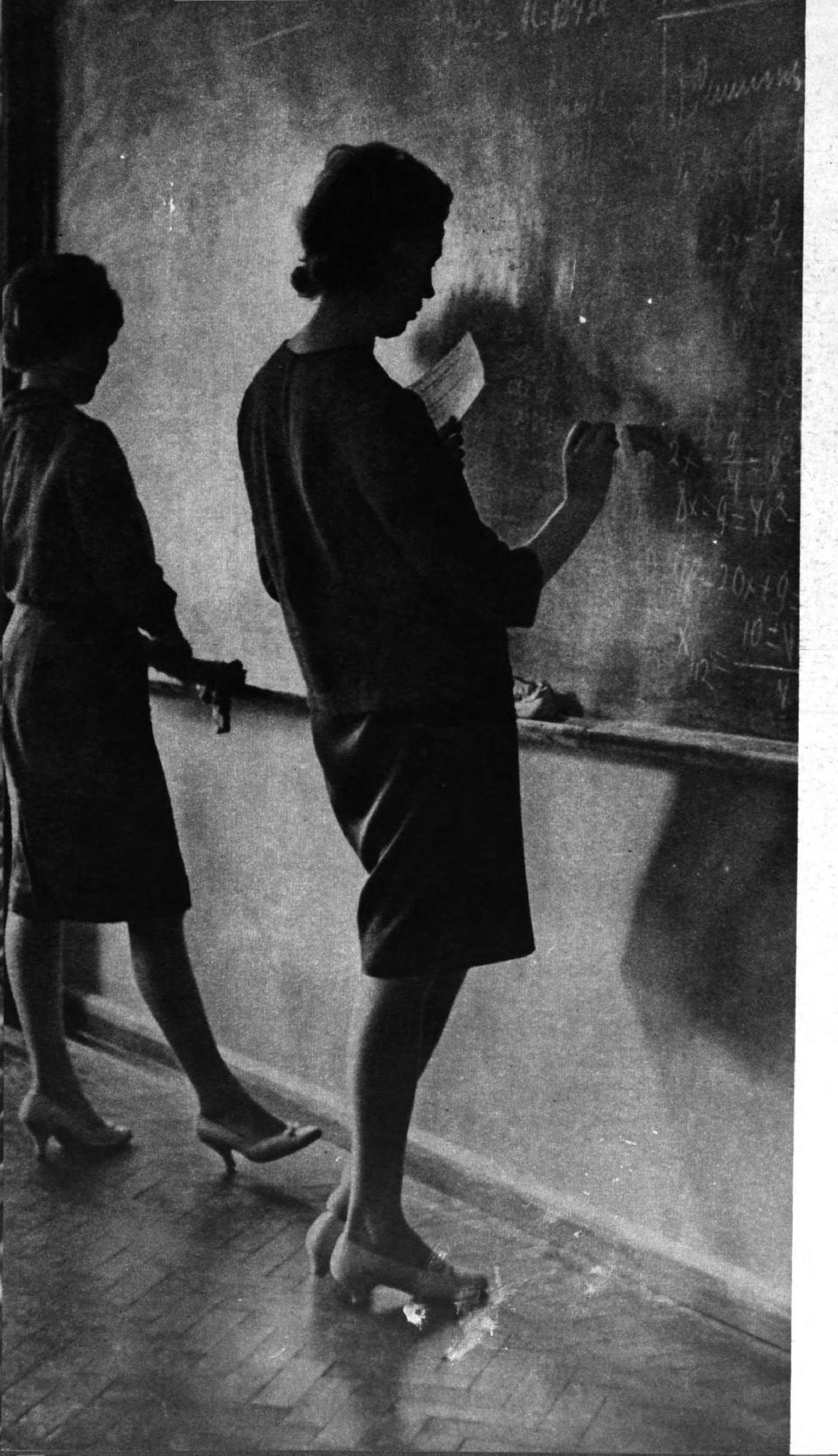
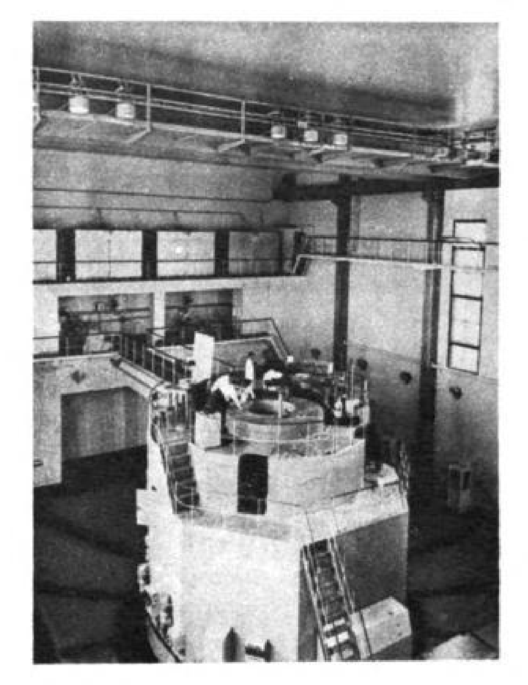

ОГОНЁК
№ 35 АВГУСТ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ РУМЫНИИ:
ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СЧАСТЬЯ

...Эти девушки хотят стать кораблестроителями. Они держат экзамены в Горьковский институт инженеров водного транспорта.

В номере — фоторепортаж «Осеннее половодье» ведет наш корреспондент Римма Лихач.

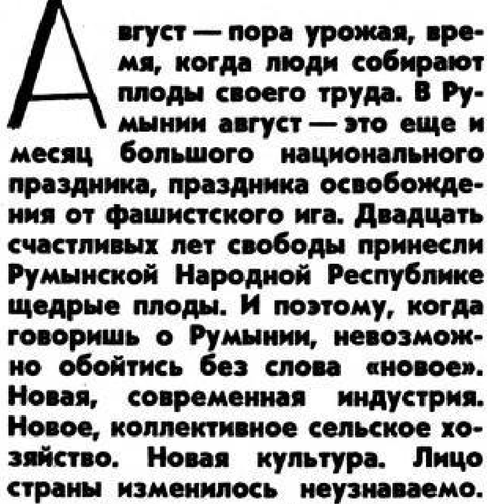

В республике создано более ста научно-исследовательских учреждений, оснащенных новейшей аппаратурой. На снимке: реактор Бухарестского института атомной физики.

Констанца — морские ворота Румынии.

ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ РУМЫНИИ: ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СЧАСТЬЯ

Август — пора урожая, время, когда люди собирают плоды своего труда. В Румынии август — это еще и месяц большого национального праздника, праздника освобождения от фашистского ига. Двадцать счастливых лет свободы принесли Румынской Народной Республике щедрые плоды. И поэтому, когда говоришь о Румынии, невозможно обойтись без слова «новое». Новая, современная индустрия. Новое, коллективное сельское хозяйство. Новая культура. Лицо страны изменилось неузнаваемо.

Двадцать лет — это возраст молодости. Какая же она, двадцатилетняя Румыния! Об этом рассказывают снимки румынского агентства Аджерпресс.

Ансамбль «Румынская рапсодия» широко известен не только в своей стране, но и далеко за ее рубежами.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 35 (1940)

23 августа 1964

Никита Сергеевич Хрущев беседует с дояркой совхоза «Украинский» Евдокией Григорьевной Ефименко. Эта встреча произошла на выставке, которую устроили животноводы Федоровского управления Кустанайской области.

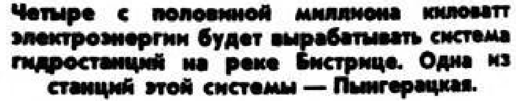
Фото Г. Самарова.

СОВЕТ С НА

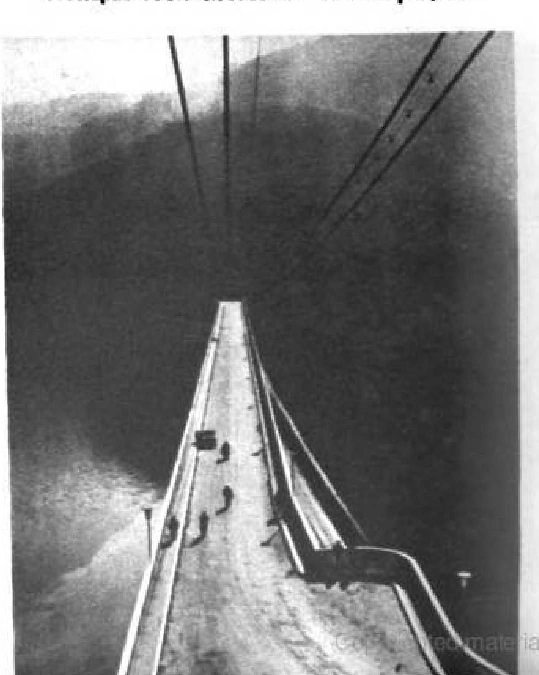
Оживленно сейчас в книжных магазинах Бухареста: поступили новые учебники. В этом году румынские школьники получат 24 с половиной миллиона учебников. Это в три раза больше, чем было издано в буржуазной Румынии за 40 лет.

ПРАЗДНИК НАРОДНОЙ РУМЫНИИ: ДВАДЦАТИЛЕТИЕ СЧАСТЬЯ

Четыре с половиной миллиона киловатт электроэнергии будет вырабатывать система гидростанций на реке Бистрице. Одна из станций этой системы — Пынгерацкая.

Никита Сергеевич Хрущев вручает орден Ленина, которым награждена Киргизская ССР, первому секретарю ЦК Компартии Киргизии Т. Усубалиеву, Председателю Президиума Верховного Совета Киргизской ССР Т. Кулатову и Председателю Совета Министров республики Б. Мамбетову.

Фото В. Соболева (ТАСС).

Слова «целина» и «трудовой героизм» стали в нашей стране синонимами. Всего десять лет назад по инициативе Никиты Сергеевича Хрущева началось освоение целинных и залежных земель. А сейчас, когда едешь по Целинному краю и видишь море тучной пшеницы, благоустроенные усадьбы совхозов, с трудом веришь, что совсем недавно здесь шумела ковылем дикая степь. За десять лет хозяйства Целинного края дали стране более 3,5 миллиарда пудов хлеба, много мяса, молока!

Никиту Сергеевича Хрущева труженики края называют первым и почетным целинником, его имя занесено в «Золотую книгу целинной славы». Не раз бывал он в здешних совхозах. Вот и сейчас вновь приехал сюда Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР. Приехал, чтобы встретиться с людьми, посоветоваться с ними перед предстоящим Пленумом ЦК КПСС.

Выступая на митинге в Целинограде, Никита Сергеевич сказал: «Дорогие целинники! Встреча с вами мне доставляет большую радость. За эти годы я сроднился с вами, и когда отправляюсь на целину, то еду как в родной дом».

Из Казахстана Н. С. Хрущев направился в Киргизию.

Огромных достижений добилась за годы Советской власти эта республика. До революции Киргизия была самым отсталым краем — областью кочевников, а теперь продукция, производимая здесь, экспортируется в тридцать пять зарубежных государств. В эти дни у граждан Советской Киргизии большой праздник: за успехи в развитии промышленности, сельского хозяйства, культуры и в ознаменование столетия добровольного вхождения Киргизии в состав России республика награждена вторым орденом Ленина. На торжественном заседании ЦК Компартии Киргизии и Верховного Совета Киргизской ССР Никита Сергеевич Хрущев выступил с большой яркой речью и вручил орден Ленина руководителям республики.

Из поездки по стране Никита Сергеевич Хрущев возвратился в Москву 18 августа.

РОДОМ

Так выглядят животноводческие фермы госсельхоза Сынадрей.

ТАКИМ СДАЛАСЬ ЦЕЛИНА

В высокой траве под шатром высокой солнечной березы играют ребятишки. Их тут целая стайка, все они чем-то неуловимо похожи друг на друга, и похожих берез тоже много. А за березами — пшеница, пшеница, пшеница...

Самая маленькая девочка — лет трех — голосисто поет: «Еду, еду на комбайне, ходит морем рожь. Не скрывай, Ванюша, тайны, сердце не тревожь!» «Не тревожь» она особенно долго, как-то самозабвенно тянет. Ребятишки, что постарше — два мальчика и совсем уже взрослые их сестры,—смеются, явно любуясь маленькой.

— Чья ты, девочка?— спрашиваю.

— Рудская!.. И они все Рудские,— серьезно добавляет девочка.

Рудской. Имя прославленного целинника Ивана Рудского хорошо помнит поколение, поднимавшее целину в 1954-м. Иван Рудской олицетворяет тех, кто прославил комсомол в послевоенные годы, он стоял у древка знамени ВЛКСМ, когда Ленинскому комсомолу вручали очередной орден Ленина. Ребята, приехавшие в Казахстан в первых эшелонах, заметенных недобрыми февральскими метелями, посылали Ивана своим представителем и на слеты целинников в Кремль, и на международные фестивали молодежи, и своим депутатом в парламент Казахской ССР. Он одним из первых возглавил комсомольскую бригаду, одним из первых научился брать с бою трудные целинные урожаи.

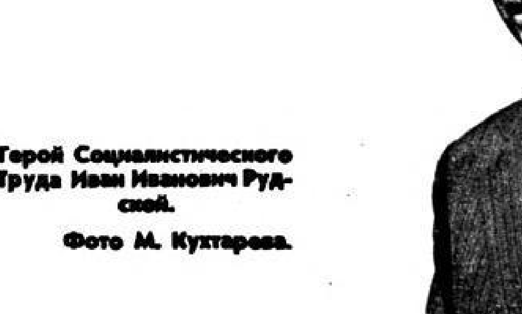
Прошло десять лет. Сейчас Герой Социалистического Труда Иван Иванович Рудской работает управляющим отделения крупнейшего в Кустанайской области совхоза «Боровской». Тысячи гектаров, сотни машин, много-много забот, и среди них наиглавнейшая — взять хлеб 1964 года!

Это об Иване Рудском, о его побратимах сказал на встрече с тружениками Целиноградской области Никита Сергеевич Хрущев: «Партия верила, что среди вас будут герои и героини социалистического труда, что грудь многих целинников украсят ордена и медали Советского Союза. Вы — патриоты освоения целины — говорили тогда, что для вас высшей наградой будет хлеб, который даст народу целина. Слово свое вы сдержали».

Слово сдержали! Зал ответил громом аплодисментов. И благодарно, жарко бил в ладоши широкоплечий, густобровый человек в президиуме митинга — Иван Иванович Рудской. А далеко-далеко в степном поселке Красносельском улыбались, глядя на экран телевизора, те самые ребятишки, и их мать, и бабушка, и они тоже аплодировали и тоже радовались. А когда в голубом квадрате появлялся президиум, то маленькая Света Рудская безошибочно находила:

— Мой папка!

Н. БЫКОВ

Герой Социалистического Труда Иван Иванович Рудской.

Фото М. Кухтарева.

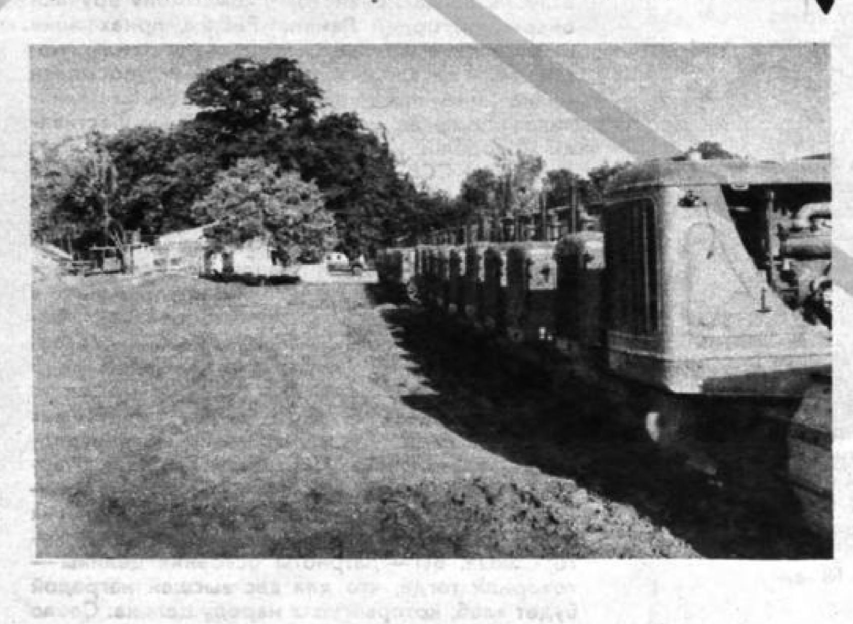
Ахмед Бен Белла, президент нового Алжира, прошел нелегкий путь борца за свободу и мир для своей страны. В этом году его имя было названо среди тех, кому была присуждена международная Ленинская премия «За укрепление мира между народами». Недавно в столице Алжирской Народной Демократической Республики городе Алжире Ахмеду Бен Белле была вручена эта премия. Президент Бен Белла оценил эту награду «как признание заслуг всего алжирского народа и жертв, принесенных им за торжество свободы и установление прочного мира во всем мире».

ФОТО ГЛОБУС

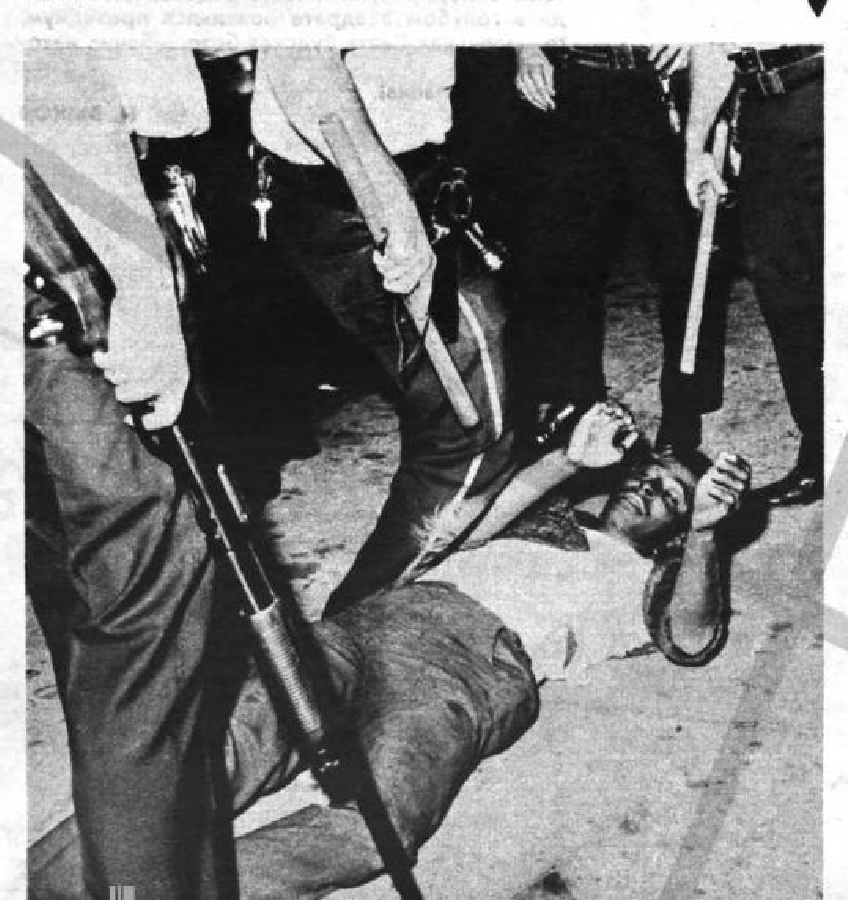
ОГОНЁК

Фото ТАСС, ЮПИ, журналов «ПАРИ-МАТЧ», «ТАЙМ», «ШТЕРН», газеты «ОБСЕРВЕР», К. ВИШНЕВЕЦКОГО.

Север Республики Сомали бесплоден и гол, а юг — пышные заросли джунглей и плодородная земля. Здесь, в нескольких десятках километров от экватора, вблизи реки Джуби создается первый в Сомали хлопковый госхоз. Мощные советские тракторы и скреперы выкорчевывают заросли Васкалии — «страны кустов». Работами руководят советские специалисты: главный инженер И. Бек-Муратов, гидротехник А. Лымарев и механизатор Герой Социалистического Труда С. Хоронько. Место, где создается госхоз, известно в Сомали под названием «столица львов». Их здесь много, но, как говорят сомалийцы, советские тракторы рычат сильнее. Республика смотрит на эту стройку как на доказательство растущей дружбы между Сомали и СССР.

Снимок сделан в американском городе Патерсоне, штат Нью-Джерси. В этом году читатель видел немало подобных снимков. То здесь, то там в США вспыхивают очаги борьбы негритянского народа против расовой дискриминации. Снова и снова обрушивают на негров свои дубинки полицейские и расисты. Снимок из Патерсона мы получили совсем недавно, а следом за ним пришло сообщение, что в Гринвуде, штат Миссисипи, расисты учинили расправу над 20-летним негром Сайласом Макги, когда он вошел в кинотеатр «для белых».

Нелегкая судьба выпала на долю киприотов. Лишь недавно освободившись от колониальной зависимости, Кипр оказался в центре провокаций, затеянных империалистами. Мир взволнован нападением Турции на территорию Кипра. Это нападение принесло смерть, слезы, горе. Фотографии, которые мы печатаем, показывают президента Кипра Макариоса у постели одного из тех, кто пострадал во время турецких бомбардировок; церковь, разрушенную турецким самолетами. Еще фотография: Искандерон — турецкий порт, расположенный ближе всего к Кипру. Иностранные агентства сообщают, что военные корабли Турции стоят здесь на якоре, готовые к операциям против Кипра. Последняя фотография — осколок зажигательной бомбы, сброшенной турецким самолетом на кипрскую землю. Надпись гласит, что эта бомба изготовлена по заказу американского правительства и является собственностью американских ВВС. Переданная американцами вооруженным силам НАТО, эта бомба в конце концов взорвалась в мирной кипрской деревне...

Каждый понимает стремление киприотов жить в мире, без иностранного вмешательства. Каждый желает, чтобы пламя натовских провокаций было погашено. Советский Союз, заинтересованный в том, чтобы в Средиземноморье, вблизи южных границ СССР, не вспыхивали военные конфликты, призывает к уважению независимости и территориальной целостности Республики Кипр. В своем недавнем заявлении Советское правительство предупредило также, что в случае иностранного вооруженного вторжения на Кипр «Советский Союз окажет помощь Республике Кипр в защите ее свободы и независимости от иностранной интервенции».

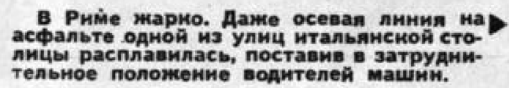

◀ Гастон Сумиало — один из руководителей конголезских патриотов, которые ведут успешную борьбу против иностранных ставленников в своей стране. И как всюду, где туго приходится реакционным силам, на помощь приходят Соединенные Штаты. В Конго уже прибыли американские парашютисты и американские бомбардировщики. Западногерманский журнал «Шпигель» сообщает, что США готовятся направить в Конго офицеров для «обучения и командования малобоеспособными частями конголезской армии». США создают новый очаг напряженности в мире.

◀ Муруора — название одного из крохотных островов на Тихом океане, в 1 200 километрах от Таити. Здесь ускоренными темпами сооружается полигон, где де Голль намеревается провести серию ядерных испытаний. Французских атомщиков не смущает, что в радиусе 500 километров от Муруора находится 11 населенных островов. Недавно «атолл нашей водородной бомбы», как называет Муруора журнал «Пари-матч», посетил глава французского правительства Жорж Помпиду. Ему была устроена традиционная встреча, на шею премьеру были надеты гирлянды цветов. Не отказываясь от почестей и торжеств, Помпиду тем не менее выполнил свою миссию: обследовал, как идет подготовка к взрыву. За цветы, преподнесенные Помпиду, жители Муруора получат радиоактивные осадки...

В Риме жарко. Даже осевая линия на асфальте одной из улиц итальянской столицы расплавилась, поставив в затруднительное положение водителей машин. ▶

▲ Эта картина — одно из «достижений» так называемого «поп-искусства» — была экспонатом на художественной выставке в Венеции. Шарлатаны от искусства считают ее «Монной Лизой» современности». И шарлатаны-критики поддерживают эти притязания.

Человек, припавший к окулярам стереотрубы, — новоиспеченный президент Южного Вьетнама Кхань. Президентом глава военной хунты стал буквально на днях. Назначение его на этот пост — конечно, с благословления его американских хозяев — газета «Нью-Йорк таймс» назвала «перетасовкой все той же старой колоды карт». В США ожидают, что, перетасовав эту колоду, они получат новые козыри для борьбы против народного движения за свободу Южного Вьетнама. Но даже американская печать признает, что США ведут безнадежную войну, в которой марионетки не могут стать победителями. Фотография изображает Кханя, когда он смотрит через границу на территорию Демократической Республики Вьетнам. Провокации против ДРВ, осужденные миром, были рассчитаны на то, чтобы спасти трещащий по швам режим Кханя. Кхань снова смотрит в сторону севера. Но ему не избежать краха, потому что внешние авантюры лишь усилят ненависть к его режиму внутри страны. ▶

РУССКИЕ ЧАСЫ НА ГРИНВИЧСКОМ МЕРИДИАНЕ

Английский журнал «Тудей» в одном из последних номеров пишет о товарах советского производства, которые продаются на Британских островах. Мнение Джона Бэнстера, автора этой статьи, будет интересно не только советским часовщикам и работникам оптических заводов.

Если спросить среднего англичанина, как, по его мнению, может выглядеть русский фотоаппарат, он, возможно, вообразит себе одно из тех громадных чудищ с крышечкой, которое наши предки устанавливали на треноге и заглядывали в его нутро из-под черного покрывала.

Спросите его о русских часах, и он, может быть, представит себе что-то похожее на будильник времен королевы Виктории, закованный в бронированный корпус.

Такое идиотское и невежественное представление о русской технологии производства товаров широкого потребления многими способами намеренно насаждалось на Западе, потому что для тех, кто производит товары для широкого рынка у нас, почти оскорбление думать, что государство, где все национализировано, способно производить точные изделия, которые могут соперничать с нашими.

Знаменательно то, что русские товары в наши дни коммерчески стоят на том же уровне, что и английские товары в то время, которое мы называем «старыми добрыми деньками» в Англии. Когда-то слова «сделано в Англии» служили гарантией того, что товар будет служить более или менее вечно. В России, если там делают камеру, следуют именно этому принципу.

Покупая камеру, русский рассчитывает, что она будет служить долго. Он надеется, что она надежна, и у него нет желания продать ее через год, чтобы приобрести новую, более привлекательную по внешнему виду модель, у которой нет никаких технических новшеств.

Недавно я испробовал некоторые из последних русских камер, и могу честно объявить, что это первоклассная продукция. Например, 8-миллиметровая кинокамера «Кварц» — отличная вещь, цена которой почти невероятна. За 16 фунтов стерлингов вы приобретаете весь набор — я имею в виду именно весь набор,— вплоть до кисточек для чистки линз. Я познакомился со всем набором русских объективов в конторе импортеров «Техникэл энд оптикал, эквипмент, лтд», и особенное впечатление произвела на меня компактность их телеобъективов; наши телеобъективы часто очень громоздки.

Русская продукция сделана аккуратно, очень удобна, исключительно хорошо сконструирована.

Один из недостатков большинства телеобъективов состоит в том, что они дают очень мягкий рисунок изображения. Русские решили эту проблему. Те объективы, которые я видел, дают замечательно четкий рисунок.

Кинокамера «Кварц» — отличная камера для любителя, так как она очень проста в действии. Я считаю, что простота в работе — одно из самых важных качеств любой камеры, и я нашел это и в фотоаппарате «Космик-35» (русское название — «Смена». — **Прим. переводчика**). Думаю, что эта камера, которая стоит менее 7 фунтов, лучшее, что я видел из подобных товаров.

Но не только камерами русские бросают чувствительный конкурентный вызов на Западе.

Их часы тоже удивительно хороши. Самозаводящиеся часы «Полет» — исключительная вещь, которая стоит меньше 9 фунтов. Надо признать, что они «крепко сшиты», но немногие из тех, кто хочет иметь надежные часы, будут возражать против этого! Русские производят еще и маленькие дамские часы «Слава» — они стоят 10 фунтов и очень точно показывают время.

Реклама советских часов и фотоаппаратов в английском журнале «Тудей».

Петр Третьяков.

АСЫ КОРАБЕЛЬН ДЕ

Ю. КРИВОНОСОВ,
Вл. ПАВЛОВ

Есть в Николаеве одна особенность — удивительно прямые для старого города улицы. Жители его утверждают, что улицы сделаны прямыми неспроста: по таким легче было возить огромные мачтовые деревья для строящихся на николаевской верфи кораблей.

Давно уж исчез парусный флот. Изменился облик Николаева. Появились в нем во множестве новые многоэтажные дома, крупные заводы и фабрики, пристани, причалы. Новый мост повис над широким, как морской пролив, Южным Бугом, по которому в ветреные дни ходит гривастая, не по-речному высокая волна. А по берегам — парки, лодочные станции, яхт-клубы.

Но прямые, как стрелы, улицы по-прежнему напоминают приезжему человеку: Николаев — город судостроителей...

Они напоминают о том, что именно здесь были построены все парусные корабли эскадры Нахимова, участвовавшие в Синопском бою. О том, что первый на Черном море пароход, «Везувий», спущен на воду в Николаеве. О том, что тут, на Буге, впервые вспорол острым форштевнем воду легендарный броненосец «Потемкин»...

Если б собрать воедино все корабли, сошедшие со стапелей Николаевского судостроительного завода имени Носенко, празднующего ныне свое 175-летие, не за полтораста и не за сто, а хотя бы за последние двадцать послевоенных лет,— все огромные сухогрузы, китобойцы и китобазы, танкеры, пассажирские лайнеры и рыболовецкие сейнеры, получился б целый флот, которым могла бы похвастаться любая крупная держава.

И выстроили этот флот простые хлопцы, вроде вон тех, что веселой гурьбой шагают сейчас нам навстречу по площади имени Ленина, мимо памятника десантникам старшего лейтенанта Ольшанского, под командованием которого пятьдесят пять матросов и двенадцать солдат в ночь с 25 на 26 марта 1944 года первыми ворвались в захваченный гитлеровцами Николаев. Весело переговариваясь и смеясь, шагают хлопцы в легкомысленных теннисках. И никак не скажешь по их виду, что большинство из них — признанные мастера судостроения. Как говорят на заводе имени Носенко, боги и асы корабельного дела.

Между тем это именно так. Именно эти парни из судосборочной бригады коммунистического труда Петра Третьякова своими руками построили огромный сухогруз «Красное знамя», спустили на воду китобазу «Советская Украина» и еще десятки других кораблей, одни названия которых образовали б длинный список.

Шутка сказать — построить корабль! Воздвигнуть, нет, не дом — целый плавучий город из металла. Город, в котором есть все необходимое для жизни и труда человека: прекрасно обставленные каюты, которым позавидует сухопутная квартира, магазины, буфеты, кинотеатры, плавательные бассейны, помещения для многочисленных корабельных служб, заводские цехи, мастерские, а иногда и целые заводы, перерабатывающие дары моря...

Трудное и ответственное это дело — монтировать и подгонять одну к другой огромные детали корабля, мять и гнуть металл, придавая ему нужную форму. Или устанавливать сложные корабельные механизмы в тесных железных отсеках, раскаленных летом и холодных, как ледник, зимой. Да при этом еще соблюдать идеальную, исчисляемую в долях миллиметра точность!

Линию гребного вала, например, размечают узким световым лучом. И если не получится точного совпадения луча и многотонного стального вала, начнется биение, опорные подшипники накалятся, а то и вообще расплавятся. И тогда над жизнями моряков, которым судостроители сдадут корабль, нависнет опасность...

В бригаде Петра Третьякова этого никогда не случается. Не найдется, пожалуй, такого металлического дела, с которым не справились бы третьяковцы. И если на заводе требуется выполнить особо сложную операцию, для которой нужна не только смелость и высокий рабочий разряд, но и точные знания, изобретательность, острая техническая смекалка,—выполнять такую операцию зовут третьяковцев. Они сделают!

Такова уж особенность судостроителей: на всю жизнь полюбили они свою нелегкую, а порой и опасную профессию и ни за что не расстанутся ни с ней, ни с родным заводом. Вот Толя Соколиков — правая рука бригадира на работе и лучший его друг на досуге. Чего только не пришлось пережить этому невысокому крепышу! Тонул Толя в море, падал с корабельной кормы высотою с десятиэтажный дом. Обжигался и ранил руки об острые края металла.

Но спросите его, нравится ли ему профессия судостроителя, он посмотрит вам в глаза спокойными и внимательными своими глазами и скажет:

— Лучше нашей нет даже у космонавтов!

И такое убеждение слышится в его голосе, что волей-неволей самому захочется строить корабли!

Жоре Вовку, боксеру-перворазряднику, прочили блестящее будущее чемпиона. Но для этого нужно было подыскать иную работу, требующую меньше и времени и труда. И Жора сделал выбор — остался в бригаде.

Конечно, не сразу она приходит, любовь к своей профессии. В первые дни новичку приходится трудно. И бывает, пока не видит никто, он начинает отлынивать, а то и брак сделает...

Так было, например, с Володей Плескачом — самым молодым членом бригады. Парень поначалу работал плохо, любил, по выражению Толи Соколикова, посачковать. И, может быть, не получилось бы из него настоящего судостроителя, если б так пристально, так неот-

Иван Григорьевич Гринцов.

ПРИШЛА ВОДА В ПОЛЕ...

П. ВЛАДИМИРОВ

Фото А. Гостева.

Слышите, как шумит кукуруза?

Из тысячи звуков узнаешь этот характерный шорох острокрылых листьев и узловатых, шершавых стеблей!

И чем выше стебель, чем шире лист, тем громче, сильнее поет кукурузное поле...

Слушает эту песню Иван Григорьевич Гринцов и радуется. Сошел с тропки, шагнул в зеленый лес, скрылся за его сплошной стеной. Ни головы, ни даже кепки не видать. Поднимет руку — кончики пальцев едва достигают нежных радужных метелок.

«Сколько же это будет, если в центнерах? Триста? Четыреста?.. А то и поболее!»

Но Иван Григорьевич запрещает себе думать об этом: рано считать урожай, пока он в поле.

Три года назад впервые прошел Гринцов по этому самому полю, в то время поросшему чахлыми злаками... По совести говоря, не очень-то ему хотелось покидать обжитое, налаженное хозяйство колхоза имени Мичурина и переходить председателем сюда, в отстающий колхоз имени Красной Армии, Марьинского производственного управления, Донецкой области.

Но не в обычае Ивана Григорьевича отказываться от трудного, прирастать к месту. И вот дал согласие...

Всего три года прошло с тех пор. А сделано уже немало.

В колхозе не было воды — ни речки, ни мало-мальски большого пруда. А без воды, без полива хорошего урожая в Донецких степях не получишь. В скором времени после прихода в колхоз Гринцов расчистил старые водохранилища и построил новые. Но весна на весну не приходится. Да и маловато бывает снега в Донецких степях. Не густо влаги собирали небольшие водохранилища, и к середине лета, в самое нужное время, в них не оставалось ни капли... Но Гринцов нашел выход. Рядом — шахты. Из них день и ночь качают насосы грунтовые воды, чтоб не заливало забоев. Председатель пошел к шахтерам, и те не отказали колхозникам в помощи.

Сейчас грунтовая вода не пропадает зря. Шестикилометровый водопровод подает ее на поля колхоза. На них густо поднялись кукуруза, подсолнечник, овощи.

ступно не наблюдал за ним бригадир. Петр Третьяков ходил на родительские собрания, если случалось Володе получить двойку в школе. Да и на работе всегда держал Володю при себе и чуть что — клал ему на плечо тяжелую свою руку.

— Нет, ты делай — не лишь бы сдать! Ты делай и думай, что это — твое судно, на котором сам будешь плавать! Ты представь, что твой брат выйдет в море на этом корабле... Для него делай!

Труды Петра не пропали даром. Сейчас к Володе претензий нет. Он такой же, как и все в бригаде,— настоящий судостроитель...

Мы упомянули только об одной рабочей бригаде завода имени Носенко. Просто так вышло, что завод и сам Николаев показывали нам Петр Третьяков и его товарищи. От них же мы слышали имена других судостроителей, которыми по праву гордится весь многотысячный заводской коллектив. Об ударнике коммунистического труда Щербакове и его товарищах по бригаде. О старом корабельном асе Бастрыгине, к которому в сложных случаях не стесняются обратиться за советом инженеры...

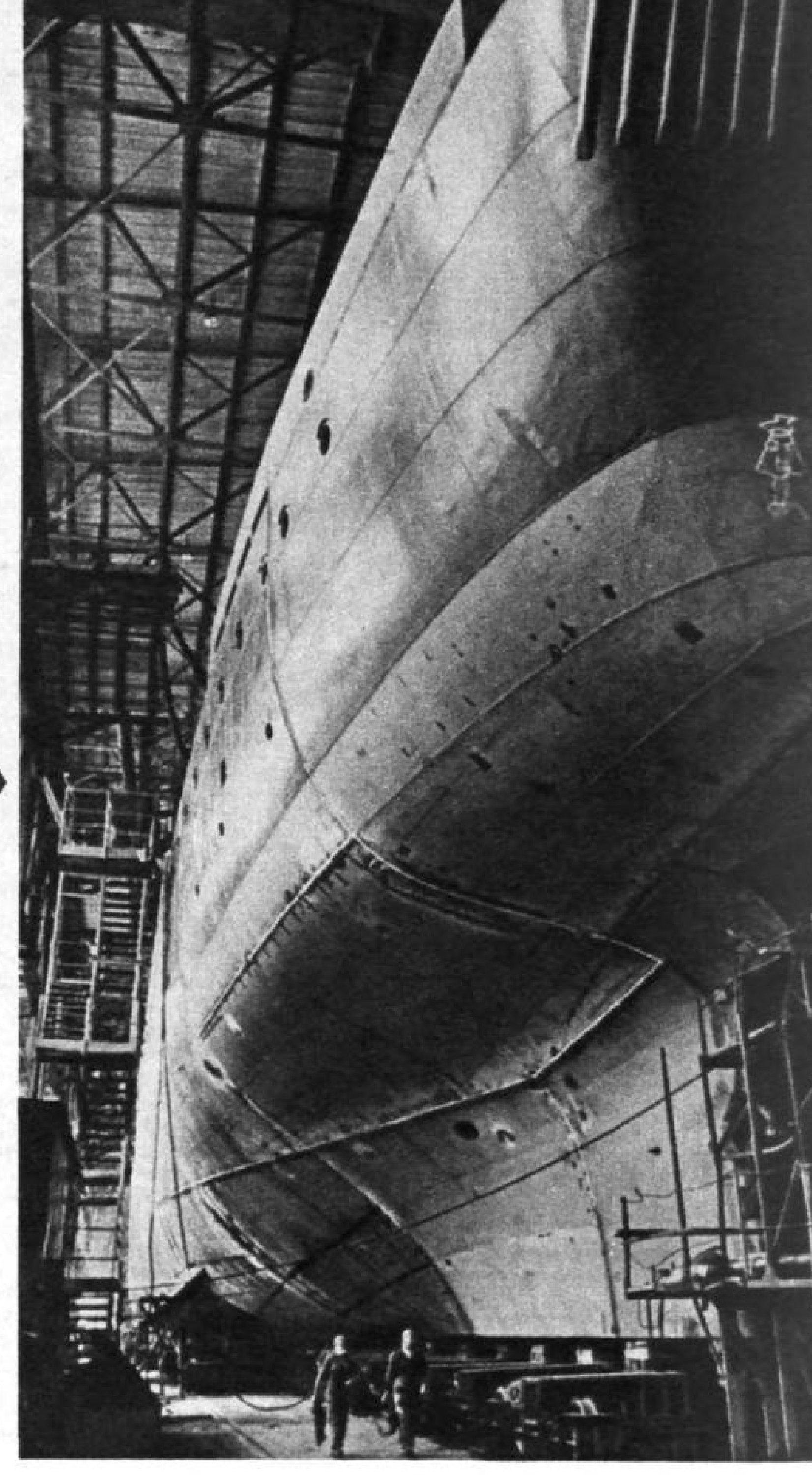
Да разве перечислишь всех, о ком хотелось бы рассказать!..

...Под разными широтами в водах разных морей плывут корабли, построенные руками рабочих Николаевского завода имени Носенко. В их трюмах — грузы, а в каютах — пассажиры. И реют на высоких мачтах красные флаги.

А по прямым улицам города Николаева, по утопающему в зелени огромному заводскому двору идет очередная рабочая смена. Идет к стапелю, на котором строится новый, на этот раз особенный — юбилейный сухогруз «Николаев»...

Корабли рождаются в огне. Идет работа в машинном отделении юбилейного сухогруза «Николаев».

Очень скоро примут рыбу трюмы этого очередного траулера, что сходит с заводского конвейера. ▶

Соратники и друзья из бригады Петра Третьякова.

Сцена из спектакля.

Фото А. Степанова.

СПУСТЯ ПОЛВЕКА...

Опера «Любовный напиток» — одно из самых пленительных произведений великого итальянского композитора Доницетти. Это беспрерывный поток мелодий, арий, дуэтов, замечательных ансамблей... Слушатель легко и радостно воспринимает чарующую музыку. В то же время для постановщиков и исполнителей виртуозный «Любовный напиток» изобилует трудностями, ибо все партии носят колоратурный характер, напоминая знаменитого «Севильского цирюльника» Россини.

На сценах оперных театров Москвы «Любовный напиток» не появлялся более полувека. Понятен интерес любителей оперы к этому спектаклю, поставленному в театре имени Станиславского и Немировича-Данченко П. Златогоровым (художник А. Лушин; дирижирует Г. Жемчужин). В спектакле участвует много отличных молодых певцов, что тоже делает его живым, веселым и, значит, особенно привлекательным для публики.

Н. ПАВЛОВА

СИЛА ДУШИ ТОЛГОНАЙ

Казалось бы, совсем непритязательна эта роль в спектакле Драматического театра имени Станиславского «Материнское поле». Пожилая киргизская женщина, мать. Миллионы таких на земле.

Выходит Толгонай — так зовут героиню Л. Добржанской — в поле. Садится на землю, которую пахали ее дед, отец, муж, сыновья... Прислушивается к травам и ветру, к жаворонку, который пел так же радостно, когда она была девчонкой, и потом, когда маленькими были ее дети. Все погибли: убиты на фронте муж и сыновья, умерла на руках невестка Алиман. Все погибли, а вот она жива...

Но, как будто получив от земли силу, Толгонай утверждает ее бессмертие. Запах пшеничного хлеба, жаворонок, поющий в небе,— это все она, Толгонай...

Когда Добржанская только еще начинала репетировать, она понимала, что главное для нее — не просто найти национальный колорит, быть похожей на киргизку в жестах и манерах. Главное — проникнуть в миросозерцание, в чувства женщины, преисполниться веры в немудреную, но искреннюю и ясную ее философию.

Сложность роли состояла еще и в том, что, по замыслу режиссера-постановщика Б. Львова-Анохина, Толгонай как бы ведет спектакль; драматические сцены воспринимаются как кадры — наплывы ее воспоминаний. Она рассказывает о прошлом и тут же, не меняя костюма и грима, становится действующим персонажем.

Но недаром же Л. Добржанская, как хорошо сказал о ней писатель Ион Друцэ, «труженик какого-то толстовского неистовства». Величие души своей героини актриса передает, не вставая на котурны, не прибегая к ложному пафосу. Легкость, простота, изящество отличают рисунок роли Добржанской.

Конечно, успех спектакля — это успех всего ансамбля, тонкой, умной режиссуры, мудрой поэзии, которой проникнута повесть Чингиза Айтматова. И все же зрители, покупая билет на спектакль, обязательно спрашивают озабоченно:

— А что, Добржанская играет без дублеров?..

Л. ФЕДОРОВА

Фото А. Гладштейна.

М. СЕМЕНОВ

Бессменная вахта

Когда нынешним летом в Москве, на Кузнецком мосту, экспонировалась выставка работ заслуженного деятеля искусств А. М. Каневского, в выставочных залах можно было увидеть самых разных зрителей. Сюда приходили убеленные сединами старцы, люди средних лет, молодежь и даже школьники третьих-четвертых классов. В этом не было ничего удивительного. Аминадав Каневский принадлежит к тем немногочисленным художникам, любви к которым действительно «все возрасты покорны».

Дело не только в широком жанровом и тематическом диапазоне творчества художника, охватывающем станковую графику и эстампы, акварельные этюды и плакаты, книжные иллюстрации и карикатуры. Дело еще в необычайно обостренном умении Каневского исчерпывающим образом «изъясниться» с любой зрительской аудиторией, будь то знатоки искусства — непременные посетители вернисажей, подписчики массового журнала или юные читатели «Золотого ключика» и «Мойдодыра». Каждый раз, изображая то или иное явление жизни, трактуя тот или иной литературный образ, художник находит точные, уместные именно в данном случае «слова». Причем, высказывая свою точку зрения, Каневский не впадает, как это нередко случается, в скучную назидательность, не становится в позу «учителя», а выступает как внимательный и остроумный собеседник. Его работы в высшей степени убедительны, что представляет собой наиболее разительную, «колдовскую» силу подлинного искусства.

Читатели «Огонька» знакомятся сегодня лишь с некоторыми рисунками А. М. Каневского.

Акварель к сказке М. Салтыкова-Щедрина «Карась-идеалист». Перед нами картина речного дна: освещенная и прогретая солнцем вода, песок, камни, водоросли и рыбы. Туповато-наивный карась, пускающий вверх голубоватые пузыри, небрежно прислонившийся к камню ерш, который поигрывает рыболовным крючком, как стеком, рыбки, словно птички, усевшиеся на стеблях водорослей и с любопытством уставившиеся на наживку. Настоящая идиллия! И в то же время убийственная сатира. Она не только в образе подкравшейся сбоку хищной щуки в жандармской фуражке. Вся атмосфера этого тихого уголка, с его ограниченными, но самодовольными обитателями подчеркивает призрачность мещанского благополучия. И даже колорит самого рисунка — голубовато-розовый, слащавый — усиливает остроту характеристики карася-идеалиста. Бескомпромиссное осуждение прекраснодушного идеализма — вот в чем пафос рисунка!

Во время обсуждения выставки, о которой мы упоминали выше, шел широкий разговор о творчестве А. М. Каневского. Один из ораторов в ходе дискуссии пытался доказать, что Каневский — «добрый» художник. Это было равносильно утверждению, что иглы служат ему для щекотки, а щука, дескать, имеет острые зубы потому, что ей часто приходится разжевывать манную кашу. Оратор, высказавший столь «оригинальную» мысль, остался в одиночестве. И это понятно. Потому что Аминадав Каневский при всем многообразии его творчества прежде всего сатирик, а значит, «злой» художник. Добросердечный карикатурист — какой же это сатирик!

Сатирик «добр» лишь в одном — в отношении ко всему передовому, прогрессивному, истинно прекрасному. Именно горячая влюбленность во все чистое и светлое в нашей жизни, глубокая убежденность в правоте идей коммунизма и рождают в сатирике «злость» к темному, отсталому, выкристаллизовывают непримиримость к малейшим отступлениям от коммунистической этики и морали. Очень хорошо говорит об этом сам художник.

«Сатирики-художники, — писал как-то А. М. Каневский,— должны вторгаться в жизнь и смело бичевать недостатки, которые у нас еще есть. Критикуя эти недостатки, мы и ведем своими средствами борьбу за положительного героя в первых рядах бойцов-сатириков. Его злое, острое перо разит без промаха, нанося немалые опустошения в стане наших идеологических противников».

Художник создает прекрасные иллюстрации к детским книжкам, участвует в оформлении спектаклей, пишет удивительно тонкие и поэтичные акварельные этюды.

Хочется сказать об одной особенности Каневского как карикатуриста: в его рисунках очень часто действуют не люди, а звери, птицы, рыбы. Но это не примелькавшиеся и порядочно набившие оскомину изобасни. Художник очень часто дает своим рогатым и пернатым большую идейную и моральную нагрузку. Вот конкретный пример — карикатура «Заботливая мамаша», не так давно опубликованная в «Крокодиле».

На рисунке изображено раннее утро. Безмятежно спит молодой петушок. Рядом с кроватью мамаша-хохлатка. Под карикатурой подпись: «Пусть Петя поспит еще немножко, я сама прокукарекаю». В облике и позе курицы столько добродушия, столько слепой любви и преданности своему отпрыску, что тема родителей, портящих своих детей чрезмерной опекой, достигает предельной выразительности и остроты.

Петухи, куры, козы, коровы, рыбы Каневского необычайно смешны, каждый раз они выражают определенный характер, определенное психологическое состояние. Они как в жизни и в то же время лишены отталкивающего натурализма. Это — настоящее искусство!

Таков Аминадав Каневский — «Конь», как его ласково и уважительно называют близкие друзья-художники, плечом к плечу с которыми он несет бессменную вахту на остром и ответственном сатирическом фронте.

СОГРЕВАЯ СЕРДЦА

Люди, стоящие на передовых рубежах строительства новой жизни, особенно близки театру трудовой Москвы — Академическому театру имени Моссовета. Большая заслуга в этом принадлежит бессменному руководителю театра, его главному режиссеру, горячему поборнику советской драматургии Юрию Александровичу Завадскому. И вот снова на сцене Театра имени Моссовета спектакль о тех, кто своими руками возводит леса новых строек, — «На диком бреге». Пьесу С. Радзинского по мотивам романа Б. Полевого поставил А. Шапс.

Роль Литвинова, начальника крупного строительства, играет Павел Осипович Герага...

Как легко и свободно ломает актер наши привычные представления! Нет, это вовсе не затравленный делами робот и вовсе не нудный бюрократ, распекающий замов. Живой, милый, добрый, очень близкий нам человек, хороший наш знакомый — словно вчера с ним расстались.

Самое драгоценное качество Литвинова, каким сыграл его Герага, — это светлая, отеческая, помогающая жить влюбленность в людей. Когда Литвинов — Герага входит в свой служебный кабинет, словно человечнее и ближе и нам становятся замыслы и масштабы строительства, светлее и теплее делаются улыбки, согреваются сердца. При его приближении уходит казенщина, бюрократизм, двоедушие, косность — все то, что мешает людям жить и работать. На редкость человечен Литвинов-Герага, и к нему тянутся все, от инженеров до мастеров, не только с делами стройки, но и с делами жизни, делами сердец. И разве только одно напоминает, пожалуй, в Литвинове старую схему характера крупного производственника — это непременно больное сердце, но тут уж, как говорится, из песни слова не выкинешь...

И с другими работниками этой стройки интересно познакомиться. Прежде всего с инженером Дюжевым — в колоритном, ярком исполнении М. Погоржельского. У Дюжева трудная, печальная биография. Отличный инженер, изобретатель, выдающийся технический ум... Мертвым грузом надолго легли в пыльные архивы его нужные и живые проекты. Однако не печаль и не минувшие тревоги волнуют в Дюжеве Погоржельского; в трактовке актера это сильный, несогнутый, большой человек, ни на кого и ни в чем не таящий обиды. Нечто упрямо-детское, милое, простодушное есть в образе другого инженера — Надточьева, сыгранного Г. Некрасовым. Он громок, прям и решителен, резок и точен в своих суждениях — человек новых, добрых сегодняшних наших дней, когда правдивость и душевная прямота стали лучшими достоинствами.

С удовольствием, весело встречают зрители молодого шофера Петровича, обаятельно сыгранного О. Анофриевым, и его любимую девушку-диспетчера в исполнении Э. Кроль. Это трогательные, живые, очень узнаваемые люди новой формации, превыше всего ценящие человеческое достоинство и свой честный, свободный труд.

Москвичи полюбят их так же, как полюбили героев «Совести».

Вл. ПИМЕНОВ

Литвинов—Павел Осипович Герага.
Фото В. Петрусовой.

КТО ХОЧЕТ ПОЛАКОМИТЬСЯ НА УКРАИНЕ.

А. Каневский. **ИНТЕРВЕНТЫ НА УКРАИНЕ.**

Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

КАК ОНИ ЛАКОМИЛИСЬ.

«Огонек». 1964.

А. Каневский. ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА «КАРАСЬ-ИДЕАЛИСТ». 1939.

ИЛЛЮСТРАЦИЯ К СКАЗКЕ А. Н. ТОЛСТОГО «ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК ИЛИ ПРИКЛЮЧЕНИЯ БУРАТИНО». 1950.

С недавних пор в Харькове стали проводить необычные вечера. Их называют праздниками улиц. Родилось это новшество в Новой Баварии — живописной окраине города. Активисты с улицы Софьи Перовской, общественный отдел культуры Октябрьского райисполкома и самодеятельные коллективы канатного завода хорошо подготовили и провели вечер жителей своей улицы.

Вечер удался, и весть о празднике улицы в Октябрьском районе разнеслась по городу. Обком партии поддержал хорошее начинание. Теперь такие вечера по субботам проводят во всех районах Харькова. На них собираются тысячи людей.

Жители поселка имени Артема тоже устроили у себя праздник, на котором мы побывали. Здесь живут работники завода имени Малышева, творцы мощных магистральных тепловозов.

Жители поселка старательно готовились к празднику. На улицах появились гирлянды разноцветных лампочек. Балконы домов украшены кумачом, коврами, вышитыми полотенцами. На транспарантах — «Сделаем наш поселок лучшим в Харькове».

И вот вечер начался. По улицам поселка промчались принаряженные грузовики и мотоциклы. Едут участники художественной самодеятельности из заводских клубов, одетые в национальные костюмы разных народов. «Всех, всех приглашаем на праздник!» — звучал призыв, и люди целыми семьями потянулись на площадь перед одним из домов, где состоялся небольшой митинг.

Выступавшие говорили о славном большевике Артеме, чье имя носит поселок, о тех радостных переменах, которые произошли в жизни поселка за последние годы.

Затем состоялось открытие памятника-обелиска. На нем высечены слова: «Наш поселок носит имя Артема, видного революционера-большевика, верного ученика В. И. Ленина, организатора революционного движения харьковских рабочих».

Опустились сумерки, и праздник переносится во дворы. Там ждут людей веселые затейники, певцы, танцоры, чтецы из самодеятельных коллективов. На столах, покрытых белыми скатертями,— самовары. Это постарались хозяюшки, живущие здесь.

Во дворе по улице Войкова, 5, жители отмечали день рождения электрика Анатолия Иванова. В соседнем доме старожил С. А. Хрулев увлекательно рассказывал молодежи историю заводского коллектива.

До поздней ночи кипело веселье, а закончился праздник фейерверком.

Открытие памятника-обелиска Артему в поселке, носящем его имя. Памятник создан по инициативе жителей поселка.

Фото Я. Рюмкина.

НА НАШЕЙ УЛИЦЕ — ПРАЗДНИК

В. ТЕСЛЕНКО,
секретарь Харьковского промышленного обкома КП Украины

Самодеятельные герольды сзывают жителей улицы на праздник.

Домохозяйки выставляли в этот день для всеобщего обозрения свои вышивки. Слева направо: Е. П. Кривко, М. Я. Кулага и В. В. Савина.

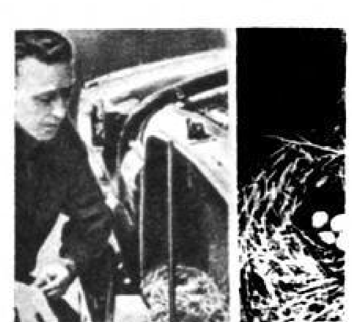
Разнообразна тематика таких вечеров. Люди чествуют героев труда, поздравляют молодоженов. Были встречи, посвященные воспитанию школьников, присвоению почетного звания «Дом коммунистического быта». Интересно прошли праздники «У нас в гостях кубинцы» и «Дружба, скрепленная кровью» на улице, носящей имя чешского офицера Героя Советского Союза Антонина Сохора.

Организация таких вечеров — живой отклик на решения июньского Пленума ЦК КПСС.

Сама жизнь родила новую форму, в которой удачно сочетается массово-политическая и культурно-массовая работа. Вечера на улицах и в поселках завоевали популярность потому, что в них широко участвует общественность, потому, что их организаторы учитывают самые разнообразные запросы людей.

Праздники улиц — только одно из новшеств, появившихся у нас. В идеологической работе больше теперь теплоты и сердечности.

Забавные мелочи

ТРЯСОГУЗКА НА КОЛЕСАХ...

Белая трясогузка свила себе гнездо у радиатора такси Торварда Хаге (г. Ставангер, Норвегия). Каждое утро, когда Хаге выезжает на работу, птица вылетает из гнезда, а вечером возвращается в него.

ЛУИЗА И ДЖЕЙН

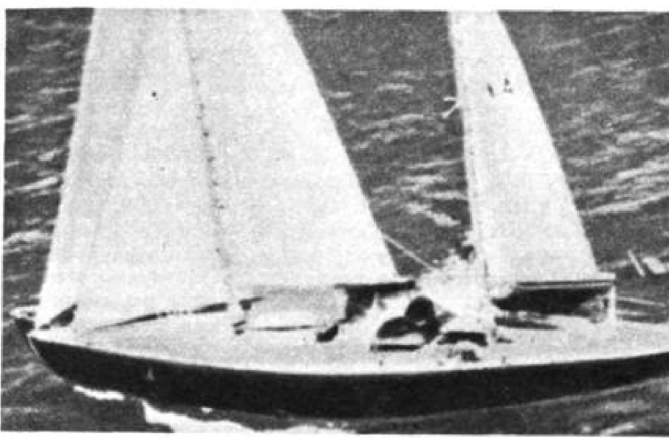
В школе маленького городка, недалеко от Вашингтона, произошло интересное событие. Там в биолого-зоологическом кружке занимаются Луиза и Джейн Рипли, девочки-близнецы. Они шефствуют в живом уголке над обезьяной Нелли. Недавно у Нелли родилась двойня. В честь своих шефов-близнецов малютки получили имена Луизы и Джейн.

На снимке: Луиза и Джейн Рипли со своими подопечными обезьянками. В центре — руководительница кружка.

Виктория КОЧУРОВА-ШАНДОР

г. Вашингтон.

ОПАСНОЕ СОСТЯЗАНИЕ

Во второй половине мая нынешнего года из английского порта Плимут вышли 14 парусных яхт. Яхтсмены поставили перед собой задачу — переплыть в возможно короткий срок Атлантический океан. Победу одержал офицер французского военно-морского флота Эрик Табарли, переплывший океан и добравшийся до восточного побережья Америки за 27 суток 4 часа 56 минут. Прежний рекорд принадлежал 63-летнему англичанину Ф. Чихестеру, совершившему такой же переход за 33 дня.

На снимке: победитель состязания Табарли на своей яхте незадолго до финиша. Снимок сделан с самолета.

ДИССЕРТАЦИЯ МЕЛИХОН

Н. ХРАБРОВА

Фото Вл. КРУПИНА.

Для многих это были обыкновенные лекции по литературе. А для Мелихон Ибрагимовой в эти часы неизменно начиналось состязание поэтов мушоира. Перешагнув через грани времен, они из разных эпох приходили для Мелихон в аудиторию Самаркандского университета: кто в тоге, кто в восточном халате, а кто в пиджаке. Каждый приводил к ней звонкие караваны слов. Поэты блистали перед ней остроумием, поражали неожиданными сравнениями и находили единомышленницу в этой длиннокосой тоненькой девушке из Коканда, города трех великих поэтов — Фурката, Мукими и Хамзы.

Пятилетки посылали Мелихон на комсомольскую работу, на советскую и партийную. И всюду поэты напоминали о себе. Наконец, когда Ибрагимова училась на курсах в Москве, они совсем было перетянули ее к себе. Она вернулась в Ташкент с твердым намерением стать научным работником и защитить диссертацию об узбекской литературе.

— Намерения ваши достойны всякого одобрения,— сказали ей в ЦК,— а вот скажите-ка, Мелихон-апа, что вы знаете о Намангане?

...Как вырвавшийся из кувшина джин, подпрыгивая в дыму и пыли, пронесся по наманганской улице автобус.

— Это наша гордость — Голубой Автобус, он у нас единственный,— сказали ей.

— А грузовых машин в городе сколько?

— Грузовых?.. Тоже одна.

Голубой Автобус надолго исчез, пыль медленно осела на чинары, серединой улицы пошли женщины под покрывалом с пестрыми узлами на голове. В городе пахло кизячным дымом, глиной дувалов, мусором со дна пересыхающих арыков.

Разобравшись в делах городского хозяйства, Ибрагимова несколько упала духом: предприятий мало, детсадов, яслей и школ тоже мало, электричества, водопровода, асфальта и уличного освещения совсем нет. Зато много нерешенных проблем.

В ночь перед первым приемом ей снилась толпа рассерженных всякими неустройствами наманганцев, и ей будто было не пробиться сквозь эту толпу. А наутро ни один наманганец не пришел к ней в горсовет, и целый день тоже никого не было. Она усмехнулась своему сну и пошла искать посетителей.

Но скоро ей действительно пришлось пробиваться сквозь толпу рассерженных наманганцев. И было им отчего сердиться. Улицы раскопаны, взбудораженная земля то возносится вверх победоносной пылью, то заливает дворы жидкой грязью. С утра до вечера течет по улицам чад горячей смолы, и мирный городок Ферганской долины, по соседству с которым, если верить старикам, был во времена оно мусульманский рай, стал теперь смахивать на ад. Соответственно и некоторые, прежде благообразные, наманганцы уподобились его обитателям: одни варили в котлах удушливое варево и лили его на улицы, другие ставили будки, вешали на них изображения черепов и скрещенных костей и тянули по воздуху провода, третьи начиняли землю трубами. Лязгали, ревели и всячески возмущали спокойствие горожан понаехавшие сюда бульдозеры, самосвалы и грузовики. А когда все это столпотворение, всячески изруганное наманганцами, передвигалось дальше, на оставленной улице появлялась какая-то чарующая свежесть и тишина. Поутру, выйдя на свою неузнаваемую улицу, люди одобрительно цокали и говорили друг другу:

— Якши аспалт! Пусть не устает Оя Мелихон!

А Оя, что в переводе на русский язык значит примерно «наша общая многоуважаемая Тетя», Оя, как бы выполняя их пожелания, в самом деле не уставала. Она ловко спускалась в своем пестреньком платье и на высоких каблучках в котлованы и укладывала первые кирпичи в фундаменты новых заводов, больниц, школ и просто домов.

Рассказать обо всех делах Ои мы тут не можем. Но пусть не обидится на нас Атахан-ата, если мы вспомним одну историю, которую, возможно, ему вспоминать не хотелось бы.

Приехав однажды на участок Атахана, Оя сказала ему:

— От имени государства горсовет предлагает вам, Атахан-ата, кирпич и шифер, а также участок, на который будет переведен весь ваш сад и посажены молодые деревья. А ваш старый участок пойдет под новый молочный завод, и это будет правильно, потому что тут и дорога рядом, и водопровод, и линия электропередачи — одним словом, как сказали бы инженеры, все коммуникации.

— Пусть коммуникации,— ответил Атахан-ата,— я все равно не перееду. А если будешь настаивать, я пожалуюсь на тебя в Москву.

Она стала настаивать, и Атахан пожаловался в Москву. Из Москвы она получила большой выговор по телефону, но в ответ сказала сердито:

— Должна вам сказать, что развалившаяся глиняная гвaляй Атахана и его запущенный сад не стоят и сотой доли тех государственных денег, которые придется затратить, если строить завод в стороне. Имеем ли мы с вами право так распорядиться государственными деньгами? Я могу вам обещать только одно: хороший участок и новый дом для Атахана.

— Мы построим вам хороший дом,— опять сказали Атахану в горсовете.

Атахан побледнел и крикнул:

— Мне давно следовало убить эту женщину!

Ему все-таки построили дом и в новом саду посадили молодой урюк. А сотрудники Ибрагимовой некоторое время старались не оставлять ее одну. Она смеялась и говорила, что хотя упрямству Атахана завидуют все ишаки Намангана и долины, однако и благоразумия у него предостаточно. Действительно, по прошествии некоторого времени Атахан, увидев Мелихон Ибрагимову на улице, побежал за ней, громко прославляя преимущества кирпича и шифера перед глиной. Он восклицал:

— Прошу вас ко мне на плов, Оя! Вы должны посмотреть мой новый дом и убедиться, что урюк мой самый лучший в городе.

...А однажды в приемную вошел аксакал и тихо спросил секретаря:

— В какие часы принимает Оя?

— В любые. Но сейчас — видите, как много народу!— придется подождать.

— Я с окраины и в этой очереди старше всех: никого ждать не буду.

Он степенно прошел мимо настороженной очереди, тихо прикрыл дверь кабинета, вежливо поклонился, прижав руку к сердцу, и вдруг начал кричать:

— У горсовета — асфальт! У парка — тоже! И в микрорайоне! Почему нашу улицу не уважаешь, не даешь смолы и машин?

Мелихон встала, пожала аксакалу руку, которую тот вырвал, и попросила его:

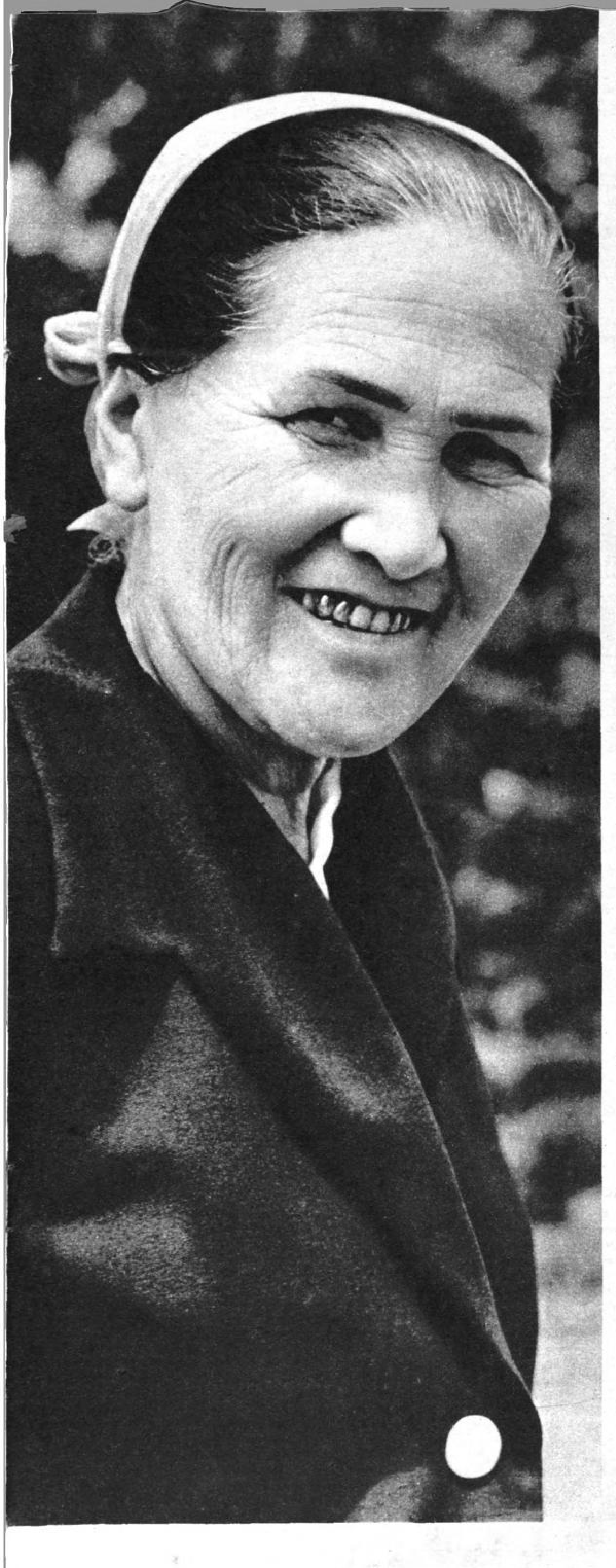
— Посидите на диване, аксакал. Ко мне сейчас войдут по очереди те, кто пришел раньше вас.

Следующим был таджик, и Мелихон поговорила с ним о его деле по-таджикски. Потом пришла глухонемая женщина, и Мелихон быстро и ловко жестикулировала в ответ на ее жесты. Позвонили с НЭМЗ — Наманганского электромашиностроительного завода — и сказали, что скоро приедет из Москвы комиссия смотреть усовершенствованный заводскими инженерами электроштабелер, и она обещала быть и отстаивать наманганский вариант штабелера. Потом позвонили с метеостанции и сказали, что в горах шел дождь, возможна высокая вода, и она позвонила строителям и попросила поставить у моста на берегу Наманган-сая несколько «сипаев» — сооружений, которые спасают берег от размыва. Потом зашел цыган, и Мелихон Ибрагимова весело поговорила с ним по-цыгански. И тут шумный аксакал встал и, прикладывая руку к сердцу, стал пятиться к двери.

— Умудрена языками всех людей, живущих в нашем городе, а также речью глухонемых,— уважительно и цветисто сказал он при этом,— и пониманием, как укрощать горный поток, говорить с комиссией, делать электричество и варить асфальт. Ста профессиями умудрена! Извините, что я кричал, Оя, это я, как самый старший в нашей махалле, обещал пойти в горсовет и покричать, чтобы нашу улицу скорее асфальтировали. Наша улица еще подождет, Оя, живите долго, Оя...

Он ушел, а Ибрагимова задумалась: сколько таких аксакалов из махаллей приходили к ней по поводу водопровода, детских яслей и чьих-то чужих ссор! Ведь в махаллях люди, по старой традиции, живут как бы одной семьей, и многие дела, споры издавна решаются здесь же, на месте. Расширить права и обязанности махаллийских комиссий, сделать их маленькими общественными филиалами горсовета! Мысль эта будоражила не одну только Мелихон.

И вот уже представители кварталов сидят в кабинете мэра го-

рода. Мелихон снова и снова наполняет чайник зеленым чаем, и две пиалы Ои работают по кругу с полной нагрузкой. Разговор идет о том, каким должен быть Наманган. Надо добиться, чтобы никто не выбрасывал в арыки сор, и следует назначить людей, ответственных за чистоту дворов и улиц. Все недоразумения местного значения пусть рассматривают махаллийские товарищеские суды и народные дружины. А если некоторые махалли уже празднуют «кизыл-тои» — красные свадьбы, которые справляет вся махалля, когда все несут и посуду, и рис для плова, и разные подарки, когда наконец родителям не нужно разоряться на сверхпышных свадьбах,— то это достойно всяческого подражания и должно стать законом для каждой махалли! И еще: кое-кто жалуется, что в поликлинику ходить далеко и к врачам очереди. А не организовать ли при некоторых махаллях медпункты, где на общественных началах принимали бы врачи и медсестры?

Видно, вовремя был начат этот разговор. Махаллийские комиссии в Намангане ныне и в самом деле стали своеобразными филиалами горсовета. А о чистоте этого города, о веселых и пышных махаллийских «кизыл-тоях», о тридцати четырех общественных медпунктах Намангана слава идет по всему Узбекистану, и многие города республики хотят быть похожими на Наманган.

А Наманган по благоустройству собирается быть похожим на прославленный Омск и на город Фрунзе. И для этого было проведено в Наманганском горсовете одно особенное совещание. Проходило оно в оранжерее городского парка, и перед всеми молодыми и старыми людьми, которые известны в Намангане как хорошие садоводы и мастера роз,— перед ними был поставлен горячий плов. За пловом Мелихон Ибрагимова и спросила садоводов: что надо, по их мнению, сделать для того, чтобы традиционные узбекские розы перестали быть домоседками и перешагнули бы наконец из-за дувалов и из-за оград на улицы Намангана? Мастера, польщенные обращением Ои, сказали, что они не пожалеют самых лучших черенков и будут ухаживать за ними также и на улицах.

— А если вытащат? Сломают?— спросила Ибрагимова.

— Тогда мы посадим новые,— ответил самый старший и самый искусный, Ишандада Алиханов.

На следующее утро Мелихон сама посадила перед горсоветом несколько розовых кустов из своего сада. А через день обнаружила на их месте пустые ямки. Она посадила в эти ямки новые кусты, и вскоре они зацвели.

И началась «розовая эпидемия»!

Садоводы посадили в парках и на улицах свои лучшие черенки и стали ухаживать за ними. И весь город разделился на 218 цветочных участков, потому что в городе 218 больших и малых предприятий, а любителей-цветоводов в каждом предостаточно. И все они стали сажать на улицах и в парках цветы. Даже Рахмин Давидов, чистильщик обуви, посадил у своего рабочего места две черешни и пахучий райхан для услады клиентов и, вместо того чтобы занимать их собственными рассуждениями на внутренние и международные темы, стал предлагать им свежие газеты. В ходе «розовой эпидемии» в городе было посажено полтора миллиона кустов роз, и заметьте: здесь нет ни оговорки, ни опечатки. Жителей в Намангане около ста пятидесяти тысяч. Следовательно, каждый наманганец стал хозяином десяти кустов «уличных» роз, не считая тех, которые растут в его дворе и саду. Теперь жители этого города хотят, чтобы после песенки о наманганских яблоках, знаменитой на весь Союз, композиторы и поэты написали бы еще песенку об их розах. Только пока еще сами наманганцы не решили, о каких именно розах следует петь. О тех ли шести тысячах кустов, которые растут в городском парке, где ежедневно мирно отдыхают, играют, читают, сражаются в шахматы, качаются на качелях, танцуют и поют несколько тысяч горожан, за что парк признан одним из лучших в стране и дипломирован. Или о цветах, что вырастил в саду второй больницы доктор Саид Мухамедов? Тут наряду с аэротерапией и гелиотерапией действует еще и «розотерапия». И, по наблюдениям Саида Ходжаевича, она благотворно сказывается на нервных больных. А может быть, красивее всех розы во дворах электростанций, заводов, фабрик, у распределительных сооружений оросительных каналов и на берегах арыков? Ведь они украшают рабочее место человека.

Или это должны быть самые молодые в городе розы на улице Ленина? Между прочим, одно совещание горсовета проходило прямо тут, на этой улице, и все его участники — представители шефствующих над улицей сорока учреждений — сразу после совещания принялись готовить землю и сажать цветы.

Или, может быть, это десяток розовых кустов в собственном садике Мелихон, где она возится каждое утро с семи до восьми часов? Между прочим, в этом садике можно познакомиться с воспитанниками Ои. Их восемнадцать — врачи и агрономы, математики и механизаторы, коммунисты и комсомольцы, пионеры и октябрята. Всем им она — мать.

Ну, а если спросят, откуда появилось столько роз в Намангане, можно дать адрес: Наманганский городской питомник. Отсюда они переселяются в сады и на улицы Андижана, Ферганы и других городов.

Густой и теплый запах роз висит над Наманганом. На его улицах чувствуешь себя, как в парке. Журчат арыки в каменных и бетонных руслах. А вечером, когда могучие чинары расцветают голубыми цветами ламп дневного света, пению воды вторят соловьи.

Такой Наманган нравится Мелихон Ибрагимовой, и она давно простила ему, что в заботе о его заводах и домах, улицах и розах, арыках и школах и обо всем, что нужно для блага людей, она так и не успела написать свою диссертацию.

Однако, если сказать об этом наманганцам, они, указав широким жестом на свой город, пылко воскликнут, что ее пятнадцать лет на посту мэра Намангана и есть самая блистательная защита самой нужной диссертации.

МЕЛИХОН ИБРАГИМОВА.

ФОТОРЕПОРТАЖ ВЕДЕТ РИММА ЛИХАЧ

В Горьком говорят, что весь волжский откос в дни вступительных экзаменов усеян стайками юношей и девушек с учебниками. Еще бы, в городе более десяти вузов! Но сейчас госпожа погода распорядилась, как строгая мать: вот вам дождичек, не отвлекайтесь. Красивые виды, волжский песок, загар — это все потом, а пока занимайтесь, только занимайтесь, так-то будет надежней. Пора экзаменов — настоящее осеннее половодье. Когда приезжаешь в этот город, создается впечатление, что по улицам идут только абитуриенты; даже в кафе, столовых на всех столиках — книжки.

В нашей стране три института инженеров водного транспорта. Один из них в Горьком, рядом с Волгой. И на любом трехпалубном красавце теплоходе в штурманской группе обязательно найдутся выпускники этого института. На судоремонтных заводах, на верфях — тоже всюду горьковчане. И не только на Волге. На Каме, на Дону, на Енисее встретите вы горьковских. Такое засилье не удивительно: в водный поступает каждый год 325 счастливчиков. Да еще в институте 6 тысяч заочников.

Длинный коридор гудит. Бросается в глаза обилие солдатских гимнастерок, пожалуй, их столько же, сколько ковбоек, пиджаков, кофточек. Реже — синим парусом — мелькают матросские воротники. Сегодня — устная математика. По-моему, у ребят сейчас основное — три во-первых: во-первых, сдать, во-первых, зубрить, во-первых, торчать в коридорах часами после экзамена. Вот человек выходит из аудитории. Его облепляют со всех сторон: какой вариант писал? Какой ответ? Паренек доволен: «Второй вариант. Написал. И вот ответ». Но тут появились еще трое со вторым вариантом, а ответы у всех разные. И уже считает на клочках бумаги весь коридор, и те, кто писал второй, и те, кто первый. Примеры трудные, со стороны «гуманитарнику» кажется: господи, какие же они умные! И вдруг жалобный голосок: «Ребята, забыла формулу площади круга!» Дозубрилась! Бросай книжку, иди в буфет, попей чайку.

Тут у дверей все держатся по-разному. Есть уверенные, большинство дрожит, и только небольшая часть храбрится, как молодые петушки. А один моряк твердит:

— Ох, братки, пойду ко дну!

Дорогие родители, посмотрели бы вы на своих детей, когда они тянут билет ватными руками. И, по-моему, все до единого говорят не своим голосом. Один абитуриент не смог назвать номера школы, которую окончил: забыл! Честное слово, вы простили бы ребятам сто грехов! И преподаватели совсем не с легким сердцем ставят двойки.

В Политехническом институте имени А. А. Жданова говорят, что за питомцев горьковской 82-й школы приемная комиссия не беспокоится: выпускники отлично подготовлены. Физику, математику, как правило, сдают на четверки и пятерки. Ясно, в школе сильные педагоги.

В Горьковском сельскохозяйственном институте — девичье царство. Правда, в этом году сюда поступает много солдат. И, говорят, хорошо сдают. Но в основном идут в сельскохозяйственный из колхозов и совхозов. И это сразу заметно по приятному говору, неторопливому, спокойному, с нажимом на волжское «о».

У сельской молодежи какое-то особое обаяние. Девочки одеты модно, но большинство с косами. Парнишки тоже не уступают городским, только в них еще много детского, что ли. И сдают-то они, как школяры. Выбежала девчушка с бантами.

— Ой, как легко сдавать, тройку получила!

Вслед за ней появился парень, вынул большущий платок, утер лоб и заокал:

— Уж он меня гонял, гонял, и все по органической. Повторяйте, чтоб там не путаться.

— Ну, а что получил?

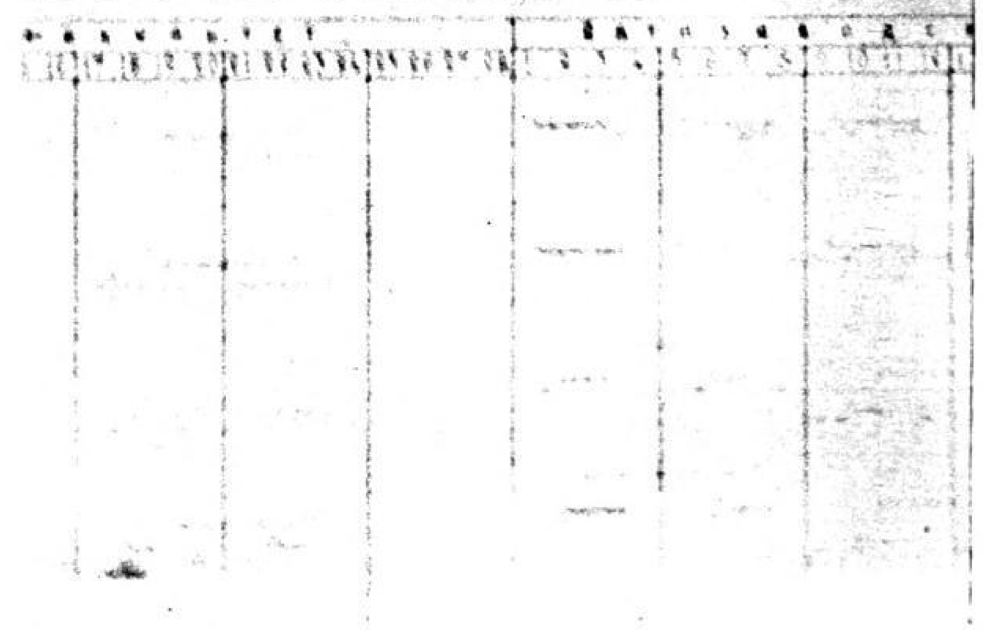
— Чай, четверку!

Так идут экзамены в Горьком. Так идут они и по всей стране.

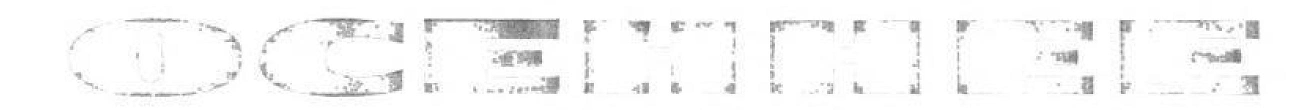
Уважаемые юноши и девушки, ни пуха вам, ни пера! Нам очень хочется, чтоб все вы поступили. Если не в этом году, так в следующем. Коли не в очный, так можно и на вечерний факультет!

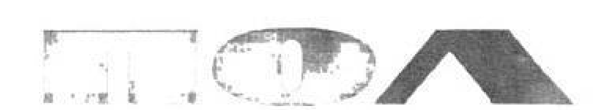
8 часов, консультаций 18 часов.

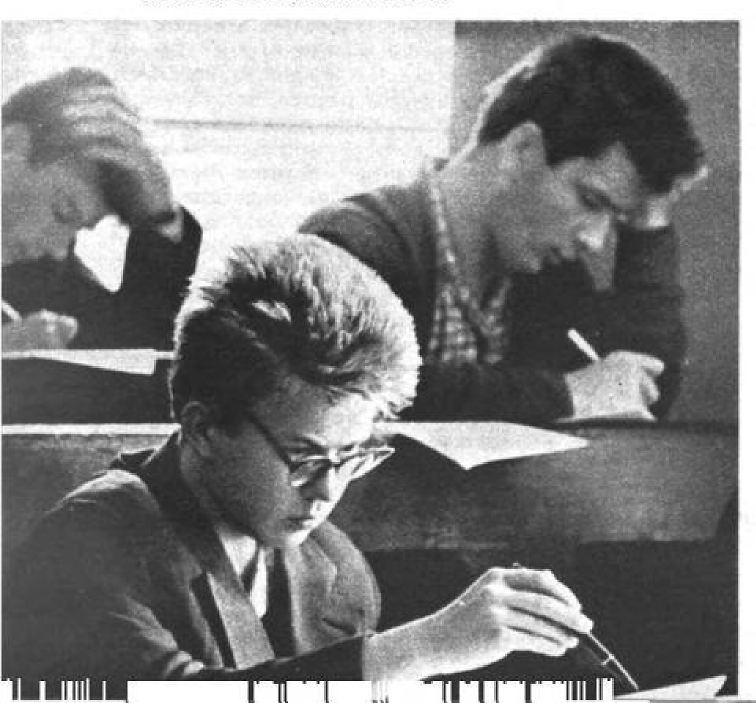
ительных экз

МЕЖ ДВУХ ОГНЕЙ.

ЭКЗАМЕН ПИСЬМЕННЫЙ.

ГУДИТ КОРИДОР.

вступительных экзаменов в

Ректор инсти

заменов на

ОВОДЬЕ

КОНСУЛЬТИРУЮТ НЕ ТОЛЬКО ПРЕПОДАВАТЕЛИ.

НЕ СДАЛ...

ПЯТЕРКА! КОЛЯ ЯШКОВ ИЗ ГОРЬКОВСКОЙ 82-Й ШКОЛЫ

Александр **ПРОКОФЬЕВ**

ЗДРАВСТВУЙ, ДЕНЬ МОЙ ПЕВУЧИЙ...

Здравствуй, день мой певучий,
Ты на красном коне,
Задевая за тучи,
Примчался ко мне.
Дал дорогу лазури,
Весь в огне, как война,
Ты на страшном аллюре
Осадил скакуна.
Конь в серебряной сбруе
Прерывает полет
И о землю сырую,
Злясь, копытами бьет.
Ярко блещут рубины
На его чепраке,
И от блеска рябины
Побежали к реке.
Здравствуй, день мой певучий,
Ты на красном коне,
Задевая за тучи,
Примчался ко мне.

* * *

Привязали люльку за две звезды...
Из болгарской песни.

Ты прекрасна, песенка, прекрасна,
Ты ходила в туфельках атласных,
В платьице веселеньком
из ситца,—
Год носи —
Ему не износиться!
...Засвистели дед с отцом
в свистульки,
Прямо к звездам привязали
люльку,
Положили в люльке на холстинку
Маленькую девочку Христинку.
Люльку ветры буйные качали,
Днем качали,
Ночью величали!
А туманы сами рвались в клочья,
И горели звезды днем и ночью,
И звенела птица-троеглазка,
И на цыпочках ходила сказка.

ГОЛУБАЯ ПЕСЕНКА

Я рукою спину мóю
Голубому морю.
И оно мурлычет,
Спину выгибает.
Песенка морская
Тоже голубая!
Мир становится домашним,
И в таком просторе
В голубой своей рубашке
Я сливаюсь с морем...

* * *

За Сибиром[1] солнце всходит...
Из песни.

За Сибиром солнце всходит,
И вдали, вдали
Глаз не сводит, глаз не сводит
С той моей земли,
Где стремительны потоки,
Бурям выход дан,
За Сибиром, за далеким,
Ходит океан.
Неужель громаде тесно?
Взвит под облака...
На Украйне ходит песня
Про Кармелюка.
Там ее любой заводит,
Ей в глаза глядит.
За Сибиром солнце всходит,
Океан гудит.

СЫНУ

Как лег зимой, не встал зимой,
Ты не проснулся, мальчик мой!
Земля глуха, земля темна.
В ней наших предков имена,
На них нет плит и нет венков,
Над ними молнии с подков
В пути бросают ближний гром
Над каждым выцветшим бугром,
И стрелы молний в землю бьют.
Салют династиям,
Салют!

[1] За Сибиром — за Сибирью (укр.).

Салют династиям России,
Их только смерть смогла осилить!
. . . .
Ты не проснулся, мальчик мой?
Как лег зимой,
Не встал зимой!..

ПАВЛУ ВАСИЛЬЕВУ

Я звал его Пашка и Паша,
Я знал, чтó мы сеем и пашем:
Мы сердце пахали
Свое и чужое,
Стихами снимали
Межу за межою,
Мы сеяли слово,
Мы сеяли слово,
Оно вымерзало,
Мы сеяли снова.
...Павел был кудряв и востроглаз,
И на все горазд,
На все горазд:
На стихи и песни,
На сказ, на сказ,
Хорошо нацеливал
Острый глаз,
Хорошо нацеливал,
Вольно жил,
Тетиву натягивал
В тридцать жил!
И садился сокол на плечо.
— Чо-да-чо,
Да чего ж еще? —
А стихи, а молва,
Песни-погудки,
Растй-рóсти, трава,
Зеленые дудки!

* * *

Чудесная тревога...
Н. Тихонов.

1

Ты, знаешь, друг,
чудесную тревогу?
А ты берешь ее с собой в дорогу?
Бери, бери, храни ее, дружище,
Не потеряй,
Другой такой не сыщешь!
Не говори о ней дождю и грому,
Не выдавай,
Не отдавай другому!
Она тревожит сердце.
Ну и что же?
На то и есть тревога,
Чтоб тревожить!
А как же без нее?
Уйти в забвенье?
Учиться лени
И долготерпенью?
А я хочу быть рядом
С той тревогой,
Которая от самого порога
Идет со мной путем моим
заветным,
Будя веселье слов моих несметных
И обращенных к ней стихов
ответных!

2

Я в мире именем твоим зову
И ландыши в глубоком,
темном рву,
И свет звезды далекой
и полночной,
Сверкание ручьев моих проточных,
Цвет яблони и вишни
неподдельный,
И отблеск снега,
взвитого метелью,
Рассвет, слепящий окна,
День весенний,
И тихий, тихий блеск зари
вечерней,
Сережки вербы,
Неба синеву.
...А ты не позабудь, что я живу!

3

Ты звезда моя, звезда
Летучая,
Падучая.
Что-то в небе,
В синем небе
Очень принатучило.
Я не знаю, кто ты, кто ты
И твоя какая стать,
Я б хотел развеять тучи,
Но до них мне не достать.
Только имя не забуду,
Не забуду никогда,
Это имя пало наземь,
Как падучая звезда,
Что упала, осветила
Нашу землю в этот миг,
Сразу свет ее мгновенный
В грудь мою навек проник.
И остался там горящим,
Утверждая торжество
Золотой, огнеподобной
Искры сердца моего!

4

Давай по-старому с тобой,
Давай опять по-старому
С моей судьбой, с твоей судьбой
Ходить по снегу талому.
Давай по кругу иль кружку,
Давай по бело-белому,
Давай по талому снежку,
Давай по оробелому!
Давай шагнем в твою весну,
В лета, что встали табором,
Давай половим на блесну
Веснянку иль метафору!
Давай пройдем рука в руке
Своей тропинкой простенькой
То ли к серебряной реке
Иль к золотому мостику?
Иль поплывем куда-нибудь
Лесной рекой взъерошенной...
Ты все плохое позабудь,
Ты помни все хорошее!

5

Я жил однажды на Байкале,
Была осенняя пора,
Там на горах и сопках спали
Мне незнакомые ветра.
Пускай поспят.
Я их не трогал,
И все ж не в этом ли краю
Вошла чудесная тревога
Венком из молний в грудь мою!

6

Ты грозы не бойся, не бойся,
Ты дождем серебряным умойся!
Полных два ведра
Набери серебра,
Зачерпни в Семиречье зарю.
Я с тобой ладом, Лада,
Из весеннего сада
Через всю-то Русь говорю!
Через всю-то Русь,
Через всю-то грусть,
Через то вс́е то житье-бытье,
Через шум дубров,
Через семь ветров,
Через все-то сердце мое!

7

Подожди, не спасай,
Ты спасать не умеешь,
Подожди, не бросай,
Сделать это
Успеешь!
Нет, по нашим годам
Рано править поминки,
Нет, по нашим садам
Не заглохли тропинки.
Та же ивушка гнется
Дни и ночи подряд,
То же солнце смеется,
Те же звезды горят.
То, что было вначале,
Никому не отнять.
...В мире много печали,
Надо ль нам добавлять?

Иностранная новелла

Фануш НЯГУ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

КУКЛА

Ене Леля возвращался в село с совещания по агротехнике, которое длилось три дня. Втянув голову в мягкий воротник шубы, он подгонял лошадей, и сани скользили, ныряя по ухабам дороги, бегущей по кромке озера. До темноты оставался еще примерно час, но погода после полудня озлилась, словно сука, народившая щенят, и окрестности быстро подергивались синевой.

Заря пламенела сквозь дымку, чертовский мороз, который обжигал землю уже целую неделю, стал еще резче, и над полями, оцепеневшими под слоем снега толщиной в две ладони, поднялся скулящий февральский ветер. Сквозь скрип полозьев — словно канифолью вели по смычку — Ене Леля различал сухой треск бурьяна, что торчал на межах вдоль виноградников, и жесткое, глухое шуршание камышей. Впереди небо приоткрыло над селом глазок, маленький и тусклый, как у вареной рыбы, а под ним, словно копотью, вычерчивая полукруг, тянулась стая воронья.

«Подымается метель,— подумал Ене Леля.— Ночью земля промерзнет до самого нутра»,— и тряхнул вожжами. Конские копыта застучали вразнобой. Прислушавшись к их топоту, Ене Леля подумал вдруг, что вовсе ни к чему так гнать лошадей, раз Джия уже не ждет его дома. Эта мысль разбередила притихшую боль, и его широкое лицо с мясистым носом страдальчески искривилось, словно по нему полоснули кнутом. Едва прошло два месяца после свадьбы, как жена покинула его.

Однажды вечером, после того как они поужинали, он спустился в погреб нацедить кружку вина. Когда он вернулся, Джии не было. Она забрала свое добро и ушла к Илие Бигу — заведующему кооперативным буфетом,— а дома оставила только деревянный грибок для штопки чулок, да куклу, наряженную в подвенечное платье, которую она повесила на гвоздик в сенях над дверью, и письмецо.

«Не проклинай меня Ене я ухожу к тому кто мне дороже всех на свете, ведь я вышла за тебя потому что тятя меня бил кулаками словно бусурман чтобы я с тобой обвенчалась. Я ему говорила нет и нет и плакала призывала смертный час только все зря, а мама и вся наша родня чуть свет начинали меня вразумлять словами что мы с тобой должны пожениться. А теперь ты Ене скажи себе что никакой Джии не было, пропади она пропадом и найди себе другую девушку которая будет заботиться о тебе и народит тебе детишек румяных как яблочки потому что ты хороший человек и председатель хозяйства...»

«Да,— подумал Ене Леля с горечью,— мягко постлано, да жестко спать».

Вокруг него мчались по ветру снежные хлопья: подымалась метель. Ене Леля невольно тряхнул плечами и тыльной стороной ладони провел по шершавым, обветренным губам. Во рту было горько. «Эх, черт побери,— скривился он досадливо,— три дня торчал в районе и не догадался купить хоть горстку квасцов — рот прополоскать!»

Между тем он уже подъезжал к сторожке, что стояла на бугре возле дороги, и вытянул шею, чтобы поглядеть на озеро. Там, скрытые колеблющейся под ветром стеной камыша, рыбаки из бригады Думитру Карабиняну долбили лед, чтобы закинуть невод в прорубь.

Звонко раздавались удары лома — похоже было, что целая орава мясников рубит говяжьи кости.

Ене забыл про Джию. «Мы, плотники,— сказал он себе с гордостью,— никогда не подымали такой суматохи. У нас по-другому...»

До того, как его выбрали председателем, он работал в плотничьей бригаде, и потому сейчас ему на миг почудилось, что там, на озере, прилаживают стропила на доме. Закрыв глаза, он различал как будто и шарканье пил и запах стружек. Зимой в руках у плотников дерево пахнет слаще, чем в лесу.

Вдруг один из рыбаков, водивший сачком в проруби, затянул песню, и Ене узнал голос Илие Бигу, густой, чуть простуженный, и вся кровь ударила ему в виски. Песня, рассекаемая ударами лома, вызвала в нем странное чувство бессильного отчаяния. Словно он, томимый жаждой, стоял перед высохшим колодцем. Горячая волна прошла по его телу, а сухие, слипшиеся губы его растерянно пробормотали:

— Илие Бигу увел у меня жену и поет.

Потом в нем вдруг родилась и стала расти уверенность, что буфетчик неспроста занялся рыбой, что он затесался к рыбакам, чтобы соблазнить Карабиняну водкой.

«Повадились на сладкое,— подумал он.— Ну и задам же я им! До смерти не забудут!»

Но он подавил в себе первый приступ ярости

Фануш Нягу — современный румынский писатель; родился в 1932 году. Рассказ «Кукла» взят из его сборника «За песками», вышедшего в 1962 году.

и замешательства, жадно затянувшись цигаркой, и теперь он испытывал даже какую-то странную радость. Все, что готово было вырваться из его существа — отвращение, боль, возмущение,— улеглось, перебродило, чтобы потом разрешиться в уничтожающей вспышке гнева.

Он поравнялся с хижиной. Натянул мерзлые вожжи и кликнул сторожа.

— Сколько водки привез Бигу?

Сторож — продувная бестия — подошел к саням, волоча за собой по снегу размотавшуюся обмотку.

— Ты что, оглох?! — закричал Ене.— Думаешь, меня можно вокруг пальца обвести? Если накрою, черти б тебя взяли, знаешь, что будет?

— Не привез ни капли,— отвечал сторож.— Позавчера его выгнали из буфета, и Карабиняну взял его к нам: пусть, мол, поработает. Вот как дело было. Твоя жена к нему убежала, вот заведующий кооперативом и спохватился, что он не годится для буфета, нашел другого на его место. А Джия, он говорит, брюхата. Два дня, кроме соленых огурцов, ничего в рот не берет и все радуется.

Ене не стал дальше слушать его, взмахнул кнутом, и лошади унесли его в метель. С неба уже наваливалась темнота, мелкие снежинки кололи лицо, и холод пробирал до костей. Даль терялась в снежной мгле, поземка переметала дорогу, небо было цвета соли с золой. Ене Леля курил. Огонек сигареты золотил его выгоревшие усы и бороду, круглую, как седельная лука.

До сих пор он еще думал, что Джия может вернуться к нему. Теперь, узнав, что она ждет ребенка от Бигу, он потерял последнюю искорку надежды.

Думая о ней, он вдруг вспомнил острый запах ее волос; ощущение это было свежо, как в первую их ночь. Наваждение! Он тряхнул головой, но ему не удавалось от него избавиться.

Он воображал, что Джия рядом, в санях, прильнула к его плечу, дрожит на раскатах от холода, от страха.

«Ене, а вдруг полоз сломается?»

«Не бойся, они из акации, это дерево прочное, живучее».

«Я из-за ребеночка боюсь. Когда он будет большой, Ене, ему минет семь лет, я его стану будить по утрам, чтобы он шел в школу, а его будет сон валить, как меня, и он будет болтать разные глупости! «Мама,— скажет,— а мне приснилась карусель, та, что в моем букваре, будто она вертится вокруг шелковицы в нашем дворе. Совсем как настоящая». А потом, понимаешь, ко мне в комнату налетели голуби из голубятни дяди Думитру Карабиняну. «Вот,— сказали они,— мы сами прилетели, только ты не держи нас взаперти...»

Ене очнулся и бешено раздул ноздри. Какого черта лезут ему в голову всякие россказни о чужом ребенке?

Между тем лошади, прибавив рыси, катили его уже по родному селу. Трубы заметенных снегом домиков извергали клубы дыма, ветер подхватывал и закручивал их причудливыми завитками, разнося по улице запах гари. Желтые огоньки тускло искрились сквозь окошки, обросшие льдом.

Перед своим домом Ене слез, отворил ворота, подтолкнув их плечом, завел и поставил лошадей под навес. Бадейка над колодцем позвякивала по срубу. В ее щербатых краях, окованных железом, отражался свет лампочки, которую Ене три дня тому назад забыл погасить в сенях. Слева на косяке смешно болталась на гвоздике кукла в подвенечном платье.

Ене Леля поднялся по двум каменным ступеням и остановился на мгновение, растерявшись. Кукла насмешливо смотрела на него глазами Джии — голубыми, продолговатыми, в тяжелых веках.

— Ты что воображаешь? — спросил Ене яростно.— Ты что себе воображаешь? — крикнул он еще раз и, ослепнув от гнева, начал стегать куклу кнутом.— Я не подговаривал его выгонять Илие Бигу!..

Усталый, он отшвырнул кнут и пошел к заведующему кооперативом. К щекам его прилипли опилки, которыми была набита кукла.

Перевод с румынского Елены Златовой.

Загадка, проблема, открытие, факт

РАКЕТА-ПОЖАРНИК

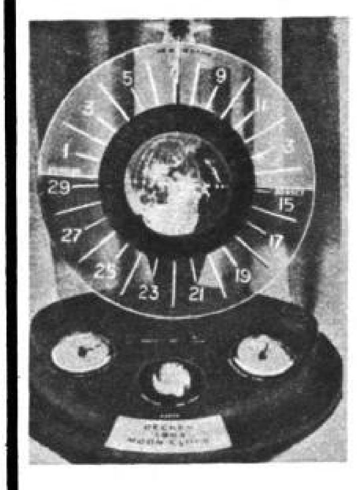
В США испытывается управляемая ракета для тушения лесных пожаров. Запущенная с самолета, такая ракета направляется к очагу пожара. Там под воздействием жара она сбрасывает на пламя заряд, состоящий из 400 литров огнетушительного химического раствора.

АВТОМОБИЛЬ И ПАРАШЮТ

Элегантный черный лимузин свернул с бетонированного шоссе на ухабистый проселок и, подняв фонтан брызг, с ходу влетел в маленькое болотце. С каждой секундой машина все глубже и глубже увязала в жидкой грязи.

— Без тягача не обойтись! — уверенно воскликнули бы вы, увидев такую картину. Но водитель переключил рычаг, и вдруг машина сама собой стала приподниматься над грязной жижей, а затем спокойно переехала болотце. В чем же дело?

Дело в том, что края кузова машины несколько опущены — они образуют своеобразный парашют, а мощный вентилятор нагнетает в него воздух. Таким образом, давление воздуха как бы приподнимает машину, уменьшая давление колес на грунт. В сущности говоря, это тот же принцип автомобиля и судна на воздушной подушке. Обычный автомобиль, оборудованный воздушной подушкой, которая включается лишь на труднопроходимой дороге,— вещь вполне удобная. На шоссе же машина передвигается, как и обыкновенный автомобиль. По сведениям зарубежных автомобильных журналов, такие конструкции уже созданы в Англии.

ЛУННЫЕ ЧАСЫ

Большой интерес на выставке в Тель-Авиве вызвали так называемые «лунные часы», сконструированные доктором И. М. Ливитом, директором Филадельфийского планетария. Механизм часов показывает гринвичское и местное время на каждой точке лунной поверхности. Кроме того, с помощью этих часов исследователь Луны может ознакомиться с фазами Земли и высотой Солнца над лунным горизонтом.

СТАН-ВЕЛИКАН

Это было в 1707 году. Петр I подарил своему любимцу Александру Меншикову землю у реки Ижоры — притока Невы. Через 15 лет на этой земле выросли корпуса адмиралтейских ижорских заводов. На одном из них установили первую в России «плющильную машину» для прокатки листов из медных слитков. Потом на Ижоре стали ковать якоря, выплавлять медь и железо.

Так началась славная история Ижорского завода.

Недавно ижорцы изготовили для завода на Украине стан-великан, известный у инженеров под номером 600. Он разместится в здании длиною около километра и шириною 96 метров. Вес его — 18 тысяч тонн, а производительность — один миллион шестьсот тысяч тонн проката в год! Скорость прокатки — 36 километров в час. Это примерно в два раза выше, чем у любых существующих станов.

Стан полностью механизирован.

НОВАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАХОДКА

После двухтысячелетнего пребывания на дне пещеры — грота «Голубой» (остров Капри) — на белый свет извлечена прекрасная статуя, сделанная из белого мрамора. Она хорошо сохранилась. Археологи считают, что статуя была высечена во времена Августа или Тиберия, когда в этом подземелье находился языческий храм. Находка вызвала большой интерес.

НА ФОТО: так извлекали статую.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ЦИСТЕРНА

Недалеко от древней Большой башни князя Лазаря в Крушевце (Югославия), где сейчас ведутся раскопки старинного города, недавно обнаружена довольно большая, фундаментально построенная цистерна для воды. Возле нее находились предметы обихода людей XIV века.

До сих пор подобная цистерна найдена в Югославии еще только в одном месте — возле Сплита. Интересно, что она и сейчас постоянно наполняется вкусной, холодной водой.

Фото И. ТУНКЕЛЯ.

Когда лыжник взлетает с трамплина на Ленинских горах, он видит, как река Москва обнимает синими руками центр города. Да, мы не оговорились: именно синими, ведь теперь и летом можно прыгать с трамплина!

Раньше река держала в своих объятиях весь город. Но потом столица выросла, ей стало тесно в кольце этих рук. И она вырвалась далеко-далеко, зашагала по бывшим подмосковным лугам, вторглась в тенистые рощи.

Жаркое лето выдалось в нынешнем году. Правда, сейчас, когда пишутся эти строки, небо заволокли тучи и столбик тер-

мометра упал до двенадцати градусов. Но синоптики обещают тепло. И тогда на московских пляжах будет так же людно, как в тот миг, когда был сделан наш снимок. Народу в Москве сейчас много, но и река стала больше, полноводнее с тех пор, как приняла в себя частицу Волги.

Если вы поэт в душе, то, наверное, любовались нашей милой рекой на рассвете, когда в затуманенных водах дрожат зыбкие тени кремлевских башен, а по гранитным ступеням мостов бродит бессонная молодость. И вечерами вы, не отрываясь, смотрели, как крутятся в темной глади реки золотые веретена огней.

Очевидно, поэты и впредь будут черпать вдохновение из глубин реки Москвы. А вместе с тем она выполняет и сугубо прозаические обязанности: несет на себе корабли со всякими очень нужными грузами и дает воду для питья. Когда из автомата вам в стакан бежит шипящая струйка, — это ведь тоже река Москва!

Жители столицы любят свою реку. Любят за то, что от нее начинаются далекие путешествия, и за то, что здесь так вольготно спортсменам. Даже если яхта перевернется, вас не покинет хорошее настроение: в этих добрых водах акулы не водятся.

Часами сидят на берегах Москвы длинноносые девчонки. И если та, которую вы видите на снимке, уйдет, ее место тут же займет другая, точно с такой же прической, ибо стародавняя коса стала непременным признаком юности.

С незапамятных времен струятся воды реки Москвы. Но она по-прежнему радует людей своей неистощимой молодостью.

Н. ВЕРИНА, Ю. КРИВОНОСОВ

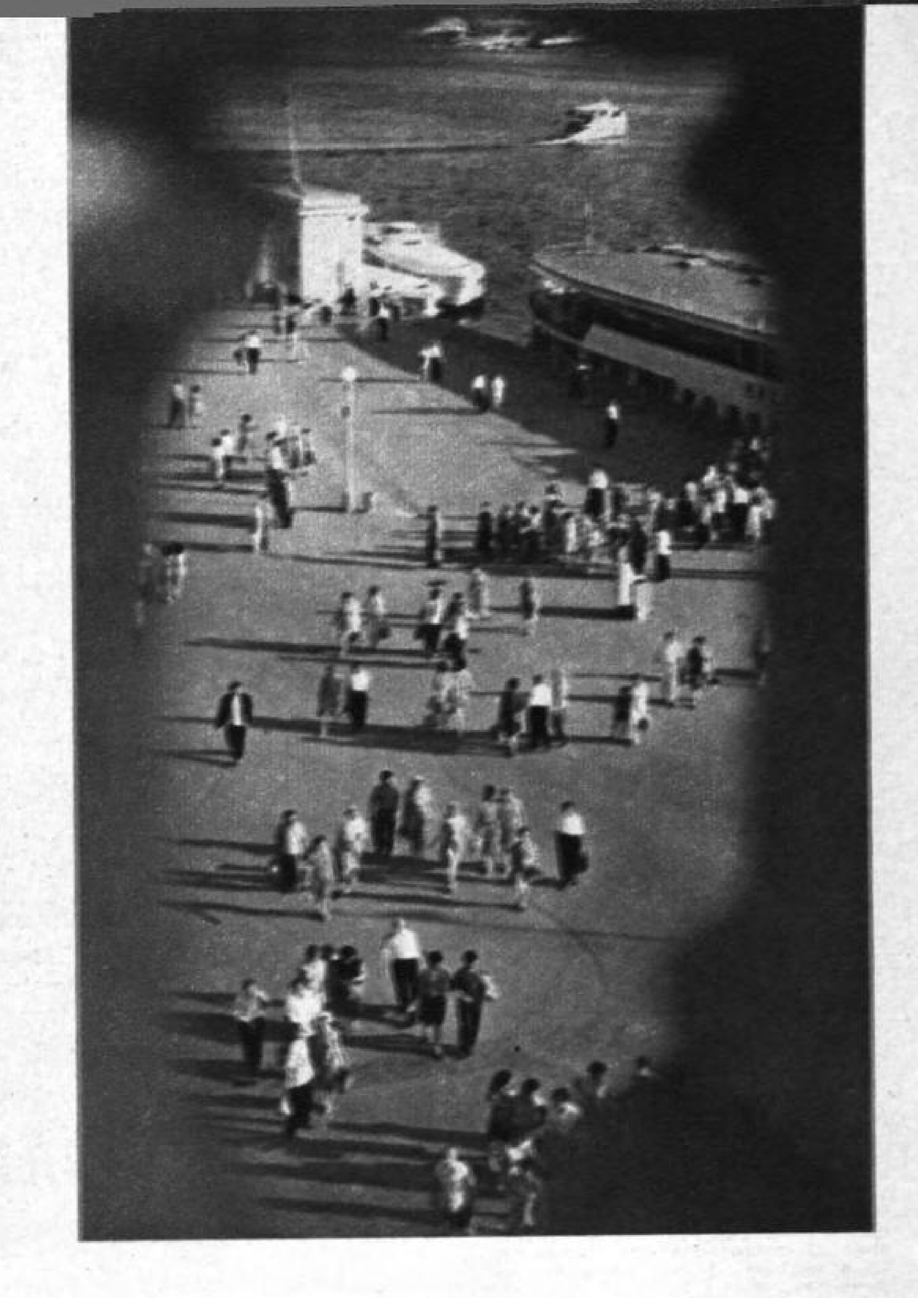
ние объятия реки

Прасковья и Мария Бартеневы. Рисунок Г. Гагарина.

Прасковья Бартенева.

Московский соловей

К 150-летию со дня рождения М. Ю. ЛЕРМОНТОВА

В годы, когда юный Лермонтов жил в Москве, в московском дворянском обществе блистала своим талантом и красотой Прасковья Арсеньевна Бартенева, замечательная русская певица. Она была на три года старше поэта, родилась в обедневшей дворянской семье и получила хорошее музыкальное образование.

К сожалению, о жизни Прасковьи Бартеневой широкий круг читателей мало осведомлен, а некоторые данные до сих пор неизвестны даже специалистам. Собрать эти сведения необходимо также и потому, что они приводят к новым выводам: Прасковья Бартенева оставила заметный след в творчестве Лермонтова.

29 декабря 1829 года на вечере, устроенном московским главнокомандующим Д. В. Голицыным, был исполнен дуэт из оперы Россини «Семирамида» с участием Бартеневой. В 1830 году в Россию приехала знаменитая немецкая певица Генриетта Зонтаг («германский соловей»). Бартенева участвовала в концерте на балу в честь Зонтаг и исполнила романс Алябьева «Соловей». Современники считали, что голос Бартеневой не уступает Зонтаг, и называли русскую певицу «московским соловьем».

Лермонтов, сначала воспитанник пансиона при Московском университете, а с 1830 года студент, был страстным театралом, любителем музыки.

30 ноября 1833 года А. Булгаков писал брату: «Вчера, хотя и не было танцев, вечер был блистателен. Было 6 tableaux (живых картин.— Э. Н.), в коих участвовали графиня Ростопчина, маленькая Щербатова, Шернваль, Давыдова, М. Бартенева, Лиза Пашкова, Лопухина... после была сцена из Robert le Diable между Н. Пашковым и Бартеневою, которая вчера превзошла себя в пенье и декламации» (речитативе).

Лермонтова в 1833 году уже не было в Москве, но любопытно, что почти все названные здесь женщины были знакомы поэту, им он посвятил стихи: Евдокии Ростопчиной, Анне Щербатовой, Прасковье Бартеневой — новогодние мадригалы, Эмилии Шернваль, вышедшей вскоре замуж за Мусина-Пушкина,— стихотворение «Графиня Эмилия». О стихотворениях Лермонтова в альбом Марии Бартеневой речь пойдет далее.

Горячей поклонницей Прасковьи Бартеневой была ее ровесница Евдокия Сушкова (Ростопчина), талантливая поэтесса, в те годы знакомая, а в 1841 году близкий друг Лермонтова.

Как обычно, накануне 1832 года в зале Благородного собрания проходил новогодний маскарад. Лермонтов явился на бал в костюме астролога, с огромной книгой под мышкой. В книгу были вложены листки с мадригалами и эпиграммами, адресованными лицам, которых поэт рассчитывал встретить на маскараде. Свои мадригалы Лермонтов посвятил блестящим московским женщинам, славящимся красотой и талантом,— А. Алябьевой, воспетой Пушкиным в стихотворении «К вельможе», В. Бухариной (Анненковой), А. Щербатовой, Е. Сушковой (Ростопчиной), Прасковье Бартеневой... «Некоторые маски раздавали довольно затейливые стихи, и одни поднесены той, которая недавно восхищала нас Пиксисовыми вариациями... Сии стихи заслужили ласковую улыбку нашей Зонтаг» (то есть Бартеневой.— Э. Н.),— сообщал «Дамский журнал». Очевидно, это был мадригал Лермонтова:

Скажи мне: где переняла
Ты обольстительные звуки
И как соединить могла
Отзывы радости и муки?

Премудрой мыслию вникал
Я в песни ада, в песни рая,
Но что ж?— нигде я не слыхал
Того, что слышал от тебя я!

Интерес Лермонтова к Бартеневой объяснялся не только ее голосом, но и репертуаром. Прекрасная исполнительница итальянской музыки, Бартенева любила петь русские народные песни. А ведь в 1830 году Лермонтов писал: «Наша литература так бедна, что я из нее ничего не могу заимствовать... Однако же, если захочу вдаться в поэзию народную, то, верно, нигде больше не буду ее искать, как в русских песнях... в них, верно, больше поэзии, чем во всей французской словесности».

Обращенные к Бартеневой стихи «И как соединить могла отзывы радости и муки» связаны, по-видимому, с исполнением ею русских народных песен. Александр Иванович Тургенев, друг Пушкина и знакомый Лермонтова, приехав ненадолго в Россию, 25 марта 1832 года писал Бартеневой: «Скоро «тройка удалая» помчит меня по дороженьке; но «колокольчик из Валдая» не заглушит ни в сердце, ни в памяти прелестных звуков, коими и Родина, и тоска по ней, и рощи Петровского, и вечера трехгорные, и пруды чистые, и радушие милых хозяев, «воскреснут, оживут в душе моей унылой»... «Дороженька» снова отзовется для меня и на сыпучих песках Бранденбургских и на скалах Пиренейских... и над развалинами вечного Рима, где, может быть, другой соловей (речь идет о Зинаиде Волконской.— Э. Н.) огласит мое русское сердце родными звуками». Письмо А. Тургенева напечатано в чрезвычайно редком издании (Временник общества друзей русской книги, вып. III. Париж, 1932) в статье Г. Лозинского, посвященной альбому П. Бартеневой, находившемуся в частном собрании в Париже. Сейчас альбом П. Бартеневой хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. Между страницами альбома подклеен автограф лермонтовского мадригала, тургеневское письмо, а также портрет А. И. Тургенева и В. А. Жуковского, рисованный и гравированный Бушарди с надписью рукою Жуковского: «Победительнице соловья». На одном из листов альбома имеется автограф Пушкина, несколько измененная цитата из «Каменного гостя»:

Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает,
Но и любовь — гармония.
5 октября 1832 г.

Талант Бартеневой высоко ценил М. И. Глинка. Он познакомился с Бартеневой в июне 1834 года. «Она со мной проходила мои романсы»,— писал композитор в своих «Записках». В альбоме Бартеневой в Публичной библиотеке в Ленинграде сохранились нотные автографы Глинки, в их числе романс на слова Пушкина «Где наша роза?» Советские музыковеды разыскали и опубликовали письма Глинки к Бартеневой. Дружба между ними продолжалась более двух десятилетий.

Голос Бартеневой привлек всеобщее внимание. В январе 1835 года Бартеневу приглашают в Петербург, она становится фрейлиной.

В 1836 году В. А. Жуковский, П. А. Вяземский и М. Ю. Виельгорский привозили Бартеневу к слепому и больному поэту И. И. Козлову. Козлов вскоре напечатал в журнале «Библиотека для чтения» стихотворение «Русская певица».

...Но томное любви роптанье
Уже не слышно; голос твой
Пылает, льет очарованье
Напевом радости живой...

Он дивной, зыбкою стрелою
Летит сквозь радужный эфир,
Небесною блестит красою.
В нем жизнь сердец —
в нем целый мир.

Лермонтов, высоко оценивший голос Бартеневой в мадригале 1831 года, безусловно, слышал ее пение в Петербурге. Это могло быть на репетициях и концертах патриотического общества и в частных салонах. Бартенева бывала у Смирновой и Карамзиных, то есть в тех самых салонах, которые посещал Лермонтов.

Имеется документальное подтверждение знакомства Лермонтова и Прасковьи Бартеневой. Это свидетельство недавно опубликовано литературоведом Ф. Майским. В конце августа 1838 года у Карамзиных началась подготовка к большому театральному представлению, состоящему «из двух водевилей и карусели». Участниками спектакля были посетители салона во главе с Прасковьей Бартеневой. Одним из главных актеров был Лермонтов. 27 сентября 1838 года С. Н. Карамзина с огорчением сообщила своей сестре Е. Н. Мещерской: «Мы собрались на репетицию в последний раз... Вы представляете себе, что мы узнали, что в это утро наш главный актер в двух пьесах Лермонтов был посажен на 15 дней под арест великим князем из-за слишком короткой сабли, которую он имел на параде».

Итак, Лермонтов слышал Бартеневу в Петербурге, встречался с ней у друзей и, конечно, был знаком со многими восторженными отзывами о ее таланте. Невольно возникает вопрос: не оставила ли Бартенева следа в зрелом творчестве Лермонтова?

В «Литературной газете» 9 апреля 1963 года Ираклий Андроников в статье «Неизвестная нам Мария» рассказал о недавно выявленном альбоме с двумя автографами Лермонтова. Среди автографов есть стихотворение П. Вяземского «Молись» и Е. Ростопчиной «Что лучше». Оказывается, оба стихотворения вскоре появились в печати с посвящением Марии Арсеньевне Бартеневой. Следовательно, хозяйкой альбома была Мария Бартенева (1816—1870), сестра Прасковьи.

В альбоме М. Бартеневой имеется опубликованный Ираклием Андрониковым автограф первого варианта знаменитого стихотворения Лермонтова «Есть речи — значенье...» с датой 4 сентября 1839 года. Он отличается от окончательной редакции стихотворения 1840 года. В первой редакции стихотворение еще не имело широкого общественного смысла. Оно посвящено голосу Бартеневой. К этой теме поэт обращался и раньше: в 1838 году Лермонтов написал стихотворения «Она поет — и звуки тают...» «Как небеса твой взор блистает...», «Слышу ли голос твой...» Эти стихи, оставшиеся не напечатанными при жизни Лермонтова, посвящены одной и той же неизвестной нам женщине, ее голосу и глазам; эти стихотворения никогда не комментировались. Теперь становится ясным, что они посвящены Прасковье Бартеневой:

Она поет — и звуки тают
Как поцелуи на устах,
Глядит — и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли — все ее движенья,
Иль молвит слово — все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

В этих стихах Лермонтов создал портрет певицы: именно в 1838 году она была в зените славы и встречалась с Лермонтовым.

Один из друзей Лермонтова, художник Г. Гагарин, оставил нам портрет женщины, вдохновившей Лермонтова. Рисунок Гагарина сделан в 1844 году в Гатчине и находится в альбоме Прасковьи Бартеневой. Портрет оставался неизвестным даже специалистам, изучавшим творчество Гагарина, и был воспроизведен в названном выше редком парижском издании 1932 года. На рисунке изображены обе сестры — Прасковья (слева) и Мария. В стихотворении «Слышу ли голос твой» Лермонтов назвал глаза «лазурно-глубокими». На рисунке Гагарина (и особенно на относящемся к концу 40-х годов ее портрете, приписываемом Брюллову) хорошо видно, что глаза Прасковьи Бартеневой светлые.

Заметим, что начало стихотворения «Она поет — и звуки тают...» совпадает с началом каждой строки стихотворения Ростопчиной «Певица», посвященного Бартеневой.

Интересно, что М. И. Глинка, написавший на слова Лермонтова два романса, для одного из них выбрал «Слышу ли голос твой».

Поскольку эти три стихотворения 1838 года остались ненапечатанными, Лермонтов, как он делал обычно, использовал тему и некоторые образы стихотворений для «Есть речи — значенье...», придав иной поворот теме. В новом стихотворении все сосредоточилось на волшебных звуках голоса, на силе воздействия слова. Тем не менее можно предположить, что у истоков лермонтовского стихотворения «Есть речи — значенье...» стоит образ Прасковьи Бартеневой, покорившей современников своим прекрасным голосом.

Э. НАЙДИЧ

ЗАПИСКИ

Мих. ЖИЛЕЙКИН

Автор публикуемых ниже «Записок» Михаил Яковлевич Жилейкин — шофер такси. Вот уже тридцать семь лет возит он пассажиров — коренных москвичей и гостей столицы. Начал он работать на «Форде», а сейчас в первом таксомоторном парке Москвы за ним закреплена «Волга».

Тысячи людей пользовались услугами такси, за рулем которого сидел М. Я. Жилейкин. Он был невольным свидетелем многих житейских историй, иногда забавных и даже комичных, а порою и печальных.

М. Я. Жилейкин давно начал вести дневник, занося в него все, что по той или иной причине заинтересовывало его. Страницы из этого дневника и предлагаются вниманию читателей.

КИНО «МОЛОТ»

На стоянке такси у метро «Сокольники» ко мне подошел молодой человек с букетом цветов и попросил отвезти его на улицу Короленко. Я обратил внимание на парадный вид моего пассажира, не мешавший ему вместе с тем быть скромным и даже несколько застенчивым. Новые ботинки, недавно глаженный костюм, свежая сорочка, букет и двадцать два — двадцать три года, написанные на лице, рассказали мне все без слов.

— А с улицы Короленко в загс? — спросил я.

— Совершенно верно,— сказал он, несколько смутившись.

Путь до улицы Короленко невелик. Не успеешь, кажется, и рта раскрыть. Но пассажиру после моего вопроса захотелось, очевидно, поделиться чем-то переполнявшим его, и он заговорил:

— Скажите, как я выгляжу, ничего?

Я ответил, что вид у него вполне удовлетворительный.

— Как букет? Посмотрите. Подходящий?

Был конец мая, и цветы в букете были весенние... И я сказал, что букет очень хорош, что желтый цвет лично мне очень нравится, но в свадебном букете он может навести на некоторые нежелательные размышления, и лучше, если его будет меньше. Молодой человек, вероятно, не знал этого невинного предрассудка, но задумался.

Мы подъехали к нужному дому. Я выключил мотор, однако пассажир не торопился выходить из машины.

— Вы старше меня, больше знаете жизнь,— задумчиво сказал он.— Понимаете, я кое-что еще не решил, не знаю, как быть...

Он стал машинально ощипывать букет, выбирая и отрывая желтые цветы.

Я сказал, что все нужно было решить загодя, со своими родными, но молодой человек объяснил, что родителей у него нет, а товарищам не до разговоров, да и молоды они еще, чтоб советовать. Оказалось, что и будущая жена тоже сирота, живет в общежитии.

— Я работаю на заводе слесарем-механиком,— продолжал он, бросая желтые цветы на тротуар.— Зарабатываю прилично, отношение ко мне хорошее. Будем надеяться, что получу комнату, и тогда заживем по-настоящему...

Но выходить из машины все-таки было нужно. Молодой человек посмотрел в зеркало, поправил зачес, взял в руки букет и, решительно сказав: «Ну, ладно»,— вышел.

Минут через десять он вернулся, уже не один. Она была так же молода и хороша собой, но я почему-то подумал, что жизненного опыта у нее побольше. Это подтвердилось с первых же ее слов. Она сразу обратила внимание на валявшиеся около машины желтые цветы. Заметила, между прочим, что галстук нужно подбирать под цвет костюма. Сделав еще несколько практических замечаний, она спросила, почему мы так долго стояли около дома и занимались уничтожением цветов, заставив ее ждать у окна.

Пришлось мне вступиться и сказать, что виноват во всем я, что цветы ощипывались по моему совету и жених здесь ни при чем. И представьте, мы поехали не в загс, а на 9-ю Сокольническую, в общежитие, менять галстук под цвет костюма. В дом они пошли вместе. Она, несколько отстав от него, провела ладонью по его спине, как бы разглаживая костюм, потом взяла его под руку, и они скрылись в подъезде.

Вскоре они, веселые, вышли из дому, сели в машину, и мы поехали на Преображенскую, 2, в загс.

Когда они выходили из загса, я встретил их, снял фуражку и, пожав им руки, пожелал согласия и любви. Сев в машину, они сказали адрес: «Кино «Молот».

У кино они расплатились, поблагодарили меня и пошли, крепко взявшись за руки... «Как-то устроится их жизнь?» — со смутным беспокойством подумал я.

...Январь. Мороз градусов двадцать с ветерком. В такую погоду особенно ждешь пассажира: нужно двигаться, чтобы самому согреться да и машину согреть.

На счастье, ждать пришлось недолго. К машине подошел молодой мужчина.

— Здравствуйте, товарищ шофер,— сказал он.— На Стромынку, к родильному дому.

Голос и лицо пассажира показались мне знакомыми. Но вспомнить его сразу я не смог.

По приезде на место он вышел и скрылся в подъезде роддома, а я занялся проверкой своей памяти. Это не помогло, но я понял, что увидел не просто знакомое лицо: оно должно было запечатлеться мне чем-то особенным.

Минут через тридцать дверь открылась, первым показался мой пассажир с драгоценным свертком на руках, а за ним мать. И пока она шла и садилась в машину, я вспомнил все.

— В кино «Молот» везти? — спросил я усевшихся пассажиров.

— Нет, на Госпитальный вал,— обиженно сказала молодая женщина.— У нас есть квартира.

Я попросил извинения за шутку и в оправдание напомнил им тот случай, когда я их вез из загса в кино «Молот».

И тут они тоже вспомнили все. Супруги принялись рассказывать о своей жизни, о том, как, прожив недолго врозь, получили комнату и живут теперь лучше всех и что в дополнение к их счастью родился сын, которого они хотят назвать Сергеем, в честь молодого отца.

Приехав на Госпитальный вал, я не посмел отказаться от приглашения молодой матери зайти к ним домой.

В уютной, чисто и с любовью убранной комнате уже стояла детская кровать, в которую мать водворила маленького Сергея. У кроватки на коврике блестел свежей краской конь, стояли два автомобиля и высилось какое-то сложнейшее сооружение из кубиков. На столе лежал торт, две соски и стояла бутылка шампанского.

Мать посмотрела на все это и, покачав головой, заметила, что большой Сергей не умнее маленького.

— Что ты, Шура,— оправдывался большой Сергей.— Я здесь ни при чем, это все твои подруги — вот их письма. А шампанское и соски принес вчера вечером какой-то молодой человек. Сказал, что от общественности, и ушел.

На прощание мои пассажиры показали маленького Сергея и крепко пожали мне руку, а я пожелал им счастья и еще такой же встречи, но только уже не с Сергеем, а с Таней...

Я был рад за эту молодую семью и, садясь в машину, не беспокоился за их судьбу, как два с с половиной года назад, отъезжая от кино «Молот».

ЧАРЛИ

В районе Петровского парка я обратил внимание на идущую по дороге молодую пару. Люди были чем-то очень довольны. Они то и дело нагибались, как бы пытаясь что-то поймать.

Оказывается, с ними была собачка — небольшая, очень шустрая, на тоненьких ножках. Она носилась меж деревьев и кустов то исчезая, то появляясь вновь.

Подойдя ко мне, молодые люди поздоровались, спросили, свободен ли я, знаю ли Клуб служебного собаководства на Малой Тульской улице и смогу ли я их туда отвезти и вернуться обратно в район Боткинской больницы. Получив на все свои вопросы положительные ответы, молодые люди сели в машину, женщина достала из хозяйственной сумки коврик, постелила рядом с собой, крикнула: «Чарли!» — и собачонка мигом вскочила в машину, улеглась на постеленный для нее коврик.

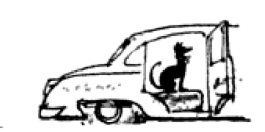
В пути я обратил внимание на собачонку. Примечательного в ней ничего не было, разве что черные, как пуговки, глаза, очень тоненькие лапки и веселый нрав. С приходом пассажиров повеяло запахом духов, и мне показалось, что ими надушена и собачка.

Из разговора с пассажирами я узнал, что они молодые, недавно окончившие институт врачи, что поженились тоже совсем недавно и сейчас счастливы молодым, безоблачным счастьем.

Месяц назад к ним на улице подбежала собачонка, обнюхала их ноги, как-то жалостно взвизгнула и... растопила сердце молодой женщины. На семейном совете было решено: а почему бы им и не иметь собачки? Тем более, что ее красивая окраска, тоненькие ножки и почти торчком стоящие ушки заставляли предполагать в ней экземпляр какой-то очень редкой и ценной породы. Собачка осталась у молодоженов. Ее трижды вымыли в ванне, накормили обедом из двух блюд и водворили в опочивальне, устроенной около дивана на ковре, где она и проспала целые сутки. Проснувшись, собачка узнала, что ее зовут Чарли, не удивилась и стала ревностно служить своим новым хозяевам, проявляя недюжинную понятливость, послушание и ласковость.

Молодым людям не терпелось скорее узнать, какой же все-таки породы их Чарли. И вот они договорились с видным специалистом из Клуба служебного собаководства, который согласился определить породу Чарли, назначив свидание на сегодня от 8 до 9 вечера.

В связи с этим важным событием хозяин собственноручно соорудил очень оригинальный и красивый ошейник, а хозяйка пришила к нему розочку из искусственной кожи. Дорогая цепочка довершила прелесть собачьего наряда. Все это убедительно свидетельствова-

ШОФЕРА ТАКСИ

Рисунки Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

ло о любви хозяев к своей питомице.

В пути собачка вела себя исключительно вежливо, не шалила.

У большого корпуса на Малой Тульской я остановил машину. Первой выскочила собачонка, сдерживаемая красивой цепочкой, за ней вышли молодые люди, а сзади любопытства ради я. Меня как любителя собак заинтересовал процесс определения породы.

В клубе нас принял внушительного вида пожилой специалист по собачьим экстерьерам. Выслушав внимательно все обстоятельства, приведшие к нему молодых людей, он подошел к собачке, погладил ее, посмотрел на глаза и небольшие желтые колечки над глазами, провел рукой вдоль спины, потрогал уши, тоненькие ножки, узенькую, неразвитую грудь и на минуту задумался.

Мои пассажиры стояли как зачарованные, следя за всеми движениями знатока. Вид у них был такой, словно от его приговора зависело их семейное счастье.

И он сказал одно слово:

— Дворняжка.

Мои пассажиры опустили головы, сраженные этим безапелляционным заключением, и долго не могли прийти в себя...

К машине, уже без цепочки, первой подбежала собачонка, и не успел я открыть дверь, как она прыгнула на сиденье и заняла свое место. Севший в машину хозяин выдернул из-под нее коврик, положил его в сумочку жены. Села и хозяйка. Собачка пыталась было устроиться у них на коленях, но была немедленно сброшена на пол. Она сделала еще одну попытку приласкаться к хозяевам, но послышался грубый окрик, и Чарли присмирел.

Они уже не разговаривали со мной. Всю дорогу переговаривались шепотом о чем-то своем, не требовавшем постороннего вмешательства.

У дома, недалеко от Боткинской больницы, из открытой двери машины первым выскочил Чарли, но уже без ошейника. За ним степенно вышли молодые люди. Собачка по старой привычке обежала их кругом и уселась у дверей подъезда. Но, увы, здесь Чарли и остался. По ту сторону двери его не пустили.

Обескураженная собачка тихонько тявкнула. Подождала, не спуская с двери глаз, еще раз тявкнула. Но дверь не открывалась, и она бросилась ко мне, вскочила в машину, торопливо обнюхала сиденье и, убедившись, что хозяев тут нет, бросилась опять к подъезду. Подождав немного, она громко и протяжно завыла. Затем, очевидно, услыхала шаги хозяина и доверчиво присела на ступеньки.

Дверь открылась, длинная рука взметнулась вверх, сложенная вдвое блестящая цепочка блеснула в воздухе и опустилась на спину не ожидавшей беды собачки.

Чарли с отчаянным воплем, с каким-то совершенно человеческим «ой-ой-ой» бросился в темноту улицы. Удар, очевидно, был очень силен: я долго, пока звук не замер где-то вдали, слышал вой убегавшей собаки...

Трогаясь, я вспомнил Павлова, и знаменитый памятник в Колтушах, и портрет Лайки в журнале и подумал о людях, определяющих свою привязанность добротностью и рыночной ценностью объекта. Интересно, подумал я, что испытывали в тот момент молодые люди? Может быть, их мучил вопрос: а не вернется ли собачка опять? И мне захотелось успокоить их: не вернется! Ручаюсь, что не вернется. К таким не возвращаются!

А НУ, УДАРЬ ЕЩЕ РАЗ!

Поздно вечером на углу Колодезной улицы в мою машину сел интеллигентный на вид молодой человек. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять, что он давно не спал и очень устал.

Человек попросил подвезти его к подъезду клуба «Медсантруд», где мне пришлось нагрузить машину музыкальными инструментами: два барабана, большой и малый, несколько труб — в общем, чуть не половина духового оркестра. Вместе с первым пассажиром в машину сел еще один. Как ему удалось втиснуться на заднем сиденье между всеми этими витыми медными штуками, уму непостижимо.

Едва успев сесть в машину и сказать адрес: «Неглинная»,— мои пассажиры дружно захрапели. Когда приехали по адресу, я разбудил их. Очумело посмотрев на меня, они выбрались из автомобиля, подошли к подъезду, постучали.

— Сейчас выгрузимся,— устало бросил один из них, скрываясь за дверью.

Для ускорения дела я сам принялся выгружать инструменты на тротуар, а выгрузив, присел на большой барабан и стал дожидаться. Но, увы, из подъезда никто и не думал выходить. Была глубокая ночь. На улице почти никакого движения. Я сидел один на барабане у кучи музыкальных инструментов.

Подождав минут сорок, я постучал в дверь подъезда. За нею было тихо, ко мне никто не вышел.

Положение становилось щекотливым. Бросить инструменты и уехать — нечестно. Набраться терпения и ждать — сколько можно? И я решил обратить на себя внимание тех, кто скрылся за дверью подъезда. Поставив большой барабан на малый, я от души ударил по нему два раза колотушкой.

Результат получился неожиданный: из-за угла выбежал с пистолетом в руке милиционер.

— Кто стрелял?! — крикнул он.

— Я не стрелял. Я бил в барабан.

Милиционер подозрительно, взглядом опытного сыщика, идущего по следу, оглядел меня с ног до головы. Он мне не верил, и я коротко изложил ему всю историю.

— А ну, ударь еще раз! — приказал милиционер, все еще не веря моим словам.

Я незамедлительно ударил колотушкой в барабан с большей силой, чем раньше.

— Вот черт! А ведь на расстоянии, из-за угла, точно выстрелы. Только понять не мог, из чего стреляли. Надо тебе помочь.

Подойдя к двери, он требовательно постучал. Дверь наконец приоткрылась. Какой-то старик, бросив взгляд на барабаны, впустил меня в прихожую.

На большом диване под вешалкой спали мои пассажиры. И как спали! Они лежали ногами в разные стороны, раскинув руки, и храпели так, что мне за них стало страшновато.

Разобравшись, где тут ноги, где руки, я привел моих пассажиров в сидячее положение. Проснувшись, они рассказали, как, устав за день, угостились немного в клубе, где играли весь вечер у студентов, как, падая от усталости, дошли до этого дивана и как больше ничего не помнят...

Инструменты были быстро внесены, причем пассажиры как-то подозрительно посмотрели на барабан, когда я водворял его в прихожую...

Провожая меня, милиционер на мое «Всего хорошего!» ответил:

— До свидания, музыкант!

НАХОДКА

Морозной январской ночью я возвращался из Болшева в Москву. Выезжая на трассу Москва—Ярославль, я определил по свету, что впереди меня тронулась и пошла в моем же направлении стоявшая до этого грузовая машина.

Подъезжая к месту ее недавней стоянки, я увидел на дороге большой узел. Выходить из теплой машины на мороз не хотелось, и я решил не останавливаться. Но что-то заставило меня одуматься. Я затормозил, вышел. Узел был тяжелый, и я с трудом всунул его на переднее сиденье.

«Распечатав» связанное конвертом одеяло, я увидел овчинную шубу, а в ней... мальчика. Черномазый, хорошенький. Я только и мог что присвистнуть.

— Тебя как звать? — спросил я, оправившись от удивления.

— Ваня,— спокойно ответил маленький пассажир, ничему не удивляясь.

— А сколько тебе лет?

— Два с половиной,— серьезно сообщил он, не отрывая взгляда от круглого циферблата автомобильных часов.

Обдумывая, что же делать, я потихоньку поехал дальше.

Вскоре я увидел мужчину с опрокинутыми санками, стоявшего на обочине, и какую-то женщину, в волнении метавшуюся из стороны в сторону по шоссе.

Я остановился и пошел узнать, что случилось. На меня не обратили внимания. Женщина продолжала метаться, а гражданин с санками, к которому я обратился с вопросом, плакал, не отвечая ни слова.

Подошли какие-то молодые люди и сказали, что женщина и мужчина с санками — муж и жена. Они были в соседнем поселке в гостях, там, очевидно, поссорились. Собравшись домой, жена заставила мужа везти в санках закутанного в одеяло сына, а сама, не желая идти с ним вместе, пошла вперед. Жена шла быстро, а подгулявший муж поплелся с санками далеко позади.

В конце концов жена не выдержала, решила дождаться мужа и проверить, как он везет сына. И тут она обнаружила, что муж волочит за собой пустые перевернутые санки. Женщина бросилась назад по пройденной дороге. Навстречу ей пронесся на большой скорости грузовик. Потом она увидала валявшийся на дороге коврик, который был постлан в санках. Страшная картина представилась воображению матери: сын раздавлен колесами грузовой машины. Обезумев, она кинулась искать своего ребенка. Сейчас она ползала по дороге на коленях, разгребая снег руками. Подойти к ней я не решился, она казалась невменяемой.

Мне стало ясно, как все произошло. Папаша медленно брел по обочине, волоча за собой санки. Когда он дошел до того места, где остановился замеченный мною грузовик, ему пришлось свернуть с обочины на шоссе. Здесь санки опрокинулись на закраине асфальта, и Ваня остался лежать у заднего колеса грузовика. Его счастье, что шофер, трогаясь, не сдал назад. А отец был настолько хорош, что потери не заметил.

Я взял плачущего отца за руку, подвел к машине. Состояние его было таково, что он, не сознавая, пошел бы за кем угодно и куда угодно.

Ваня в мое отсутствие уже освоил включение и выключение света, и в освещенной машине отец увидел своего сына. Пораженный, не верящий своим глазам, он не знал, что и сказать. А неунывающий Ваня меж тем показывал ему, как хорошо он умеет делать «темно» и «светло».

В это время трое молодых людей подвели к машине мать. Она не хотела никуда идти, вырывалась и кричала: «Умру здесь! Умру!» Пришлось силой усадить ее на сиденье рядом с мужем.

Отец, уже несколько пришедший в себя, взял ее за руки и прокричал в ухо:

— Успокойся! Вот он, Ваня наш! — и, взяв Ваню с переднего сиденья, посадил его ей на колени.

Только тут она увидела сына. Лицо ее как-то исказилось, она нервно засмеялась. А потом начала ощупывать ребенка, словно желая убедиться, что это не сон...

Вскоре я подвез их к дому, в котором они жили. Супруги как-то смущенно поблагодарили меня, мать закутала Ваню в одеяло, взяла на руки, и они втроем ушли.

В доме зажегся свет. Занавеска была отдернута, и я увидел, как мать и отец посадили Ваню на стол и стали целовать его. А он смотрел на них и, очевидно, не мог понять, с чего это вдруг родители так расчувствовались.

С тех пор, проезжая по трассе Москва—Ярославль, я всегда смотрю в знакомое мне окно, в котором я видел Ваню сидящим на столе.

НЕИЗВЕС

Шолом

В 1892 году появились в печати первые, ставшие впоследствии знаменитыми письма Менахем-Мендла. Но лишь в 1909 году, спустя семнадцать лет, Шолом-Алейхем завершил работу над этой классической «повестью в письмах», так полюбившейся читателям и переведенной на многие языки мира. Профессиональный неудачник, «человек воздуха», Менахем-Мендл был попеременно биржевым маклером, сватом, страховым агентом, испробовал и другие профессии, не раз был близок к обогащению, но неизменно терпел крах. Кончается книга тем, что, совершенно запутавшись в своих делах, Менахем-Мендл едет искать счастья за океан...

В 1913 году Шолом-Алейхем снова вернулся к своему герою, сделав его... газетным обозревателем. Как это случилось, читатель узнает из печатаемых ниже двух писем новой серии (седьмой части книги), которая, к сожалению, осталась незавершенной и на русский язык не переводилась.

Публикация этой серии началась 12(25) апреля 1913 года в ежедневной еврейской газете «Хайнт» («Сегодня»), выходившей в Варшаве, и продолжалась весь год. В письмах подняты острые вопросы современности: балканские войны, проблемы разоружения, дело Бейлиса, работа Думы (речи Пуришкевича и пр.), положение евреев в «черте оседлости» и т. п. У Менахем-Мендла есть свои проекты решения всех международных и внутренних вопросов. Письма очень остроумны и полны сарказма.

ПИСЬМО МЕНАХЕМ-МЕНДЛА СВОЕЙ ЖЕНЕ ШЕЙНЕ-ШЕЙНДЛ

Моей дорогой супруге, благонравной и добродетельной г-же Шейне-Шейндл — доброго здоровья!

Первым делом уведомляю тебя, что я, слава богу, жив и здоров. Пусть, с божьей помощью, всегда приходят к нам друг от друга только хорошие и утешительные вести — аминь!

А во-вторых, я хочу, чтобы ты знала, что отныне я уже варшавянин, то есть я уже нахожусь в Варшаве. Как же я очутился в Варшаве? Послушай — это перст божий.

Из моего последнего письма, которое я послал тебе из Америки вместе с деньгами, ты уже знаешь, как я там мытарился, прошел все семь кругов ада. Я так извелся в этой свободной стране Колумба, что, упаси господи, не про вас будь сказано! Пришлось мне там, можно сказать, молиться идолам и делать все каторжные работы, как невольнику, прикованному к тачке. Случалось, что раз в три дня ел черствый хлеб, раз в три недели менял рубашку... Только, помилуй бог, не протягивал руку за подаянием.

Но вот всеблагий мне помог, и я после долгих и горьких страданий получил кое-какую работенку, пристроился к делу. Это было, можно сказать, очень даже приличное занятие, вполне для меня подходящее, а именно я стал газетчиком и начал даже пописывать. Кажется, еще в предыдущем письме я тебе писал, что мне очень повезло и дела мои сразу пошли в гору. Начинал я, конечно, с маленького, а потом поднимался все выше и выше, как это принято в Америке.

Поначалу я разносил газеты (там их называют «пейперы») и продавал их на улице (там их называют «стриты») по копейке за штуку (там копейка — это «цент»). Так было до тех пор, пока я однажды не обнаружил, что для меня это дело совсем неподходящее и, торгуя газетами, я не стану ни Рокфеллером, ни Вандерблитом [1], не стану даже Енкелем Шифом... Размышляя об этом, я решил однажды, стоя на «стрите», заглянуть в эти «пейперы»: о чем все же они пишут, что публика хватает их, как горячие галушки? И, своим опытным глазом пробежав газету, я сразу смекнул, что писанина — дело нехитрое, тем более, что я сам когда-то, еще в России, немного пописывал, думаю, ты не забыла. И я начал частенько заглядывать ко всем этим писакам, и когда увидел, как они работают, то от удивления просто развел руками.

Перво-наперво я познакомился с тамошними редакторами-издателями (их называют «эдитеры») и с их помощниками писателями. Я заводил с ними литературные разговоры. Что тебе сказать, дорогая супруга? В жизни нужна только удача, и больше ничего! Казалось, какая богу разница, если бы все было бы так же, как сейчас, но только наоборот? Иначе говоря, если бы они стояли с «пейперами» на «стрите», а Менахем-Мендл сидел бы на их месте и делал их дело?..

И я начал посматривать одним глазом, как бы со стороны, только из любопытства, как делают этот товар, то есть газету, и обнаружил, что был до сих пор чурбан чурбаном, прямо-таки ослом. Я по наивности думал, что все, что печатается в «пейперах», они выдумывают из головы. Оказалось — ничего подобного, ничего похожего! Такое тебе даже не приснится...

Сидит себе, ты бы только посмотрела, этакий дюжий детина за большим столом (там стол называют «деске»), заваленным газетами со всего света, держит в руках ножницы и режет газетные листы, как заправский портной (там портных называют «апрейтерами»). Напротив него сидит рыжий парень, этакое рыло, тоже с ножницами в руках, и листает книжонку. Готов поклясться, что эта книжонка мне знакома, она из того же сорта книг, что и романы Шомера[2].

Рыжий просматривает книжку, не переставая все время что-то жевать, и режет ножницами здесь страницу, там страницу — вот и готова для завтрашнего номера глава из романа. «Э-э-э...— мотаю себе на ус,— уж коли я знаю, в чем секрет, то с этим делом справлюсь получше твоего!..» И я пошел на базар (там его называют «маркет»), купил целую партию товара — занимательных книжек всех сортов — и взялся за работу по-американски: стал лицевать старье, из двух-трех старых историй кроить одну новую, путать сюжеты, нагромождать небылицы и придумывать интригующие заголовки. Короче говоря, дело у меня пошло, все получалось, чтоб не сглазить, довольно складно. Представь себе, что я уже работал для трех «пейперов» одновременно, понятно, под разными псевдонимами.

Что же угодно было сделать господу богу? А вот что: взяли еврейские писатели да и забастовали. С тех пор, как Колумб открыл Америку, и с тех пор, как мир существует, неслыханное и невиданное дело, чтобы бастовали еврейские писатели! Но уж такое мое счастье... Когда Менахем-Мендл с божьей помощью стал наконец каким ни на есть писателем, начал вполне прилично зарабатывать и смог даже послать домой несколько долларов, им захотелось устраивать забастовки...

Иду я в одну редакцию, иду в другую, в третью, и говорят мне хозяева (там их зовут «боссы»): какое вам дело, уважаемый Менахем-Мендл, до всяких там штрейков-шмейков? Какое вы, собственно говоря, имеете отношение к этому сброду, всяким там забастовщикам? Кто они вам — кумовья или сваты? Делайте себе, как всегда, говорят они, ваше дело. Более того, говорят они, при нынешней суматохе вы можете совсем недурно подзаработать...

Все как будто хорошо, не так ли? Но вот открывается дверь моей комнаты и входят ко мне два молодых человека, такие же, как я, газетчики, и говорят мне довольно деликатно следующее: нас послали к вам, мистер Менахем-Мендл, из нового юниона писателей, чтобы вы были настолько любезны, говорят они, и отложили в сторону утюг и ножницы, то есть перо и бумагу, и не вздумали бы, говорят они, пока идет забастовка, писать что-нибудь для газеты — ни единого слова. А если, говорят они, вы не послушаетесь и попробуете все же писать, то наш писательский цех будет рассматривать вас как штрейкбрехера, и уж пеняйте на себя, если вам, как и полагается штрейкбрехеру, пересчитают ребра. Таков, говорят они, у нас, в Америке, обычай...

Услышав такие речи, я ответил им на их же языке: олл-райт! На нашем языке это значит: слушаюсь...

Короче говоря, не к чему все подробно расписывать, дорогая моя супруга. Я увидел, что все летит вверх тормашками, и надо, пока не поздно, распрощаться с пером.

А время не стоит на месте, неделя идет за неделей, мой кошелек становится все более тощим, последние бумажки на исходе. Чем все это кончится? И, как назло, моя новая профессия мне очень полюбилась, я просто не в состоянии взяться за другое дело — довольно мыкался на своем веку! А тут доносятся из России новые голоса: «Амнистия! Амнистия!» Что это может означать? Евреи, должно быть, получат всякого рода «равноправия». А коль скоро так — на кой черт мне Америка? Не разумнее ли будет, рассуждаю я про себя, повернуть оглобли и пуститься в обратный путь — через океан, к себе домой? Ибо если речь зашла о равноправии, то ведь это совсем другой коленкор...

Короче говоря, я попрощался с Колумбом и его свободной страной, пусть она себе живет и здравствует до прихода Мессии, ибо что это за свобода, когда, как только ты вздумал подзаработать, к тебе сразу же присылают сказать, что ты штрейкбрехер и что тебе пересчитают ребра?.. Я купил шифскарту [3], сел на пароход — и шагом марш назад! В голове у меня была лишь одна мысль — вернуться домой, то есть в родную Касриловку. Но пока я благополучно переплыл океан, а затем миновал границу, я так натерпелся, что трудно рассказать: ведь вместо паспорта у меня были только мои болячки... А тем временем из всех этих «равноправий» получился один лишь пшик. Разве только что снимут с меня триста рублей штрафа, да и это еще под большим вопросом. Вот тебе и еврейское счастье вместе с добрыми и утешительными новостями!

А ежели так, то что мне, собственно говоря, делать дома, когда на мне висят еще две другие хворобы? Один мой брат Нехемья, как тебе известно, давным-давно помер, мир праху его, но Нехемью забыли выписать из метрических книг. А другого моего брата по ошибке записали «мужского рода», хотя на самом деле он

[1] Так Менахем-Мендл называет миллиардера Вандербильда. (Здесь и далее примечания переводчика.)

[2] Шомер — бульварный еврейский романист XIX века, зло раскритикованный Шолом-Алейхемом в его знаменитом памфлете «Суд над Шомером».

[3] Проездной билет.

тный
-Алейхем

«женского рода» — это моя сестра Сося, которую казенный раввин записал как Иосю. Теперь, вероятно, власти ищут этого Иосю, и мне, появись я у вас в Касриловке, пришлось бы отсидеть за два трехсотрублевых штрафа. Только этого мне не хватает!

Короче говоря, дорогая моя супруга, ты сама, вероятно, подтвердишь, что я поступил правильно, не поехав домой, а свернув в Варшаву. И вообще, если ты прочтешь мое письмо от начала до конца, то тогда только ты поймешь, как велик и благостен наш бог и все, что он делает,— к лучшему. Прошу тебя только об одном: не думай обо мне плохо и не расстраивай свое здоровье, а выслушай меня до конца.

Когда я приехал в Варшаву, то был гол как сокол, ни гроша за душой. Город, чтоб не сглазить, что надо, людей очень много, шум, гам, толчея, все куда-то спешат, все делают бизнес — почти как в Америке. Только я один без какого-либо занятия и к тому же с пустым желудком. А тянет меня только к писательскому ремеслу, я так с ним свыкся, что ничто другое мне не мило. Что прикажешь делать? Но кругом ведь свои, и я начинаю понемногу расспрашивать: а не знаете ли вы, любезные, где у вас тут самый большой «пейпер»? Смотрят они на меня, как баран на новые ворота: что этому типу надо? Тогда я начинаю им объяснять, что «пейпер» — это газета. Они говорят: так вы бы сразу сказали — газета. Тогда я говорю: я не виноват, я только что из Америки, а там, говорю я, такой язык, что газета у них называется «пейпер». «Паскудный язык»,— отвечают они мне. Тогда я говорю, паскудный или не паскудный — это к делу не относится. Вы лучше скажите мне, где у вас самый большой «пейпер», тьфу, пропасть, самая большая газета. Мне указывают на двор. Вот тут, говорят они, редакция самой большой газеты.

Я оглянулся: вот тут самая большая газета? Ничего не скажешь, почти как в Америке, ну точь-в-точь... В Америке, скажу я тебе, редакция помещается в двенадцатиэтажном каменном здании, наверху сверкают золотые буквы. Шик, блеск! А тут — ничего похожего: двор, как все дворы, и дом, как все дома.

Вхожу вовнутрь, в самую редакцию, значит, и вижу — полон дом людей. Я спрашиваю: «Кто тут из вас эдитер, тьфу, пропасть, я хотел сказать, редактор?» Посмотрели они на меня и говорят: «А вам что надо? Может быть, газетку, или вы насчет анонса?» Я говорю: «Мне не нужна газетка, и меня не интересуют анонсы. Мне нужно,— говорю я,— к эдитеру, тьфу, пропасть, к редактору». Они молча переглянулись, видно, подумали: зачем такому понадобился редактор? И все же довольно вежливо ответили: «Садитесь, пожалуйста, сейчас придет редактор».

Сижу я и места себе не нахожу, ибо кто знает, думаю я, удастся ли мне здесь чего-нибудь добиться? Кто знает, что за человек этот редактор? И я представляю себе, что это должен быть большой туз, как те американские тузы, толстопузые оллрайтники с собственными автомобилями.

А тем временем подходит ко мне мужчина с козлиной бородкой (жаль, что ты его не видела), пронзает меня насквозь этаким взглядом и говорит: «Что вам угодно?» Я подумал про себя: «Что ему от меня надо?» И говорю: «А зачем вам, собственно, знать, что мне угодно?» Он нахмурился и говорит: «Скажите, любезный, что вам угодно, потому что мы люди занятые, у нас нет времени». «Как в Америке,— отвечаю я.— Там тоже никогда ни у кого нет времени... Мне, собственно говоря, ничего не угодно: мне нужно только к эдитеру, тьфу, пропасть, к редактору». Он усмехнулся и говорит все еще довольно-таки строго: «Я и есть редактор. Что вы мне скажете хорошего? И кто вы такой?» «Кто я такой? — говорю я.— Еврей из Касриловки. То есть сам я, собственно говоря, родом из Мазеповки,— говорю я,— но проживаю в Касриловке, потому что там женился. Некоторое время,— говорю я,— торговал в Егупце[1], но сейчас прибыл из Америки. А зовут меня,— говорю я...— не знаю только, известно ли вам мое имя... зовут меня Менахем-Мендл».

Как только я выговорил последние слова, сердитое лицо редактора сразу прояснилось, и он заговорил со мной совсем по-другому: «Вот как! Значит, вы и есть тот самый Менахем-Мендл? Я рад приветствовать вас, уважаемый Менахем-Мендл! Как вы поживаете? Как ваши дела? Что вы делаете в наших краях? И почему вы стоите? Садитесь, пожалуйста! Нет, знаете что, зайдите-ка вы лучше ко мне в кабинет. Эй, кто там, подать гэрбату! — сказал он по-польски (это значит — чаю).— Два стакана! С закуской!»

О чем тут долго рассказывать, дорогая моя супруга,— божьи чудеса, да и только! Прежде чем я успел рассказать ему о своих мытарствах в Америке, и еще до того, как я намекнул, что хотел бы получить у него какую-нибудь работу или службу, чтобы хоть немного подзаработать, он сам первый заговорил со мной. И вот что он сказал — передаю тебе слово в слово, чтобы ты уразумела, как велик и милостив наш бог.

«Выслушайте меня внимательно, уважаемый Менахем-Мендл,— говорит он, обращаясь ко мне и поглаживая свою бородку, а голова у него в это время, видать, работает, мысли так и скачут...— Выслушайте меня внимательно,— говорит он,— и поймите, чего я хочу. У меня для вас,— говорит он,— есть план, отличный план, такой, что и вам, и мне, и всем нам будет хорошо. Вы ищете,— говорит он,— заработка? Вы хотите, как я понимаю, получить работу? Я дам вам работу,— говорит он.— Вот вам,— говорит он,— стол, вот чернила, вот перо и бумага. Садитесь за стол,— говорит он,— и пишите...»

«Боже милосердный,—думаю я про себя,— это прямо-таки перст судьбы!». Я осторожненько спрашиваю: «Что мне надо для вас писать? Романы?..» Он снова нахмурился, замахал руками и ногами: «Нет, нет! Никаких романов! Романов у меня,— говорит он,— более чем достаточно. Вы пишите,— говорит он,— ваши письма, скажем, к примеру, вашей жене, ну хотя бы раз в неделю или два раза в неделю, как вы привыкли. Ваше имя,— говорит он,— широко известно (так и сказал!), ваши письма,— говорит он,— прославились (как тебе это нравится?). Вы себе пишите,— говорит он,— ваши письма, но прежде чем опускать их в почтовый ящик, давайте мне, я их тисну в газете, не меняя даже запятой... Ну, как, смекнули?»

Вот так, как я пишу тебе, именно этими словами говорил со мною сам редактор и не спускал с меня глаз. А я в это время думал про себя: всякому овощу свое время. Пришло, значит, время и для писем Менахем-Мендла... И все же я решил вставить еще пару слов и говорю ему: «Олл-райт, тьфу, пропасть, я хотел сказать: будь по-вашему. Если вы уже надумали печатать мои письма, печатайте себе на здоровье. Но, вероятно, вы захотите, чтобы в этих письмах я писал бог весть о чем...» Он прервал меня и говорит: «Нет! Ни в коем случае! Пишите только то, что вы обычно пишете

Рисунки А. ЛУРЬЕ.

[1] Так в произведениях Шолом-Алейхема называется Киев.

вашей Шейне-Шейндл, все, что бог на душу положит: о политике, о войнах, о делах, о разных напастях и новых законах, о жизни, о людях, обо всем, что вы видите, слышите, читаете... Короче говоря, нисколько не стесняйтесь, чувствуйте себя как дома. А я,— говорит он уже совсем дружелюбно и потирает руки,— я вас, с божьей помощью, за это отблагодарю»... «А именно?» — спрашиваю я. «А именно? — повторяет он.— Я вас буду кормить и поить, вы получите одежду, и папиросы, да еще мелочишку на карманные расходы. Вы сможете, к примеру, ежедневно заходить в соседнюю кухмистерскую и встречаться там за чашкой кофе с людьми. Короче говоря, у вас будет все, что нужно живому человеку. А так как,— говорит он,— уже приближается пасха и ваша Шейне-Шейндл ждет не дождется деньжат на праздники, то я,— говорит он,— прикажу, чтобы ей выслали в счет вашего гонорара сотнягу...»

Когда я это услышал, у меня, дорогая моя супруга, закружилась голова. И я подумал: а не мерещится ли мне все это? Может быть, это только сновидение? Но все было наяву. Я видел собственными глазами, как тебе выслали сто рублей,— чтоб я так скоро увидел тебя и наших деток в добром здравии и благоденствии, боже праведный, аминь! И так как сейчас у меня нет времени,— я закатал рукава и взялся за письма,— то уж отпишу тебе все очень подробно... А пока, дай бог, чтобы все были в добром здравии и чтобы дела шли удачно. Поцелуй детей, пусть они будут живы, здоровы, кланяйся теще, пусть живет она долгие годы. Как ее здоровье? Успокоилась ли она немного после того, как овдовела? Всей семье и каждому в отдельности передай мой душевный привет.

Твой супруг Менахем-Мендл.

А главное-то забыл: с редактором я договорился, что он будет печатать только мои письма, те, что я пишу тебе, но отнюдь не твои письма, те, что ты будешь писать мне, потому что ты вспыльчивая. Я ему намекнул, что иногда тебя прорывает и тогда ты употребляешь крутые выражения... И он мне пообещал. Поэтому ты можешь писать все, что хочешь, не надо бояться: кроме меня, никто твоих писем читать не будет. Только прошу тебя, дорогая моя супруга, не расстраивайся и не огорчайся, ибо ты сама видишь, что бог не желает, чтобы я жил в Касриловке вместе со всеми касриловцами, хоть он и знает, как меня тянет домой именно к вам, в Касриловку. А с тех пор, как я побывал в Америке и присмотрелся к этой стране и тамошним людям, твоя Касриловка стала для меня на 99 процентов дороже. Пусть бог так мне поможет, как я говорю сущую правду!

ПИСЬМО МЕНАХЕМ-МЕНДЛУ ОТ ЕГО ЖЕНЫ ШЕЙНЕ-ШЕЙНДЛ

Высокочтимому и дорогому супругу Менахем-Мендлу, мудрому, просвещенному и благородному наставнику нашему — да воссияет его светоч!

Во-первых, хочу тебя уведомить, что все мы, слава богу, пребываем в добром здоровии. Дай бог, чтобы и от тебя приходили в дальнейшем подобные вести, не хуже. А во-вторых, пишу тебе, дорогой супруг, что я железная, если все это выдерживаю. Войди сам в мое положение. Я уже думала, что ангелы небесные улыбаются мне, когда получила от тебя твое любезное письмо с долларами, где ты писал, что покидаешь, с божьей помощью, эту распрекрасную Америку — лучше бы она сгорела до того, как ты туда поехал. Весь город меня поздравлял: «Какое счастье, скоро будет у вас дорогой гость!» О детях и говорить нечего, они были на седьмом небе. Шутка ли сказать — вот-вот они, бедняжки, увидят своего отца, которого они уже почти не помнят! И кто мог подумать, что случится такая напасть, и его в пути перехватит Варшава, как какую-нибудь драгоценность, и даже не захочет отпустить! Мало тебе твоих золотых дел в Егупце, которые у меня до сих пор сидят в печенке? И вот бог дал ему новое занятие — писанину! И скажи на милость, еще находятся на белом свете такие дураки, которые платят ему за это деньги, бросают на ветер сотни — кто бы мог поверить? На все свое время, как говорит моя мама, дай бог ей здоровья: «Когда приходит пурим, даже служка Йокл-Мойше ходит в золоте...» [1].

Что она имеет в виду, ты должен сам понять, а если не понимаешь, то я тебе объясню, что она имеет в виду, а именно: дай бог, чтобы все кончилось хорошо, и из твоих писаний не получилось бы, упаси боже, того, что получилось из твоих егупецких лесов, имений и заводов. Вначале они плодились и размножались, а потом... а потом пришла кошка и начисто слизала всю сметану...

Ты можешь, Мендл, твердить, сколько тебе угодно, что я всего-навсего баба, но только у меня не укладывается в голове, что есть на свете такие пустоголовые люди, которые от нечего делать читают твои письма да еще пальчики облизывают. И это в такое время, когда все мы на девять локтей зарыты в землю... Посмотрели бы они моими глазами, как гонят нашего брата, хуже, чем скотину, из деревень в местечки, из местечек в города, и не думали бы тогда о всяких глупостях.

Можешь себе представить, до чего дошло, что наша Касриловка сейчас тоже считается большим городом. Понаехала сюда тьма-тьмущая народа, чуть ли не со всего света. Может быть, ты знаешь, что они здесь будут делать? Как будут жить?.. Дай бог, чтобы наше начальство, осмотревшись, не вздумало бы гнать всех евреев и из Касриловки, не про нас будь сказано, как гонят из других мест... За что? Почему? Просто так! Как говорит моя мама, дай бог ей здоровья: «Богу не задают вопросов, потому что пробовали задавать, а он не отвечает...»

[1] Пурим — старинный еврейский праздник с ряжеными. Бедняки в этот день разыгрывают сценки, изображая персидского царя Артаксеркса, его министра Амана, царицу Вашти, царицу Эсфирь и других, получая за это подаяние.

Скажи, Мендл, разве она не умница, моя мама? Не потому, что она моя мама, а потому, что ей приходят в голову хорошие мысли. Вот, например, сидим мы нынче на пасху и обедаем, а она вдруг положила ложку и говорит мне: «Подумай сама, Шейндл,— говорит она мне,— что за человек твой Мендл. Бог послал ему,— говорит она,— такое счастье — нашелся какой-то дурень купец, которому страшно понравились его писания, и он платит за них наличными. Как же,— говорит она,— твоему муженьку не пришло даже в голову сразу записать это на бумаге, составить договор? А вдруг этот купец, хорошенько выспавшись, в одно прекрасное утро возьмет да и раздумает?» Разве, Мендл, она не права?..

Деньги, которые ты мне выслал из Варшавы, я получила. Но, как говорит моя мама: «При удаче тоже нужно счастье...» Если уж бог в кои веки,— говорит она,— вспомнил о моей дочери и она получила наконец от своего благоверного, от этого золотодобытчика,— говорит она,— немного денег,— то и это,— говорит она,— выходит боком и не доставляет никакого удовольствия...

Послушай-ка, Мендл, как все получилось. Видно, те, кто платит тебе за твои писания, делают это не от чистого сердца. Они, видишь ли, надумали послать мне по почте пакет, в котором не было даже письмеца, ни единой строки, а только одна сотенная бумажка, сторублевая ассигнация, новая, с иголочки, свеженькая, хрустящая, будто хотели сказать: на, подавись ею! И когда именно должно случиться такое счастье? В самый канун пасхи! Ну точь-в-точь, как с теми долларами из твоей распрекрасной Америки — сколько я с ними намучилась, пока, наконец, удалось превратить их в настоящие рубли! Счастье, что Шимшн-пройдоха оказался нашим дальним родственником — пусть у него будет столько нарывов, сколько он моих денег прикарманил. Я-то думала, что доллар — это два рубля с гаком, а он мне в конце концов дал по два рубля с недовесом — пусть он это кровью выплюет!..

Так вот, взяла я твою сотнягу и поспешила с нею на базар, хочу ее разменять. Где там — никто и слышать не хочет! Подхожу к одному, подхожу к другому, к третьему — все смотрят на меня как ошалелые. «Ты что,— говорят они,— пришла сюда издеваться над нами?» У одного даже слезы выступили на глазах. «Э-э,— говорит он,— будь у меня сотняга — да разве торчал бы я сейчас здесь на базаре?» А другой, Мотл из Звинироди — ты должен его знать, известный нахал, как все звинироди,— тот даже начал со мной пререкаться. «Скажи мне,— говорит он,— сущую правду. Сколько еще сотенных зашито у тебя,— говорит он,— в нижней юбке?» Каков молодчик! В общем, я вижу, что он мне так завидует, что скоро у него глаза на лоб полезут!

Весь город мне завидовал, все заглядывались на сотенную, да мне какая от нее польза? День уж на исходе, наступает пасха, а разменять негде. Дома хоть шаром покати — и то надо, и это надо, все только надо и надо! Бедняге Мойше-Гершлю я еще к прошлой пасхе обещала новые сапожки, да и другим детям многое нужно, а я расхаживаю, как неприкаянная, с этой бомбой!

Счастье еще, что я вдруг стала пользоваться в нашем местечке кредитом, и мне все стали отпускать в долг. «Бери,— говорят они мне,— бери, Шейне-Шейндл, сколько хочешь. Мы,— говорят они мне,— тебе вполне доверяем. Ничего, твой Менахем-Мендл,— говорят они мне,— чтоб не сглазить, очень прилично зарабатывает».

Ну, что ты скажешь, а? Теперь ты у них в почете — им бы мою зубную боль! А спроси у них, где они были тогда, когда ты, не про нас будь сказано, валандался в этой распрекрасной Америке, пропади она пропадом, а я семь раз на дню подыхала с голоду? А теперь они дают мне все в кредит — дай боже им все мои хворобы с лихорадкой в придачу! Как говорит моя мама: «Когда бог дает ложкой, люди дают поварешкой...»

Поэтому, дорогой мой супруг, мы так отпраздновали пасху, что можно только пожелать всем нашим друзьям. Во-первых, у нас было полным-полно всякой всячины — и мацы, и яиц, и курятины, и гусиного жира, и хрена, и по четыре рюмки пейсаховки на каждого. Ты бы только поглядел, как наш Мойше-Гершеле, дай бог ему здоровья, справлял пасхальную вечернюю трапезу! По всем правилам, как старик! Те слезы, что мы обе пролили в тот вечер, я и моя мама, пусть падут в море-океан...

Мама вспомнила, что в это самое время два года назад мой отец, мир праху его, тоже сидел за праздничным столом. Правда, такое «сидение» можно пожелать только врагам — ведь он уже много лет был парализован. Но все же это лучше, чем быть покойником, как говорит моя мама. «В наших книгах написано,— говорит она,— что лучше быть живым на земле, чем мертвым под землей...»

Но ты, вероятно, хочешь знать, почему и я плакала. Я плакала из-за своей судьбы-недоли. Горе мое горькое, что я родилась в такой несчастливый день! И суждено мне мыкаться одной-одинешенько с малыми детьми, а муж мой, бедняга, вечно кочует из страны в страну, там, где днюет, там не ночует. Как говорит моя мама. «В наших книгах написано,— говорит она,— что у птицы есть гнездо, у скотины — сарай, у собаки — двор, только человек, с позволения сказать, не имеет места, где приклонить головушку...» Она передает тебе, Мендл, сердечный привет и обращается к тебе с просьбой: если можно, то сделай одолжение и произнеси поминальную молитву по отцу, поскольку после него не осталось сыновей, а одни лишь дочери. Годовщина его смерти выпадает как раз на канун пятидесятницы.

Будь здоров и зарабатывай много денег, чтобы ты мог скорее избавиться от Варшавы, как ты избавился от этой сумасшедшей Америки, сгори она сразу после пасхи, как тебе желает всякого добра и счастья

твоя истинно преданная жена

Шейне-Шейндл.

Да, чуть было не запамятовала! Ну и натерпелись мы страху у нас в Касриловке в канун пасхи! Йоэлика, старшего сына трактирщика Рувима, ты ведь помнишь? Теперь он уже сам стал трактирщиком — назло отцу взял да и открыл трактир, как раз напротив отцовского трактира. И вот, значит, этот Йоэлик надумал как раз в канун пасхи поссориться со своим старшим сынком — зовут его Копл, негодяй, каких мало. Ну что ж, бывают плохие дети, так и мучайся с ними! Сними с него штаны и всыпь сколько влезет... Так нет же, он надумал, этот Йоэлик, значит, да и засадил сына в погреб, а снаружи запер на замок.

Что же надумал этот негодяй Копл? Он начал вопить и визжать, будто его режут! Так громко кричал, что в Варшаве можно было услышать. А мимо дома в это время проходила женщина, и она услышала ужасные крики — живой человек взывает о помощи. И побежала эта женщина на базар, и сразу пронесся слух, что евреи поймали мальчика и режут его на пасху... О чем тут говорить, Мендл, разверзлись небеса, да и только!

В одну минуту заходил ходуном весь базар. Женщины заплакали и попрятались по чердакам. Но пожилые, рассудительные люди бросились к Йоэлику и попросили его открыть погреб. А он ни в какую. «Ничего ему не сделается, не подохнет,— говорит он.— Этот негодяй просидит у меня в погребе до самой пасхальной трапезы». Люди его умоляют: «Разбойник! Открой погреб!» — как горох об стенку!

Тогда люди побежали к деду, то есть к Рувиму. Прибежал дед, то есть Рувим, и говорит своему сыну, то есть Йоэлику: «Открой, Йоэлик, погреб и выпусти ребенка!» Но тут вмешалась снова, жена Йоэлика, то есть Этл-Бейля: «Какое вам дело до детей Йоэлика?» Он ей, понятно, не ответил, Рувим то есть, и снова обращается к сыну, то есть к Йоэлику: «Говорю тебе еще раз, не будь нахалом, немедленно открой погреб и выпусти ребенка! Или ты хочешь, чтобы из-за тебя произошел погром?» Только услышав это милое словечко, Йоэлик испугался, открыл погреб и выпустил на волю своего дорогого наследника — и сразу все успокоилось. Все мои ночные кошмары и сновидения — на их головы! Нечего сказать, милая семейка!..

Перевел с еврейского
А. Белов.

Забавные
МЕЛОЧИ

ТРИ ГОДА СКИТАНИЙ

Один американский фермер при посещении города Сакраменто потерял в толпе собаку. Три года пес бродил по дорогам страны, пока наконец не вернулся домой, в город Скотсблафф, проделав путь более 2 тысяч километров.

МАКЕТ ВУЛКАНА

В Японии вблизи знаменитого вулкана Фудзияма построен макет, представляющий точную копию популярной для туристов горы. Дело в том, что вулкан Фудзияма, достигающий высоты 3 776 метров, большую часть года покрыт снегом и скрыт в тумане. Макет же высотой в 20 метров с кратером и озерами доступен посетителям во все времена года.

ЦВЕТЕТ РАЗ В ЖИЗНИ

В Танганьике мы познакомились с плантациями сизалевой агавы. Это растение цветет раз в жизни, на десятом году, выбрасывая из середины пучка листьев длинный цветонос. После созревания плодов агава погибает.

Из листьев агавы добывается грубое волокно, которое затем сушат. Полученная пенька идет на изготовление канатов, сетей, щеток. Пенька носит название сизаля, или, правильнее, сисаля — по имени мексиканского порта Сисаль на полуострове Юкатан. (Свыше 100 видов агав растут в Мексике и прилегающих к ней областях.) Отсюда и сама агава стала именоваться сизалевой, или сисалевой.

Сизаль, наравне с кофе и хлопком, является главной экспортной культурой Танганьики.

Н. СУШКИНА,
профессор МГУ.

Фото автора.

СМЕКАЛКА ПИНГВИНА

В последнее время в Риме стояла очень жаркая погода. Пьерино, единственный пингвин римского зоопарка, нашел выход из трудного положения: он залезал в корыто водопроводной колонки и часами стоял там под холодной струей.

Рыцарь искусства

125 лет назад в Богемии, в небольшом городке Бейшты, родился в семье школьного учителя и церковного регента замечательный дирижер и композитор Эдуард Францевич Направник.

Детство его прошло в серьезных музыкальных занятиях с отцом, юность — в Пражской органной школе. И вот уже двадцатидвухлетний музыкант едет в Петербург с надеждой и рекомендательными письмами. Позднее в своих «Воспоминаниях» он скажет, что приехал сюда «из-за симпатии к славянам и особенно к России, как у всех чехов».

В ожидании своего «звездного часа» Направник первые два года дает уроки и дирижирует домашним оркестром князя Юсупова. Случайность приводит его в оркестр Мариинского театра: на представление «Руслана и Людмилы» Глинки не пришел пианист. Эдуард Францевич, находившийся в публике, взялся исполнить фортепьянную партию «с листа»... Вскоре появилось решение дирекции императорских театров — пригласить Направника помощником капельмейстера «на собственное впредь до распоряжения содержание, исключая поспектакльные платы в три рубля за игру на органе».

Так началась более чем полувековая работа Направника в «Мариинке», совпавшая с расцветом русского музыкального театра. В эти годы утверждались национальные оперные исполнительские традиции, по-настоящему, в полную силу зазвучало отечественное оперное искусство. Впервые пошли под управлением Направника оперы Чайковского, Римского-Корсакова, Кюи, Серова. Заново были прочитаны Глинка, Даргомыжский, Мусоргский; 45 русских опер и 35 западных нашли в Направнике мудрого истолкователя.

Восхищенный М. И. Чайковский писал об исполнении «Евгения Онегина» под управлением Направника:

«Никогда еще сложная партитура этой оперы не была передаваема так законченно и совершенно в подробностях и в целом, как в этот раз, потому, что никогда еще во главе исполнения не стоял человек, относящийся к произведению с большей любовью, знанием дела и талантом».

Живя по обыкновению летом на даче в Усть-Нарве, Эдуард Францевич занимался композицией; четыре его оперы в разное время с успехом шли на петербургской и московской сценах. Опера «Дубровский» и до сих пор считается репертуарной. Правда, сам Направник относился к своим опытам скептически, называя их «маранием нотной бумаги». Высочайший профессионал, всегда требовательный к себе, он был нетерпим к исполнительскому произволу, любительщине. «Рыцарем, стоящим непоколебимо на страже искусства», недаром называли его современники. «...Я понял,— писал Ф. И. Шаляпин,— что Направник с его педантичным требованием строгого ритмичного исполнения ролей был прав, и что мое отношение к ритму внушено мне благодаря именно работе со мной этого маститого художника».

Даже на спектаклях Направник оставался точным и внешне спокойным; его дирижерский жест прост и строг, казалось, что он только тактирует правой рукой, держа левую «в запасе на случай эксцессов». Без устали работал он с хором, оркестром, практически созданным заново. При нем в коллектив пришли такие концертанты с европейской известностью, как Венявский, Ауер, Вержбилович. Уже смертельно больной, Эдуард Францевич все еще занимался делами театра, подбирая репертуар, распределяя партии. 23 ноября 1916 года Направника не стало. Последние слова его были о своем оркестре.

М. КАПУСТИН

ДОРОГИ К ДОМУ

На летнее время Ара Бекарян вместе со своими друзьями, тоже художниками, уезжает в село Бюракан, что расположено в горах у подножия Арагаца, и живет там в домике почти под облаками.

Ведут к дому несколько дорог. По одной из них без провожатого не добраться. Каменные ступеньки из розового туфа, созданные самой природой, завалены валунами, дорогу преграждает то цепкий, колючий кустарник, то откуда-то вырвавшийся ручей.

А на другой дороге навьюченные ишаки уступают место автобусам и легковым автомобилям. Разноголосый ребячий гомон сливается с шумом работающего трактора; ослепляют глаза купола знаменитой обсерватории.

Художнику нравится, что дороги такие разные, и, отдыхая от работы или рано утром отправляясь на этюды, он выбирает ту, что ближе сегодня настроению и мыслям.

Ведь сюда, в горы, он приезжает не только потому, что здесь великолепная «натура» и каждый камень, каждое дерево, даже уголок соседней крыши или забытый в саду на траве обыкновенный серп вызывают страстное желание писать, забывая о времени и усталости. Здесь, в Бюракане, он сливается с этими горами, с людьми, с землей своей, на которой трудились деды и прадеды. Без этого писать ему трудно, просто невозможно.

В сущности, вся его жизнь была поиском в себе вот этой органической связи с родиной. Учился он сначала в Ереванском художественном училище, потом Ленинград, Академия художеств... И война. Он прошел по ее дорогам в солдатской шинели, с полной выкладкой за спиной. Жизненный опыт, возмужание чувств... Но, как и многие другие, Бекарян не в силах был преодолеть распространенную в те годы в искусстве стихию парадности, приукрашательства.

Правда в искусстве... Ее нельзя было найти только усердием, копированием натуры, кропотливой работой в мастерской.

Однажды, когда писал Ара Вагинакович этюды в горах, подошел к нему старый чабан. Долго смотрел, потом поцокал языком и отошел. Художник догнал старика и спросил, что хотел он сказать. Тот ответил не сразу. «Долго будешь писать, день другой, год будешь здесь сидеть, десять лет, а все же так красиво, как бог задумал, никогда не сделаешь» — так сказал старый чабан. Бессмысленно копировать природу, даже великий талант бессилен сравниться с ней. Как много мучился бы художник в поисках своего пути в искусстве, в поисках своей правды, если бы не это вдруг выросшее и укрепившееся в нем чувство родной земли.

Он надолго поселялся в Бюракане, у подножия Арагаца, и, работая помногу, чувствовал себя вместе с теми, кто под раскалившимся солнцем трудился на виноградниках, в садах, на полях.

Колорит его полотен высветлился и посвежел: его увлекали радостные, неожиданные сочетания тонов. Мазок стал широким и свободным, в самом характере живописи художник стремился сохранить непосредственность своих впечатлений. Но не это было основной его целью. В каждодневном и простом он хотел уловить великое.

Вот движутся по улице несколько осликов с перекинутыми через спины корзинами, по-хозяйски деловито восседают на них ребятишки, помогающие взрослым перевозить урожай, — будничная сценка становится темой картины «Аштарак». Атмосфера томительного полдня маленького городка, выгоревшая под солнцем листва, стены домов, небо и как контраст — две ослепительно оранжевые тыквы в корзинах. В жесте девочки, придерживающей их, столько уверенности. Да она и самое солнце может вот так уложить в корзинки и увезти!

Если улыбнется зритель, вдруг разгадав символ,— значит, художник достиг своей цели, но он не хотел ее навязывать, растолковывать. Требование естественности и простоты стало для него основным.

Наверное, поэтому в картине о весне он поместил фигурку женщины с ребенком на второй план, хотя именно она — и связанная с ней тема материнства, расцветающей весны — была запевом в картине.

Мелькание, шум, перемены, новое, властно вторгавшееся в жизнь, неразрывно связывались с вечной жизнью гор. Наверное, поэтому так любит Ара Бекарян эти бюраканские дороги, которые ведут к дому.

Л. ОСИПОВА

НЮРКА СТАНОВИТСЯ ЧЕЛОВЕКОМ

Молодой, вполне добропорядочный парень три года дружил с девушкой, она, казалось ему, будет хорошей женой, хозяйкой, матерью его детей. И вдруг, когда уже закончены приготовления к свадьбе, встречает ту, которую когда-то страстно любил; теперь свободную; прежнее чувство, так и не изжитое, разгорается в душе парня с новой силой.

Как тут быть?

Жених решает так: обещал жениться на хорошей девушке,— значит, и должен сдержать свое слово. А страсть к другой женщине — то вроде как бы только его личное дело, его беда, с которой он постарается справиться сам.

Оставим подобное решение на совести героя пьесы и ее автора В. Розова. Теперь дело за невестой. Что и как решит она?

И вот тут-то зрителя ждет настоящий праздник в Театре имени Ленинского комсомола. Всю полноту чувств, на которую способна любящая женщина в трагическую минуту своей жизни, вложила в роль артистка Антонина Дмитриева вместе с постановщиком спектакля «В день свадьбы» Анатолием Эфросом.

Дмитриева играет невесту подчеркнуто «обыкновенной», уже не очень молодой девушкой. Она необразованна и даже неумна,— в ней нет той душевной тонкости и интуиции, которые иным женщинам с лихвой заменяют «ученость». Внешне она подчеркнуто угловата... Но, создавая свою отнюдь не возвышенную героиню, актриса принесла на сцену богатство тончайших наблюдений над жизнью. На протяжении всего спектакля зритель испытывает радость «узнавания», радость встречи с новым и вместе с тем необыкновенно знакомым человеком. Нюркой Дмитриевой, казалось бы, вплотную сталкивается с жизнью; по долгу службы она вынуждена мирить и сводить своих сослуживцев, разбирать различные семейные дела. Но жизнь прошла мимо нее словно одним боком. И хотя сама она страстно любит Михаила и ей кажется, что у нее «все как у всех», она не осознает того, что жених не отвечает ей таким же чувством.

Только когда брат Николай прямо и грубо говорит Нюрке об измене Михаила, она впадает в замешательство. Но ненадолго. Раз обещал жениться,— значит, женится. Как окаменелая, слушает она Василия, пытающегося отстоять свободу Михаила, и вдруг остервенело, грубо набрасывается на него, яростно отстаивая свои права.

А дальше идут удивительные по психологической тонкости сцены Нюркиного смятения. И зритель незаметно для себя от недоумения и раздражения, с которыми он начал было относиться к героине, переходит к глубочайшему сочувствию. Он уже простил Нюрке всю ее недалекость и грубоватость, и живет одной мыслью: как бы не допустить Нюрку до роковой ошибки... Но много еще переживет Нюрка Дмитриевой, прежде чем воскликнет исступленно:

— Тебя люблю, не себя!.. Не могу твою свободу брать!

Героиня сразу преображается, сумев прямо и честно посмотреть правде в глаза. Она не только совершает подвиг любви, но вырастает как человеческая личность. И теперь мы твердо верим, что отныне вся жизнь Нюрки пойдет иначе. Дмитриевой удалось показать на сцене самое трудное — сложный процесс душевного перерождения человека.

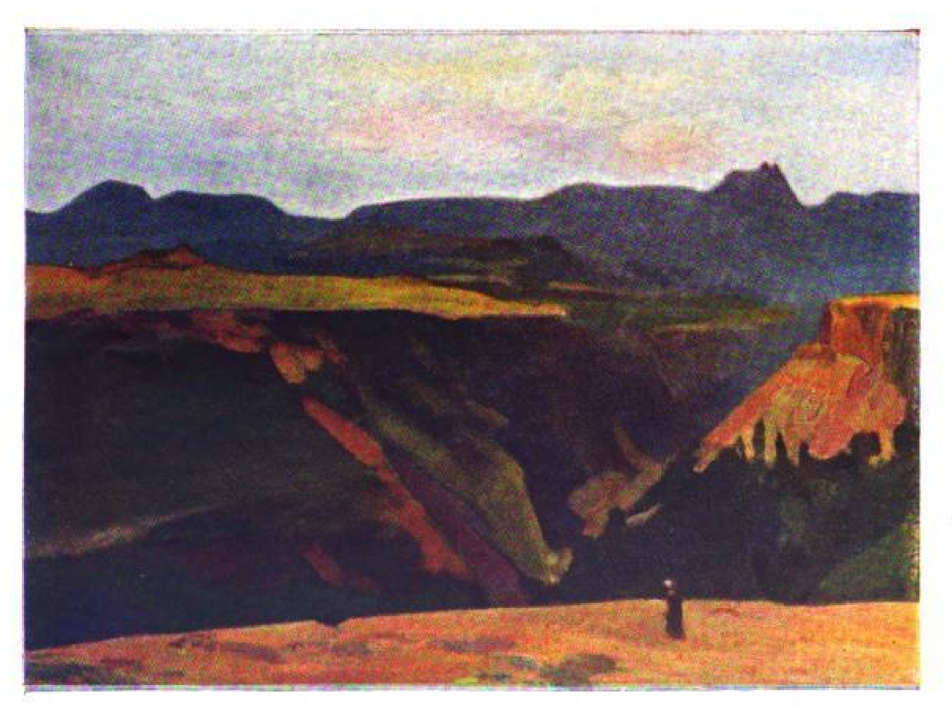
Н. ГОРБУНОВА

А. Бекарян. АШТАРАК. 1960.

ГОД 1920-й.

А. Бекарян. В АРМЯНСКОМ СЕЛЕ. 1960.

УЩЕЛЬЕ ДРАКОНА (этюд). 1963.

ОДНА В НЕБЕ

А. СТАРКОВ

В. Селиверстова в свободном полете.
Фото В. Даниловича.

Одна ли?

Ну, строго говоря, одна, конечно. Даже в групповом прыжке парашютистов, когда их много в воздухе, все равно каждый из них — один. Чем они могут помочь друг другу? Как она могла помочь Николаю, если бы и была с ним рядом?

В тот год она не прыгала: родился Вовка. На ее счету было уже 80 прыжков, после долгого перерыва она готовилась к восемьдесят первому. Уложила парашют, договорилась с инструктором. А инструктор — Николай, муж. Он стал парашютистом позже Вали и, собственно, из-за нее. Начинал в аэроклубе как планерист, но, познакомившись с Валей, перебрался на другой конец поля, где она тренировала парашютную группу. Прыгнул под ее наблюдением раз, другой, третий и окончательно расстался с планером. Теперь он инструктор. И с ним как с инструктором она договорилась: пора ей возобновить прыжки. Под его наблюдением. Все-таки перерыв в полтора года. Она бы и раньше начала — врачи не разрешали. Пусть, говорили, сыну исполнится хотя бы полгода. Потом отсрочили еще на три месяца. И хотели снова отложить, но Валя прошла осмотр, и придраться им было не к чему. Она сказала Николаю:

— Завтра начну. А ты сделай передышку. У тебя вон уже вторая сотня пошла. Дай догнать. Сравняемся и поведем общий счет.

— Ладно,— сказал он.— Испытаю сегодня парашют для планеристов. И тогда догоняй, согласен.

Это было в пятницу. Они собирались в театр. Николай обещал вернуться домой, как обычно, к пяти. Просил погладить костюм. Он был аккуратный, предельно точный человек. Очень даже педантичный для своих двадцати лет. Но в пять он не пришел, не было его и в шесть, не было в половине седьмого. В семь пришел Простаков, старший инструктор из аэроклуба. Войдя, он еще ничего не успел сказать, но Валя все уже прочла в его глазах. Схватила пальто, выбежала на лестницу. В комнате заплакал Вовка, требуя ее к себе. Она вернулась и быстро успокоила сына тем вернейшим способом, каким все матери мира успокаивают грудных младенцев.

Как погиб Николай?

Он прыгал в этот день два раза. Удачно испытав один парашют, решил проверить и другой; оба были для планеров, легкие, с маленькими куполами. Он прыгнул с 800 метров без затяжки, сразу дернув кольцо. Купол не раскрылся. Стропы перекосило, перехлестнуло, и с земли видели, как он пытается выправить их. Не смог, рванул кольцо запасного. Купол его мгновенно пошел вверх и застрял в стропах главного парашюта. С земли кричали в мегафон: «Руби!» Он не рубил, он, наверно, хотел все-таки распутать стропы, но ему не хватило высоты. Когда гибнет парашютист, всегда говорят: не хватило высоты...

Это был его сто двадцать третий прыжок. И она свой восемьдесят первый, к которому готовилась при жизни Николая, решила совершить на его последнем парашюте. Но ей не разрешили ни на этом, ни на том, который она уложила раньше, ни на каких других. Вообще запретили прыгать: боялись за нее. Она написала в Москву. Москва подтвердила запрет.

Мать сказала:

— Не сходи с ума. Николай разбился, теперь ты хочешь... У тебя сын. Имей в виду, примешься за старое, за несчастные эти прыганья — уйду к Тоне, не буду сидеть с Вовкой...

— Мама,— сказала она.— Это ж наша с Колей профессия.

— Профессия?! В бухгалтеры тебе надо, в стенографистки. Вот это профессии.

И она покорилась, она послушалась матери. Записалась на курсы стенографии. Год туда ходила. Хитрая грамота: палочки, крючки, завитушки. Сколько бумаги извела, набивая руку, соревнуясь с подругами в скорописи... Получила диплом. На стенографисток был спрос, требовались они и управлению Аэрофлота. Пришла в отдел кадров, спрашивают:

— Ваша специальность?

Она приготовилась сказать: стенографистка, уже потянулась в сумочку за дипломом, но произнесла машинально:

— Парашютистка.

— Нам нужны укладчики парашютов.

Мать думала, что дочка на конференциях, на заседаниях, что она записывает ораторов, потом расшифровывает их речи, стучит на машинке. А Валя парашюты укладывала. Снова обступил ее знакомый, близкий, родной мир аэродрома. Но в небо не пускали. И чем настойчивей просилась, тем тверже отказывали, все еще страшась за нее. Как объяснить людям, что она должна продолжить их общий с Николаем счет прыжков?.. Медицинская комиссия признала у нее «порок сердца». Удивительный «порок», при котором можно прыгать с трамплина на лыжах, с вышки в воду, только с самолета нельзя. И она уговорила одного летчика. Он вывез ее в воздух в абсолютном секрете от начальства. Она прыгнула на том же парашюте, на Колином. Купол раскрылся. Сердце не разорвалось. Но никому нельзя было рассказывать об этом тайном прыжке: пилота уволят, и ее тоже выгонят с аэродрома. Она даже Сторченко ничего не сказала.

Павел Андреевич Сторченко, известный парашютист, мировой рекордсмен, заслуженный мастер спорта, приехал инспектировать Омский аэроклуб. На правах инспектора он мог подтвердить вето на прыжки Селиверстовой и мог его отменить. Он снял запрет, потому что увидел неукротимость этой женщины, ее стремление в небо. Понял, что она все равно своего добьется, поверил в нее.

И она снова повела счет. Восемьдесят первый (плюс тот, тайный)... Сто первый... Сто двадцать первый... И сто двадцать третий! Вот они и сравнялись с Николаем. Нет Коли. И теперь каждый ее прыжок — за двоих.

Мама долго оставалась в неведении. Она была даже довольна, когда Валя возвращалась домой поздно: увлеклась, значит, новой работой, понравилась стенография. Слава богу, не прыжки... Но однажды по радио передавали объявление о предстоящем воздушном празднике. И среди фамилий парашютистов—участников показательных выступлений мама услышала: Валентина Селиверстова.

— Обманываешь? Прыгаешь? — спросила Прасковья Панфиловна дочку, когда та пришла вечером радостно возбужденная после тренировки.

— Мамочка,— сказала Валя.— Я не могу без этого. Это моя жизнь.

— Смерть это, а не жизнь...

— Нет, жизнь! — сказала Валя.— Вот приходите с Вовочкой на праздник, увидишь, как это красиво, как здорово!

И мама пришла, и то, что она увидела, было действительно красиво: в голубом бездонном небе возникают белые круглые облачка и медленно, торжественно опускаются на зеленое поле аэродрома... Но вдруг налетел ветер и понес последнее, позже других появившееся облачко куда-то за аэродром. Видно было, как парашютиста стремительно раскачивает и он старается преодолеть ветер. А тот прибавил силы, и на трибунах сначала замерли, потом зашумели: «Относит, относит!..», «К болоту несет...»; «А кто там, не знаете?» «Похоже, Селиверстова». «Точно. Валя Селиверстова...» И кто-то совсем рядом с мамой сказал: «У нее муж погиб, тоже парашютист был...» Из-под трибуны вынырнула санитарная машина и понеслась в сторону опускавшегося парашюта. И мама тоже побежала в ту сторону... А Валя была уже на земле. Парашют у нее в самом деле несло на болото, и чтобы не угодить туда, она у самой земли отцепила всю подвесную систему и, приземляясь, сбросила ее на краю трясины, даже шишки не набила. Подъехала машина, подбежали друзья, тренер. Прибежала мама. Удивительно, как ее больное сердце выдержало этот довольно длинный, чуть не в километр, пробег! Она стояла, задыхаясь, не в силах слова выговорить. Маму усадили в «санитарку» и отвезли домой... Больше она не ходила смотреть, как прыгает дочка.

А Валя не только днем, она и по ночам прыгала. И не только дома, в Омске, а и в Москве, в Полтаве. Там, под Полтавой,— мировой рекорд: ночью с высоты 9 416 метров, из которых она 8 326 падала, не раскрывая парашюта. Но «падала» не то слово в данном случае. Это раньше парашютист в затяжном прыжке падал. Камнем. Отдавал себя на расправу стихии. И нужна была поразительная, конечно, сила воли, чтобы лишь в

предельной близости земли дернуть кольцо и распахнуть над собой спасительный купол... Но прибавь к бесстрашию мастерство, расчет, научись управлять в прыжке своим телом, и ты обретешь власть над стихией. Ты уже не падаешь, ты паришь, как бы опираясь на те же стремительные воздушные потоки, которые бросали тебя и крутили, а теперь нежно несут к земле. А она ждет твоего возвращения, она встречает теплом, подстилает подушки из более плотных слоев воздуха. Земля рада тебе, если ты мастер, если ты хозяин в небе...

Вот рассказ Валентины Селиверстовой о ее ночном прыжке под Полтавой:

— Мы поднялись на реактивном самолете. Я должна была прыгать примерно с девяти тысяч метров, а Сторчненко — с одиннадцати. Я сказала: «Успеха вам, Павел Андреич!» Он сказал: «Ну, давай, Валя!» Я переключила кислородный аппарат, ощутила холодок в горле, открыла люк и шагнула вниз. Вихревой поток подхватил меня, завертел волчком. Раза три мелькнули передо мной огни самолета. У меня нет крыльев, нет руля. А руки на что, а ноги? Останавливаю вращение. Вижу над головой звезды. Лечу, значит, на спине. А я должна видеть землю. Правую руку отбрасываю резко в сторону, левую прижимаю к телу. И вот я уже лицом к земле. Плашмя пробиваю пелену облаков. Но земли все еще не вижу. Вокруг какие-то поблескивающие круги, ореолы, посередине прямо-таки солнечный диск, бьющий лучами в глаза. Что это? А, понимаю. На лямке и на меховом комбинезоне у меня прикреплены фонарики. Их свет отражают и усиливают мириады вьющихся снежных крупинок. И это как прожектор снизу, с земли. А самой ее попрежнему не вижу. Я не двигаю ни руками, ни ногами, хочу удержать, или, как мы говорим, зафиксировать свое горизонтальное положение в пространстве. И вдруг светящийся диск уплывает в сторону, возвращается, уходит. Снова меня вращает. Плавно разворачиваю ладони, добиваюсь устойчивости. Но как ориентироваться, если не виден в темноте горизонт? Мне помогают воздушные потоки. Я стараюсь лежать на них, а не под ними. Чувствую давление потока снизу на грудь и знаю: я лицом к земле. Я должна сохранить плавность, чистоту прыжка. На мне ведь доносчики-приборы, которые доложат судьям, как я летела... Гляжу на секундомер. Стрелка вроде неподвижна. Вглядываюсь: еле-еле ползет. Еще вглядываюсь: нет, бег ее обычен. Пошла на второй круг. Опять облака, слой за слоем. Земля, где же земля? Кто-то невидимый срывает наконец покрывало, и я вижу землю! Огни вижу. Я знаю: это аэродром, там выложены для нас костры. Этот мой прыжок не на точность приземления, только на затяжку, но все равно хочется опуститься как можно ближе к огням. Поворачиваю ладони, ставлю ребром, и тело, повинуясь им, перемещается по горизонту. Огни пошли левее, левее, левее, сейчас уйдут. «Развернуться!» — приказываю я телу. Вытягиваю ноги, подбираю руки и словно скольжу по ледяной горке. Но она начнет сейчас «таять», эта «горка», потому что в воздухе становится все теплее и земля все ближе. Я уже могу сосчитать, сколько костров указывают мне дорогу. Стрелка секундомера пошла — нет, теперь она летит! — по третьему кругу. Рука возле кольца. Еще чуточку, еще чуточку свободного падения. Не ошибись. Хватит! Дергаю кольцо, тут же выбрасывая вперед руки. Едва ощутимый толчок, шелест распахивающегося купола — и я сижу, как в удобном гамаке...

Маршруты ее поездок удлинялись. Она поехала в Чехословакию, потом во Францию — на мировой чемпионат. Там соревновалась с Моникой Ларош, чемпионкой мира. Неофициальной чемпионкой: первенство среди женщин в то время отдельно не разыгрывали, их включали в мужские команды. Француженка всегда побеждала своих соперниц и считалась лучшей парашютисткой всех континентов. На этот раз у нее была только одна конкурентка — из Советского Союза. Ларош знала, конечно, о ночном затяжном прыжке Селиверстовой и с любопытством поглядывала на нее, когда они впервые встретились в Париже на вокзале. Моника пришла с мужем и дочкой Вовкиного примерно возраста. Муж—врач, он, говорят, не одобряет ее увлечения парашютным спортом и в этом смысле быстро нашел бы общий язык с Валиной мамой. Но он, как узнала позже Валентина, добился все-таки, чтобы жена перестала прыгать, а Прасковья Панфиловна свое не достигла...

Селиверстова приехала во Францию рекордсменкой мира. Но это ее не утешало. Затяжной? Поднимите Монику на такую же высоту — прыгнет, наверно, не хуже. Ночной? И ночью прыгнет. Важнее стиль, класс самого прыжка. Валя еще по описаниям знала, что у француженки великолепный стиль, отточенная техника. А когда увидела Монику, так сказать, в деле, на тренировках, окончательно расстроилась, почувствовав, что с ней трудно тягаться. Тем более, что состязаний в затяжных прыжках не предстояло, а были на точность приземления в круг, на стиль. И сразу не повезло. Валя надела уже парашют, застегнула, как вдруг велели снять: испортилась оптическая труба, в которую судьи наблюдают за прыжками. Исправили, снова натянула лямки и снова сняла: с трубой не ладилось. Объявили перерыв. Он длился чуть не полдня, и, так как боялись, что стемнеет, возобновили соревнования, не проведя пристрелки. Обычно перед зачетными прыжками нейтральному, не участвующему в них парашютисту поручают разведку, пристрелочный прыжок. По нему уточняются сила, направление ветра, температура, вообще обстановка в воздухе, и спортсмены прыгают, уже зная ее. А тут без разведки, сразу, с ходу. И первой — Селиверстова. Получалось, что у нее прыжок и пристрелочный и зачетный. В какой-то мере это жертва. И Валя принесла ее: приземлилась далеко за кругом. А Моника, прыгавшая гораздо позже,— в круг, пусть в самый край его, но все же в круг. Оставалось еще по прыжку на точность. Теперь Селиверстова — в круг и почти в середину, лучше, чем Моника, а Моника во второй раз — еще дальше, чем Валентина в первый раз. Так что победа за русской. За ней же выигрыш и в комбинированных прыжках. Она уступила француженке лишь в стиле, проиграв ей 0,2 очка. В итоговом, вместе с мужчинами, зачете у нее было девятое место, у Ларош — девятнадцатое. И неофициальной чемпионкой мира стала на этот раз Валентина Селиверстова, жительница города Омска.

Там, в Омске, ждал ее Вовка. Вполне взрослый человек, самостоятельный — шесть с половиной лет, на пороге школы,— многое уже в жизни понимающий. Про отца он все понимал... Раньше ему говорили: папа—летчик, далеко летает, надолго улетел. На самолеты показывали: вон папа мимо летит, у него еще не кончилась командировка. Но как-то Валентина уезжала на тренировочный сбор, месяца два не была дома, возвращается, едут с сыном на трамвае; в небе — самолет. Сказала, как обычно в таких случаях:

— Папа летит.

А Вовка сказал:

— Нет, это не папа. Он в могилке.

Бабушка, оказывается, свела его на кладбище, показала могилу.

Он весь отцовский. Даже веснушки на лице, в точности как у Николая: две широкие, постепенно сходящие на нет полудуги от переносицы к ушам, а на самом носу, где их должно быть больше всего, ни единой веснушки.

Все на нем отцовское: курточка из курсантской гимнастерки, штаны из курсантских брюк и самая большая гордость — пилотка! Затаскал ее так, что с головы валилась, а новой, покупной не хотел. И тогда бабушка «вспомнила» вдруг, что у нее в сундуке лежит еще одна папина пилотка. Вовка снял старую, надел эту, только что купленную в военторге, уверен был, что папина.

Первый раз он попал на аэродром совсем маленьким. Бабушка заболела, за ним некому было смотреть, и Валентина привела его с собой на тренировку. Но он никому не рассказывал, где был: мама сказала, что это «военная тайна». А вообще-то это был секрет только от бабушки, и Вовка хранил его до того самого дня, когда по радио объявили про воздушный парад, и они пошли смотреть, как прыгает мама. Бабушка часто болела. Вовка, хотя и жалел ее, в душе радовался этим дням: он проводил их на аэродроме! Он не был там бездельником, не путался у взрослых под ногами. Работал! Расставлял красные и белые флажки на старте. Выкладывал щиты с огромными цифрами — «3», «4», «5»,— чтобы сверху, с неба, было видно, какая сейчас скорость ветра. Подбирал упавшие на землю чехлы. Полезный, словом, был человек! Мама стала брать его и в другие города на сборы, на соревнования. Он подружился с дядей Пашей, маминым тренером. Сторчненко разрешал ему стоять возле себя у наблюдательной трубы. Вовка слушал, что говорит дядя Паша про спортсменов в воздухе, и тоже начал немножко разбираться в прыжках. Он говорил маме:

— Ты шла сегодня с недоходом... Смыкала, смыкала туда-сюда... Давить надо сильнее, понимаешь?.. Не ту бобышку потянула.

Конечно, он волновался за маму больше, чем за кого-нибудь другого. Огорчался, когда она проигрывала. Старался, чтобы выигрывала. Как старался? А вот так. Прыгают трое: Пряхина, Мухина и мама. Вовка ластится к Пряхиной, мурлычет:

— Теть Наденька, ну, пожалуйста, ну проиграй чуточку маме, чего тебе стоит?..

Мухину упрашивает:

— Тетя Галя, прыгни немного подальше, и так все знают, как ты здорово прыгаешь...

Но тети несговорчивы, выиграли у мамы. Зато она победила их и всех остальных на первенстве страны, стала абсолютной чемпионкой. И ее наградили орденом Трудового Красного Знамени. Маму все знают в городе, вернее, ее фамилию. Приходит по делу в какое-нибудь учреждение, называется по фамилии, сразу спрашивают: «Родственница?»,— и она отвечает: «Сестра». А вот когда и имя надо назвать, труднее скрыть, что ты и есть та самая Валентина Селиверстова. Вовке проще, он Мефодьев, по отцу, и даже в школе мало кто знает, что мать у него знаменитая парашютистка.

На каникулах он все лето на досаафовском аэродроме. Мама приезжает с работы на электричке под вечер, потренируется, попрыгает и к ночи домой, иногда только остается, когда уже совсем поздно, до утра. А он на аэродроме и живет, у него в дежурке раскладушка, ни в какие лагеря пионерские не хочет, хорошо ему тут! Укладчик парашютов. Освоил все типы. И у мамы нет в этом смысле заботы: парашют у нее всегда подготовлен к прыжкам. Вовкиными руками. А подошел день — он и для себя уложил...

Нет, она не торопила, не подгоняла наступление этого дня. Ждала его если не со страхом, то с раздвоенным чувством. Мать в ней говорила: «Не надо, не надо ему по пути, на котором погиб отец...» А человек, чувствующий себя хозяином в небе, возражал: «Зачем же ты привела его еще малышкой на аэродром? Упрятала бы подальше, в детский садик, в музыкальную школу. Дала надышаться этим воздухом, приучила к этому простору, а теперь хочешь лишить его радости, которой сама живешь. Разве ты не видишь, что он созрел для неба? Не удерживай, все равно вырвется!»

И вот уложен парашют. На столе у начальника аэроклуба «Заявление от Мефодьева В. Н.» с просьбой разрешить прыжки. И тут же «Личная книжка парашютиста» с чистыми пока листками, с одной только пометкой: «5» — по теоретическому курсу. За теорией должна последовать практика. Но прыгать с парашютом, как и смотреть некоторые фильмы, разрешается лишь после шестнадцати. А просителю пятнадцать с половиной. Правда, он вымахал за этот срок на метр восемьдесят два сантиметра; ботинки 44-го размера. Он на голову выше матери, точно как отец. Лыжник. Конькобежец. Баскетболист — в сборной города. Комиссия в аэроклубе пропустила его по всем статьям, но из-за нехватки возраста требовалось «согласие родителей». Мама сказала: «Я разрешаю». Бабушка не знала об этом, она, кажется, и сейчас, когда у него уже с полсотни прыжков, не знает, что он парашютист. А возможно, и догадывается. Но молчит, понимая, что вмешиваться бесполезно...

В. Селиверстова с сыном Володей.

Первый прыжок... Между прочим, для того, кто прыгает, он, как это ни странно, менее памятен, чем второй. Валентина Михайловна говорила мне, что первый прыжок прошел у нее как-то неосознанно. Перемахнула через борт самолета — и вниз. А потом уже, на земле, начала думать: а если бы не сработал купол, а если бы перепутались стропы, а если бы... Этих «если» набралось столько, что во второй раз она прыгала ну не с боязнью — с бо́льшим просто сознанием опасности. И сам прыжок показался долгим-долгим, и она запомнила его во всех деталях... Но вот первый прыжок сына памятней Валентине Михайловне всех ее собственных прыжков!

Они поднялись вместе на «АН-2». Мать тренировалась как раз к очередному первенству страны. Не одна — с командой в восемь человек. Собирались прыгать всей группой, враз — с 800 метров на точность приземления. Вовка — девятый, вне зачета, и решили, чтобы он отдельно от них, первым. Мать хотела видеть, как он... А он что? Спокоен был. Встал по команде «Приготовиться!», пошел к дверям меж кресел. Мимо нее. Парашют не отвисает, не болтается, ладно сидит на спине, подогнан. Выпускал Вовку Бочаров, ее ученик, теперь тоже инструктор. Он стоял у дверей. И ей бы туда же — к дверям. Сдержала в себе это желание, осталась в кресле. Вот уже Вовка возле Бочарова, вот чуть впереди, у самого порога. Она все-таки приподнялась, чтобы подойти к нему, положить руку на плечо. Приподнялась, но не встала, опять сдержалась, не хотела, чтобы ему передалось ее волнение. Бочаров сказал: «Пошел!» И Вовка в последнее мгновение обернулся к ней, подмигнул. Прыгнул. Она видела: не мешком, не камнем, мягкий, но сильный толчок, хорошо отделился. Теперь он один там, в небе. Нет не один — она рядом. Каждое его движение — ее движение. Сколько бы и где бы он теперь ни прыгал — она всегда будет рядом... Купол! Вот уже и купол над ним. Разворот влево, разворот вправо, правильно, Вовочка, правильно!.. Самолет пошел на второй заход, чтобы им всей группой прыгнуть, и Валентина Михайловна могла до самой земли провожать Вовку глазами. Она видела, как он приземлился, видела! Через несколько минут и сама там будет. Обнимет, прижмет его к себе...

Вовка подошел к ней на круг с уже собранным парашютом, снова готовый в небо. Она сказала:

— Дай я тебя поцелую, сынок...

Но он сказал тихо, так, чтобы никто не слышал:

— Дома поцелуешь...

И вместо поцелуя она протянула ему маленького резинового слоненка, которого купила утром и который только что пропутешествовал с ней с неба на землю. Слоненка Вовка взял...

...Неделю живу в лагере парашютистов. Я тут единственный сухопутный, от земли не отрываюсь. Все остальные с утра и чуть не весь день полощутся в воздушном океане.

Сборная команда страны тренируется перед поездкой на мировой чемпионат в ФРГ.

Я стою возле круга. Это, собственно, несколько кругов, вписанных один в другой. Большой серый — из взрыхленной земли; в нем — светло-желтый, из опилок, посередине которого выложен крест из белых полотнищ; в самом их перекрестии — маленький, диаметром в пятнадцать сантиметров, тоже желтенький, но пластмассовый кружок с кнопкой в центре. Вот в этот пятак, в эту пуговку и старается приземлиться парашютист, прыгающий из самолета с высоты 1 000 метров. Угодит — получит нуль, высшую оценку за точность приземления.

Возле круга я сейчас не один. Шумная, веселая собралась компания. Непрерывно хохочут. И громче всех бронзововолосая, быстроглазая, порывистая Флора Солдадзе. Я знаю, три года назад на соревнованиях во Франции она совершила подвиг, о котором писала вся спортивная печать. Перед зачетными прыжками на стиль Флора сломала ногу. А до этого серьезно заболела другая из трех наших парашютисток, и мы могли выставить в зачете не двух, как полагалось, а только одну спортсменку. Большая потеря очков! Флора сказала: «Прыгну». «Со сломанной ногой?» «Прыгну! Это же не на точность в круг, а только на стиль, на фигуры в воздухе...». И она прыгнула. И не приземлилась. Ее приняли на руки ребята, мужчины из нашей команды... Так что не ошибетесь, пожалуйста, в оценке характера Флоры Солдадзе, когда слышите ее громкий, заливистый смех...

И не ошибитесь, думая, что вот эта светленькая тихая девушка, стоящая в стороне, совсем не похожа на парашютистку. У нее не одна сотня прыжков. Правда, скажу вам по секрету, Лерочка Маринчева иногда укачивается в самолете. Но есть отличный, вернейший способ избавиться от неприятных ощущений — прыгнуть за борт. Лерочка так и делает. И, знаете, мигом проходит головокружение, исчезает тошнота...

Раз уж начались знакомства, представлю вам и Олюню, как все нежно зовут тут большого, сильного Олега Казакова, абсолютного чемпиона страны. Женю Ткаченко представлю, чемпиона мира, «воздушного акробата», как говорят в цирке, но в данном случае действительно воздушного, потому что, не раскрыв парашюта, он крутит сальто в подоблачной выси, словно под куполом цирка. Познакомьтесь с Ириной Соловьевой, инженером из Свердловска, только что испытавшей на себе то, что через несколько минут испытает наша Валентина. Соловьеву качали. Подбросили вверх девять раз, по разу за каждую сотню совершенных ею прыжков. Селиверстовой, которая еще там, в воздухе, предстоит, опустившись на землю, снова взлететь, но уже на руках друзей, четырнадцать раз — сегодня ее юбилейный, 1400-й прыжок.

Сейчас все, кто не в небе, собрались около круга — ждут Валю. Кто-то принес «Спидолу», включил, и она, как по заказу, пропела:

Ох, не будет мне покоя,
Пока милка не придет...

Хохот.

— Пошла! — говорит стоящий у оптической трубы Сторчиенко, давнишний, постоянный тренер Селиверстовой, и ныне абсолютной чемпионки страны.

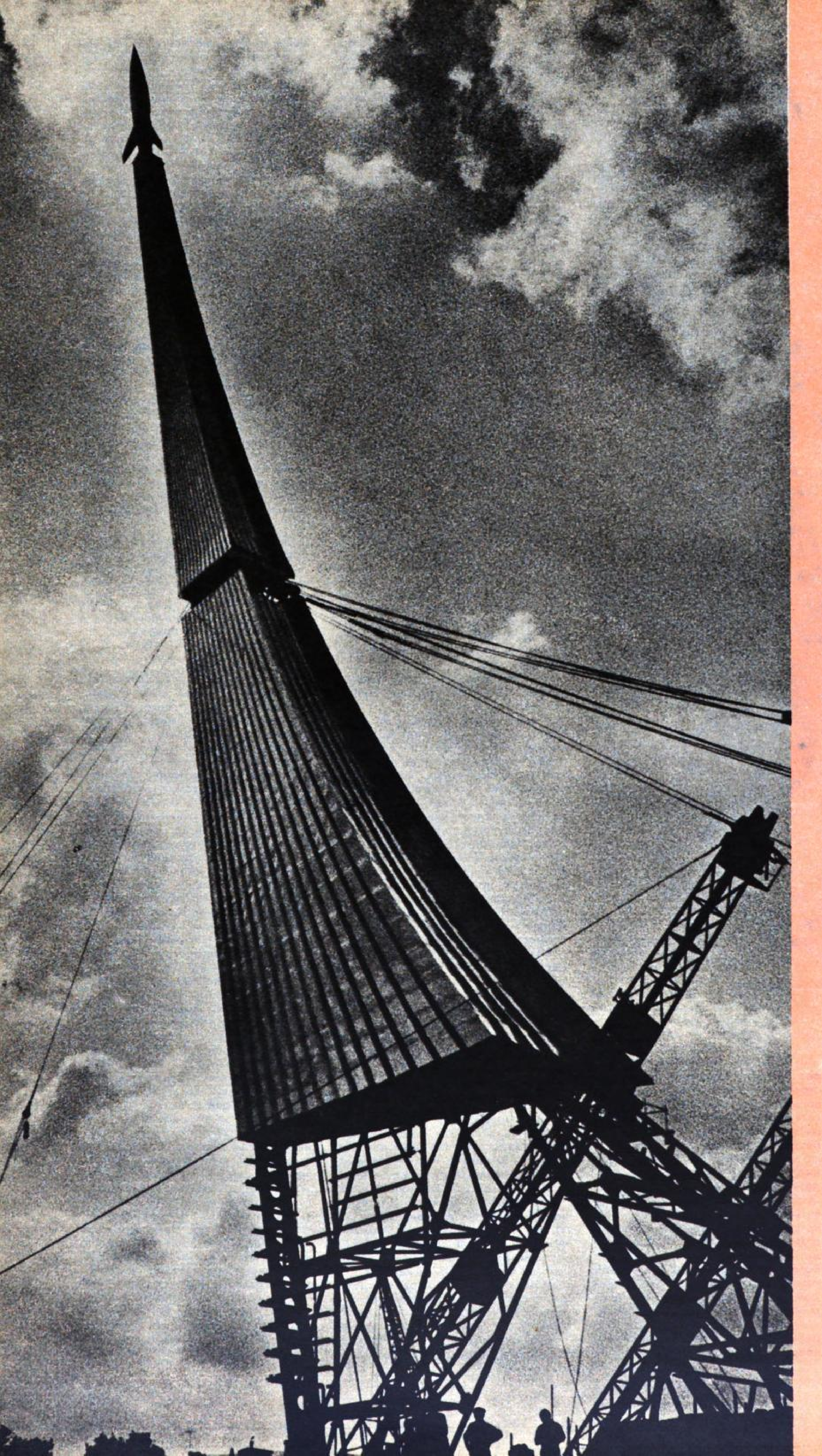
Я запрокидываю голову, вижу высоко-высоко в небе и далеко в стороне маленькую фигурку под цветистым зонтом, перевожу взгляд на пятак в середине круга, и если бы не семидневный уже опыт наблюдения за прыжками, я бы не поверил, что оттуда, из-под облаков, можно прицелиться и приземлиться в этот желтый кружок чуть побольше моей ладони. Но пока я думаю об этом, Селиверстова уже над нами, видно ее лицо, спокойное, улыбающееся, видны мягкие, точные движения рук, управляющие стропами, и Павел Андреевич кричит в мегафон:

— Нормально идешь, Валя, с хорошим запасом высоты!..

В пятак, в самый нуль! Подобрав купол, осыпанная опилками, Селиверстова подходит к нам, хочет что-то сказать, но не успевает и рта раскрыть, как, подхваченная десятком пар рук, взлетает, ну, не к самым облакам, чуть пониже. Раз... два... три...

— Осторожней, ребята! — умоляет она. — Уро́ните, ушибете! Ой, не надо так высоко... Страшно!

Не слушают. Четыре... пять... четырнадцать! И теперь только можно стать твердо на землю. Можно прижать к груди протянутый тебе букетик фиалок. Можно снять секундомер. Ненадолго. На полчаса. До следующего прыжка... Я знаю, что под прозрачной крышкой секундомера лежит крошечная, на паспорт, фотография. Юноша в рубашке с распахнутым воротом. Сын. Вовка. Он всегда с ней в полете. Как и его отец, ее Николай. Нет, она никогда не бывает в небе одна.

Страница фотолетописи

УТРО МОСКОВСКОГО КОСМОДРОМА

Тут все, как на космодроме перед ответственным стартом: раннее безоблачное утро, озабоченные люди, серебристое стремительное тело ракеты, готовой устремиться ввысь...

Да это и впрямь космодром, хоть место, с которого через несколько минут взметнется ракета, прозаически называют строительной площадкой обелиска в честь запуска первого искусственного спутника Земли.

До старта остались считанные минуты. Стоят на своих местах прораб Василий Тихонович Матвеев, бригадиры монтажников-высотников Михаил Дмитриевич Денисов и Всеволод Васильевич Энгельгардт. Не работают еще лебедки, тросы безвольно протянулись по земле, не вращаются блоки мощных полиспастов.

Поднял над головой руку начальник участка инженер Сергей Олегович Чижов...

Что же он молчит!

Все тут давно подсчитано, все десятки раз продумано и проверено. Заранее предусмотрены любые, казалось бы, самые непредвиденные обстоятельства.

И все-таки чуточку екает сердце инженера перед таким ответственным подъемом.

Весь гигантский стосемиметровый обелиск собран, как говорят монтажники, внизу. Иначе, пожалуй, невозможно было воплотить в металле замысел авторов обелиска. На земле установили, собрали и выверили стальной каркас. На земле облицевали его листовым полированным титаном. И теперь всю эту махину надо поднять так, чтоб ракета устремилась ввысь и потянулся бы за ней титановый шлейф — постамент, изображающий огненный смерч ракеты...

Таких подъемов Чижову еще не приходилось совершать. К тому же сегодня День воздушного флота. И Сергею очень хочется, чтобы все прошло по-праздничному, без запинки, без задоринки.

Ровно пять утра.

— Вира!

Это и есть команда к старту. Заклацали шестерни лебедок. Легли первые витки троса на их барабаны. Вытянулись полиспасты.

Ракета медленно отделилась от земли и пошла в небо, на свое вечное место!

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

Кижи.

К 250-летию Кижского архитектурного ансамбля

Фото М. САВИНА.

Сказка севера

Михаил Кузьмич Мышев.

Н. ДОЛГОЛЕНКО,
старший научный сотрудник
Государственного историко-краеведческого музея Карельской АССР

О семи чудесах света мы слышали. «А какое же восьмое? Может, это?» — невольно думаешь, любуясь замечательным шедевром древнерусского народного зодчества, памятником мировой известности — Кижским архитектурным ансамблем.

«Римом России, русской Италией» назвал Н. Рерих деревянное народное зодчество Севера.

Немало в этих краях памятников старины, но лучше Кижского, пожалуй, не сыщешь.

Величаво и гордо возвышаются над просторами Онего три неповторимых по своей красоте сооружения. Жемчужиной среди них по праву считают Преображенский храм. Пленительно прекрасны и удивительно гармоничны его формы.

«Чем больше всматриваешься в эту несравненную сказку куполов, тем яснее становится, что зодчий, создавший ее,— неподражаемый творец форм и мотивов. Однако при всей гениальности этого фантастического сооружения оно все же не творение одного человека, не дело одного какого-либо исключительного, гениального зодчего. Перед нами народное творчество, где личность тонет, где нет ни одного мотива, ни одной безделицы, не использованной раньше, где нет ни одной черты, чуждой народу и его многовековому искусству», — писал академик И. Грабарь.

Венчают этот изумительный памятник двадцать две причудливо расположенные главы разных размеров, покрытые ажурными чешуйками под лемех. Вытесанные из осины, они удивительно меняют свою окраску в зависимости от освещения солнцем и погоды: блеском серебра отливают днем, окрашиваются багровым цветом на закате и голубеют ранним утром.

Все это «диво дивное» сделано без гвоздей, без железа, лишь при помощи топора и долота.

Одна из легенд повествует о том, что талантливый мастер, закончив строительство храма, забросил топор свой в Онего и сказал: «Церковь эту построил мастер Нестер. Не было, нет и не будет такой».

Рядом с Преображенским храмом более скромная — Покровская церковь. Своей простотой она еще больше подчеркивает величественность соседа. Роднят их нарядные шапки чешуйчатых куполов.

Дополненный строгой формы шатровой колокольней, окруженный оградой со сторожевыми башенками на углах, ансамбль гармонично сочетается со своеобразной северной природой.

Здесь же, на острове, неподалеку от Кижей, небольшая церковь, относящаяся к XIV веку — один из древнейших памятников деревянного зодчества, часовни XVII и XVIII веков, дом с курной избой, амбары, мельницы...

В этом году исполняется 250 лет со дня основания Кижского ансамбля.

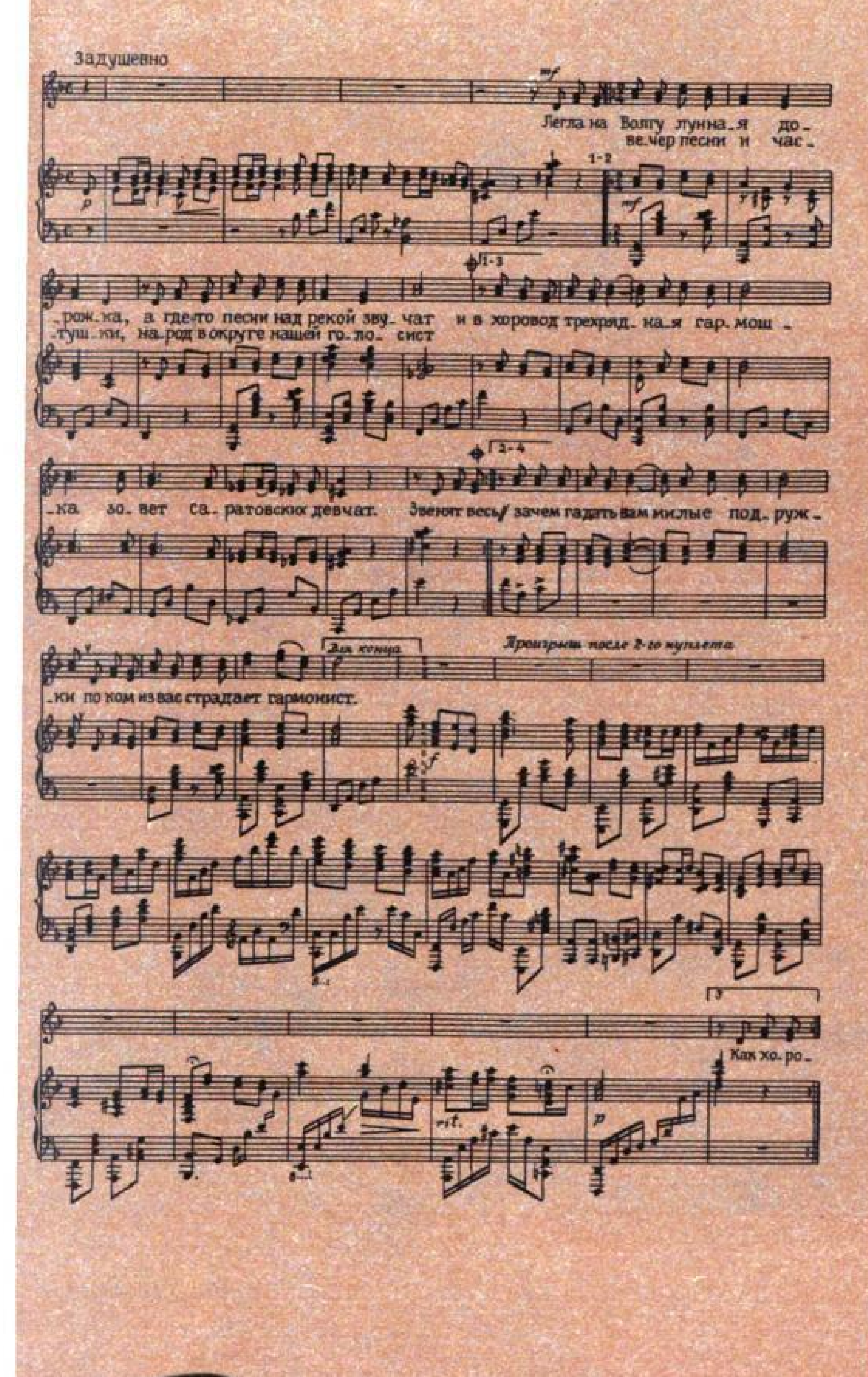
В том, что мы сегодня любуемся этим изумительным памятником, немалая заслуга талантливого умельца Михаила Кузьмича Мышева. Слава об искусном семидесятипятилетнем мастере-самоучке пошла далеко по стране. Вот уже около двадцати лет руководит он реставрационными работами в Кижах. Не раз приходилось Кузьмичу с бригадой не только заменять сгнившие от времени резные столбы крыльца, водосливы, причелины и осиновый лемех на главках, но и устранять большие переносы и выпучины стен, заменять сгнившие от времени нижние венцы бревен. Это трудная и сложная работа. Не каждый рискнет поднять на бревенчатые столбы-опоры многотонную 35-метровую махину. Но Кузьмичу не привыкать.

Много посетителей у музея-заповедника. Здесь всегда можно встретить молодых художников, маститых ученых, архитекторов и языковедов, журналистов и пионеров... Немало гостей из-за рубежа.

«Сегодня, как никогда, мы почувствовали величие и красоту искусства народных умельцев,— пишет группа туристов.— Сняли шапки и с благодарностью низко поклонились создателям этого шедевра».

Приезжайте и вы, читатель, полюбуйтесь дивной сказкой северного леса.

Волжская сторонка

Музыка Изабеллы **ВОЛОДИНОЙ**. Слова Георгия **СТРОГАНОВА**.

Легла на Волгу лунная дорожка,
А где-то песни над рекой звучат,—
И в хоровод трехрядная гармошка
Зовет саратовских девчат.

Звенят весь вечер песни и частушки,
Народ в округе нашей голосист.
Зачем гадать нам, милые подружки,
По ком из нас страдает гармонист?!

Как хороша ты, волжская сторонка!
Горят костры на стане полевом,
И под гармошку песни льются звонко,
И счастье входит в каждый дом.

Друзья любой невесте свадьбу справят.
Цветут, шумят пшеничные поля.
И никого без ласки не оставит
Родная наша русская земля.

ТАЙНА СТАРИННЫХ

М. ЛЮБАРСКИЙ, Б. ЦАЦКО

В Ленинградской научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы обычный рабочий день.

И вдруг — необычный посетитель. Пришла старшая научная сотрудница Института русской литературы Академии наук СССР, кандидат филологических наук Галина Николаевна Моисеева. Галина Николаевна раскладывает на столе фотоснимки двадцати восьми старинных рукописей. Филологу требуется помощь криминалиста. Если он уверенно скажет «да», значит, открытие совершилось. А если нет...

— Кстати,— спрашивает Галина Николаевна,— вы хорошо знаете биографию Михаила Васильевича Ломоносова? На всякий случай я вам ее напомню...

В лаборатории возникает увлекательный разговор о великом русском ученом-энциклопедисте и поэте. Филолога Моисееву увлекло изучение работы Ломоносова над рукописными материалами по истории России. Ей удалось на многих древнерусских рукописях обнаружить пометки, приписки, комментарии, которые, по ее глубокому убеждению, принадлежат перу Ломоносова. Эти короткие строки показывают, что он весьма критически относился к историческим источникам, внимательно сличал различные версии рассказа об одном и том же событии в разных летописях, старался проверить каждый факт, по-своему комментировал его.

Исторические сюжеты всегда находили широкое отражение в литературном творчестве Ломоносова. По-новому прочитанные пометы на старинных рукописях показывали, какими богатейшими знаниями он обладал, с какой точностью и мудростью оценивал свидетельства древних рукописей. А ведь сохранились в архивах упреки историков второй половины XVIII и XIX веков по адресу Ломоносова, который якобы не знал многих русских источников своего времени. Знал, и еще как!

Чем глубже проникала Моисеева в тайны помет и знаков на полях рукописей, тем больше откровений ждало ее. Вот перед нею старинная Псковская летопись, подаренная библиотеке Петербургской академии историком Василием Никитичем Татищевым. Почти каждый лист имеет пометки и приписки М. В. Ломоносова. Задержимся на 86-м листе — здесь завершается рассказ о Мамаевом побоище. Описав позорное бегство литовского князя Ягайло из Руси после получения известия о победе русских войск над Мамаем, составитель добавляет, что литовцы «побегоша назад вси со много скоростию, никим же гоними, не видеша бо тогда великого князя, ни рати его, ни оружия его. Токмо литва имени его бояхуся и трепетаху. А не яко при нынешних временех литва над нами издеваются и поругаются». На поле М. В. Ломоносов приписал: «Видно, что сия книга не пожже Расстригиных смущений писана». И действительно, только в Смутное время русские люди, изнывавшие под непосильным гнетом иностранных завоевателей, могли сопоставить отношение к ним литовцев «тогда», то есть в конце XIV века, и «при нынешних временех» — в начале XVII века. О чем свидетельствовала строка, написанная Ломоносовым? Что он более двухсот лет назад предвосхитил методику исследований русских летописей, разработанную крупнейшими историками нашего времени, так называемую критику источника, которая позволяет определить время создания замечательных произведений Древней Руси и воскресить имена ее авторов или составителей.

«Тогда бой бысть немцом с литвою на Сряце реке и побиша литвы 40 тысяч»,— пишет летописец. Ломоносов подчеркивает последние слова и замечает на полях: «Вра-

Громоотвод

Штефан САБО

Максимилиан Пирошка — начальник большой железнодорожной станции. Человек он уже пожилой. Провести его не так-то просто. В работе не надорвется, но служебные дела решает быстро и строго.

— На комедии у нас нет времени,— говорит он обычно. И отдает приказ в телефонную трубку.

Однажды секретарша доложила ему о пассажире, пришедшем с жалобой. Максимилиан Пирошка быстро оправил на себе щегольскую форму и, пригладив черные усики, с веселым лицом вышел сам встретить посетителя.

— Пожалуйста, дорогой товарищ,— сказал он и, подхватив под руку мужчину средних лет, повлек его в свою канцелярию.

Мужчина от такой учтивости железнодорожника пришел в замешательство, но потом резко выпалил:

— Спасибо, я пришел с жалобой!

— Я знаю, — понимающе улыбнулся Максимилиан Пирошка.

Мужчина был смущен.

— Дело вот в чем,— начал он мягко.— Я часто езжу по железной дороге и уже несколько раз жаловался на то, что проводники грубят. Сегодня, например, проводница обозвала меня болваном. Спрашиваю вас: какой же я болван, а?!

Максимилиан Пирошка при-

РУКОПИСЕЙ

ки». В другом месте составитель летописи старательно рисует характер Олега Рязанского. Ломоносов помечает, что Олег «любил дураков...». Сотни ярких и образных помет, убийственно точных и остроумных, содержательных и глубоких.

«Усердными и счастливыми» назвал член-корреспондент Академии наук СССР Н. Пиксанов поиски Галины Николаевны в библиотеках и архивах Москвы, Ленинграда, Киева, Ярославля, Архангельска.

Надо было установить библиотеки, которыми пользовался Ломоносов, их тогдашние фонды, выяснить, какие древнерусские рукописи могли попасть и попали на рабочий стол Ломоносова. Моисеева изучила и перелистала фонды библиотеки Петербургской академии, Патриаршей библиотеки, Славяно-греко-латинской академии, Киево-Могилянской академии, Эрмитажной библиотеки, библиотеки Александро-Невской семинарии, Посольского приказа, литературно-исторические материалы в музеях и архивах.

Как и в каждом новом и важном деле, не обошлось без скептиков. Нет, заявляли они, не похожи эти пометы на ломоносовские, ничего общего с его почерком. Сами можете убедиться: тут не требуется особых талантов и познаний...

И в самом деле, казалось, что приписки на трех рядом лежащих древнерусских рукописях сделаны тремя различными людьми.

А Галина Николаевна могла ручаться, что это раздумья Ломоносова запечатлены на полях. Но ведь почерки-то действительно совершенно разные — от этого не уйдешь. А почему у одного и того же человека в разных случаях разный почерк — Моисеева объяснить не могла. Может, это сделают криминалисты?

Задача была не из легких. Самое беглое ознакомление с материалом говорило, что предстоит большое и чрезвычайно сложное исследование. Тексты, отдельные слова и знаки на большинстве фотоснимков получились нечетко. Не все снимки с рукописных листов были в натуральную величину, и это тоже затрудняло дело. Пометы относились к разным годам жизни Ломоносова, они были сделаны не только на русском, но и на латинском языке. В общем, одно осложнение возникало за другим.

Почерковедческое исследование в лаборатории судебной экспертизы началось с самого тщательного изучения биографии нашего великого соотечественника. Итак, родился в семье неграмотного «государственного крестьянина» — помора. Обучался грамоте у дьячка. Первыми учебниками были церковные книги и рукописи. Первые самостоятельные работы — переписывание духовных текстов. В те годы привычной для юного Михайлы Ломоносова системой письма был церковный полуустав, отличавшийся от так называемого устава более мелкими буквами, наличием некоторых признаков скорописи. Даже свою подпись «Михайло Ломоносов» он изображал полууставом. Признаки почерка, выработавшегося в юности, обнаруживаются и позднее, даже в письме академика М. В. Ломоносова. Это элементы рисованных букв. Кстати, таких признаков почерка не встретишь у его сверстников, выходцев из обеспеченных кругов, получивших светское образование.

И все же казалось, что пометы на разных рукописях сделаны разными людьми: настолько далек был один почерк от другого. Приходилось снова и снова обращаться к биографии Ломоносова — она могла явиться ключом к решению загадки.

Будущий академик поздно начал учиться, влияние учителя-дьячка чувствуется в его первых рукописных материалах. Учился он жадно и много. Будучи студентом Славяно-греко-латинской академии, в совершенстве овладел латынью, пользовался ею, работая над рукописями. А значительно позднее, когда Михаилу Васильевичу пришлось вести обширную переписку с официальными и высокопоставленными лицами, выработался новый почерк — парадный, вычурный, с красиво выведенными буквами. Не здесь ли надо было искать «тайну трех почерков»?

Значит, следовало подобрать образцы рукописей Ломоносова, относящиеся к разным периодам его жизни, и сличать их, тоже по этапам, с пометами и приписками на древнерусских рукописях. Много времени ушло на подбор и изучение образцов. Подлинные документы, написанные М. В. Ломоносовым, естественно, не могли быть представлены для работы — эксперту пришлось довольствоваться фотокопиями.

Образцы были подобраны следующим образом: три относились к периоду до 1731 года, одиннадцать — к 1734—1736 годам на русском и латинском языках, два написаны в 1741—1742 годах, один — в 1750 году, девять — в 1741—1747 годах, семь официальных документов и семь черновых записей — в 1740—1760 годах. Г. Н. Моисеева подобрала за те же годы десять черновиков, редакторских помет, записей на книгах.

Подобное разнообразие позволяло каждую исследуемую помету сопоставлять с соответствующими ей текстами. В тщательно подобранных образцах имелись такие же слова и сочетания слов, как и в пометах на старинных рукописях.

Свыше двух месяцев продолжалась работа по сравнительному исследованию текстов, слов, знаков... Порой эксперт был готов отказаться от отдельных записей, признать в заключение, что «исполнителя» установить нельзя. Но наступал новый день, и опять на столе лежала та же запись. Очень уж благодарной была задача!

И вот все чаще и все больше стали обнаруживаться совпадения с записями на полях старинных документов. Они были не только в общем строении почерка и в его общих признаках, но и в чрезвычайно редко встречающихся индивидуальных, частных признаках. Совпадения были найдены и для помет, сделанных на русском языке, и для записей на латинском. Совпали признаки цифровых записей, своеобразных знаков, которыми Ломоносов широко пользовался при изучении рукописей. Совпадающие признаки образовали, выражаясь языком криминалистов, такую индивидуальную совокупность, которая позволила сделать категорический вывод: драгоценные пометы на старинных рукописях более двухсот лет назад сделал Михаил Васильевич Ломоносов.

Открытие состоялось.

Сомнения скептиков больше не беспокоят филолога Г. Н. Моисееву. Сейчас Галина Николаевна работает над монографией «Ломоносов и древнерусская литература». Книга должна быть завершена в 1965 году — к двухсотлетию со дня смерти М. В. Ломоносова, великого ученого, поэта и историка.

Лист Радзивилловской летописи. Внизу — приписка М. В. Ломоносова.

Строки из записей М. В. Ломоносова на русском и латинском языках. Кажется, что они сделаны разными людьми.

дал лицу рассерженное выражение.

— Вы правы. Это уж действительно чересчур!

И он вызвал секретаршу.

— Гедвичка, вы свидетельница, сколько раз я предупреждал Муоцика, чтобы он уделял больше внимания воспитанию проводников...

Гедвичка кивнула головой и приготовила блокнот и карандаш.

— Итак, пишите: «Дальше терпеть такое положение мы не можем. Альфред Муоцик с сегодняшнего дня переводится на другую, менее ответственную работу». Можете идти, Гедвичка.

Мужчина полным сожаления голосом обратился к Максимилиану Пирошке:

— Спасибо вам, но, пожалуй, и не надо было так строго.

— Нет, нет, благодарю вас от всего сердца, что вы предупредили меня об этом. Видите, если бы каждый вот так помогал нам... Еще раз благодарю вас от имени железных дорог!

И он учтиво проводил уже совсем успокоившегося мужчину к двери. Потом, закрыв ее, пританцовывающей походкой подошел к письменному столу и вполголоса стал напевать свою любимую «Арриведерчи, Рома».

В эту минуту зазвонил телефон.

— Алло! Каменоломня? Как? Опять мы вам не подали вагоны? Конечно, сейчас же расследую... Минуточку...

Пять минут спустя Максимилиан Пирошка снова взял трубку.

— Слушаю! Каменоломня? Дело я расследовал, вы правы. Виновным оказался наш работник Муоцик. Я дал приказ немедленно лишить его должности! Нет, нет, не оправдывайте его, пожалуйста, на комедии у нас нет времени.— И положил трубку.

Точно в десять часов он вынул из ящика бутерброд с маслом и тонко нарезанной ветчиной. Вдруг открылась дверь, и в канцелярию вошла какая-то высокая женщина в большущей шляпе. Объемистой сумкой она отбивалась от секретарши.

Максимилиан Пирошка поспешил к двери.

— Ну что вы, Гедвичка!.. Пожалуйста, прошу присаживаться. Что вам угодно?

Высокая женщина первым делом поправила на голове большущую шляпу и смерила взглядом Максимилиана Пирошку.

— Ну и персонал у вас! Поезда ходят с опозданием, а пассажиры натисканы в них, словно сельди в бочке. Взгляните, как я выгляжу после стокилометрового путешествия.

Максимилиан Пирошка учтиво осмотрел ее и, вынув чистый носовой платок, легонько стер с носа посетительницы сажу.

— К сожалению, вы правы. И с такими вот людьми я должен работать. Если бы вы знали, сколько мне приходится с ними мучаться. И все напрасно! А что у вас случилось?

— Я совсем испортила себе новый костюм. Посмотрите, какой он грязный! У меня билет в мягкий вагон, а мне пришлось всю дорогу простоять в проходе жесткого. Но хуже всего то, что поезд опаздывал на сто девяносто минут.

— Я вас вполне понимаю. Меня самого это очень возмущает. Сейчас распоряжусь...

Максимилиан Пирошка подошел к телефону, снял трубку и набрал номер.

— Алло! Отдел жалоб? Перевожу Альфреда Муоцика в сортировщики. Немедленно привести в исполнение.

И сердито бросил трубку.

— Дело в том, что этот Муоцик уже давно получил приказ устранить все эти недостатки,— обратился он с пояснением к женщине.

— Правильно, давно так следовало! — с удовлетворением приняла его слова посетительница.— Пусть знает, что такое новый костюм! Благодарю вас!

— Мне следует благодарить вас, дорогой товарищ. По крайней мере вы видите, что лишь с помощью пассажиров мы можем устранить недостатки...

После ухода женщины Максимилиан Пирошка облегченно вздохнул и позвал секретаршу:

— Гедвичка, на сегодня с меня хватит жалоб. Не пускай, пожалуйста, больше никого...

Однако через несколько минут к нему в кабинет вбежала перепуганная Гедвичка.

— Товарищ начальник, пришла какая-то комиссия.

Максимилиан Пирошка быстро вышел навстречу.

— Пожалуйста, товарищи, проходите, располагайтесь как дома...

Группа мужчин важно расселась в глубокие кресла.

— Мы пришли относительно беспорядков и жалоб на вас...

— Знаю, знаю, товарищи. Признаться, были у нас беспорядки, и много жалоб было на нас, но я уже навел порядок. Я не допущу безобразия на наших железных дорогах. Обещаю вам, что они больше не повторятся! Я нашел и изобличил виновника.

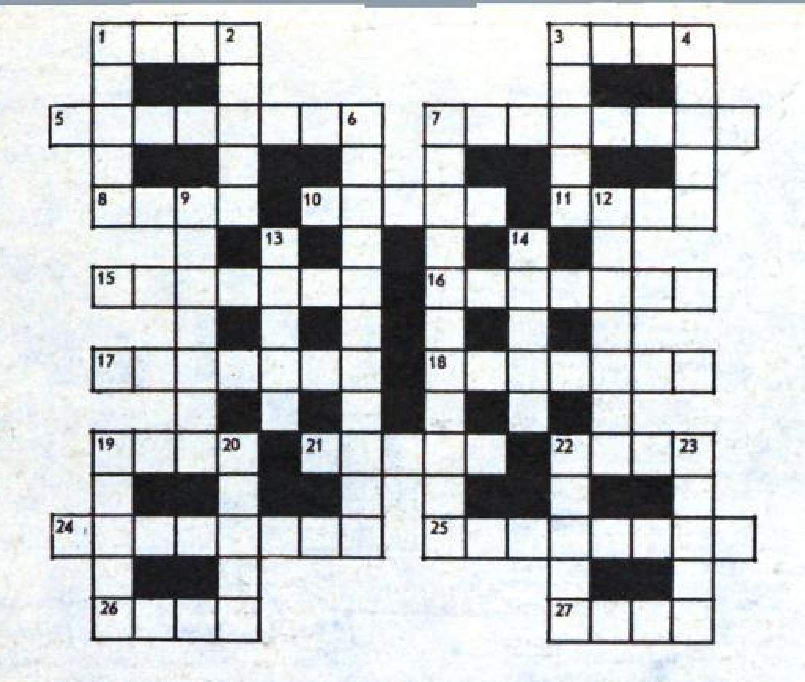
— Как это понимать?

— Это был наш работник Альфред Муоцик. Но можете быть спокойны, я его немедленно уволил. Он уже не у нас. Вот, пожалуйста, список служащих, можете убедиться.

Комиссия долго просматривала список служащих и действительно Альфреда Муоцика среди них не нашла. Поэтому она успокоилась, ушла и доложила, что на железнодорожном транспорте с непорядками разделываются решительно, виновников увольняют.

И лишь очень узкий круг сослуживцев Максимилиана Пирошки знал, что Альфред Муоцик у них никогда не работал.

Перевел со словацкого
Вениамин МИКЛОШ.

КРОССВОРД

По горизонтали:

1. Причальное сооружение. 3. Порт на Черном море. 5. Театральный жанр. 7. Областной центр в РСФСР. 8. Млекопитающее из семейства оленей. 10. Печатный набор. 11 Народный поэт-певец в Казахстане и Киргизии. 15. Бытовой электроприбор. 16. Роман Д. Олдриджа. 17. Продукт перегонки нефти. 18. Советский балетмейстер. 19. Рыба семейства окуневых. 21. Площадка для цирковых представлений. 22. Состязания лошадей на ипподроме. 24. Довод, доказательство. 25. Актриса МХАТа. 26. Химический элемент. 27. Повествовательный род литературы.

По вертикали:

1. Действующее лицо пьесы М. Горького «На дне». 2. Безлесное пространство. 3. Насос. 4. Норвежский драматург. 6. Драгоценный камень. 7. Часть речи. 9. Озеро на Валдайской возвышенности. 12. Карельский и финский народный музыкальный инструмент. 13. Приток Северского Донца. 14. Мелодия, напев. 19. Грузовое судно. 20. Обожженная огнеупорная глина. 22. Река в Африке. 23. Деньги, выдаваемые под отчет.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 34

По горизонтали:

7. Симфония. 8. Ватерпас. 10. Угорь. 11. Пунктир. 12. Конкурс. 13. Домбра. 16. Сеанс. 18. Дилемма. 20. Черенок. 23. Ворона. 25. Огурец. 29. Боровое. 30. Татищев. 31. Тонна. 32. «Светлана». 33. Режиссер.

По вертикали:

1. Диффузор. 2. Пойнтер. 3. Хирург. 4. «Ванька». 5. Печенье. 6. «Катерина». 9. Кошице. 14. Бруно. 15. Адыча. 16. Садко. 17. Корфу. 19. Гоголева. 21. Ергени. 22. Переплет. 24. Новелла. 26. Гуталин. 27. Ретина. 28. Стайер.

На первой и четвертой страницах обложки: Бухарест. Площадь Республики.

Фото М. Савина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. **Оформление А. КОВАЛЕВА.**

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-10; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00740. Подписано к печати 19/VIII 1964 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 970 000. Изд. № 1379. Заказ № 2237.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Фото О. КНОРРИНГА.

Рис. Н. ГОЛИКОВОЙ.

Вот уж поистине можно сказать: одежду из трикотажа носят все, начиная от младенца, нежное тельце которого плотно и мягко облегают распашонки, до... Тут уже нет никакого возрастного предела: джерси все возрасты покорны. И пускай мужчины не делают уничижительную гримасу: это, мол, все женская слабость к моде,— их мужские тенниски и плотные цветные трикотажные рубашки — все то же джерси. Да и у женщин увлечение это продиктовано не модой, а удобством.

Недавно в Москве было совещание тех, кто причастен к этому магическому слову. Здесь уместно использовать привычный оборот: «...маленький просмотровый зал Дома моделей трикотажа не смог вместить всех желающих». Большинство заседаний проводилось в клубе фабрики «Красная заря». Поговорив с присутствующими, журналисты установили, что здесь представлены не только республики, но многие областные центры — и повсюду изготовляют джерси. Если перевести это на язык цифр: более 400 фабрик и ателье занято у нас шитьем вещей из трикотажа. Прежде же чем перейти к рассказу и показу того, какие вещи наиболее модны, несколько слов из энциклопедии. На 223-й странице 14-го тома написано, что «джерси (мы, правда, все ставим ударение на последней гласной, както проще получается) — шерстяная или шелковая вязаная материя, а также белье или одежда из этой материи». За годы с тех пор, как вышел том, наша промышленность внесла существенную поправку в это определение. Ныне джерси, кроме шелка и шерсти, делается из хлопка, полушерсти, вискозы и, главное, новых синтетических материалов. Семь лет назад организован Московский дом моделей трикотажных изделий, он призван был разрабатывать модели из натуральных материалов; теперь 25 процентов его выпуска — синтетика. И процент этот возрастает даже не год от года, а много быстрее. В 1970 году применение в трикотаже новых синтетических волокон достигнет 38,5 процента. Новое сырье, конечно, очень увеличивает ассортимент трикотажных изделий.

Ну, а теперь о моде. Основное направление моды в трикотаже определяет колорит — характер переплетений и детали. Итак, колорит. Гамма трикотажная обычно мягче, чем текстильная. При вязке цвет всегда углубляется, и резкие тона, такие, как оранжевый, ярко-зеленый, будут выглядеть грубо. Сейчас модны солнечные тона — мягкий желтый, розовый, абрикосовый, апельсиновый; теплый серый, светло-коричневый, золотисто-коричневый, а также ярко-синий, ярко-красный, изумрудный, темно-синий, темно-зеленый, темно-вишневый и, конечно, маренго, белый, черный. Особенно модно сочетание белого с синим.

Теперь о самой ткани, то есть о характере переплетений — рисунках трикотажных полотен. Наиболее распространен гладкий, одноцветный, также плетенный из двухцветных ниток и рисунок букле. Длина жакетов, джемперов очень разнообразна, в повседневных вещах до середины бедра, нарядные и спортивные — удлиненные. Рукав узкий, длинный, втачной и реглан.

Юбки. Узкие прямые и слегка расширенные книзу; 3—5 сантиметров ниже колена.

Воротники неширокие, могут быть довольно длинными, с острыми или закругленными концами. Воротник часто завязывается руликом, бейкой, шнуром, которые могут оканчиваться помпонами. Разнообразны формы карманов. Пуговицы и пояса становятся декоративной частью костюма. Очень разнообразна также отделка: натуральная и искусственная кожа, замша, блестящие канты из ткани и трикотажа, рельефная тесьма, шнур, бахрома.

В предстоящем сезоне модны будут костюмы-двойки (джемпер с жакетом), стеганые куртки на поролоне, комбинированные изделия с начесными или кожаными деталями. Будут носить цветные неяркие чулки рельефной и рисунчатой вязки; надевать их надо к зимним сапожкам или ботинкам. Красные, зеленые, бирюзовые чулки подходят только к спортивному костюму соответствующей гаммы.

Модны будут также в этом сезоне маленькие вязаные шапочки с помпонами и козырьками.

Большинство моделей — те, что вы видите на наших страницах,— в этом году будут выпускать фабрики и ателье многих городов.

И. ВЕРШИНИНА

215

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663